

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ

РЕДАКТОР СЕРИИ МАРТА Ф. КЕМЕНЬ

ДОМОКОШ ВАРГА

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОРВИНА» · БУДАПЕШТ

ДОМОКОШ ВАРГА

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

У НАЧАЛ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

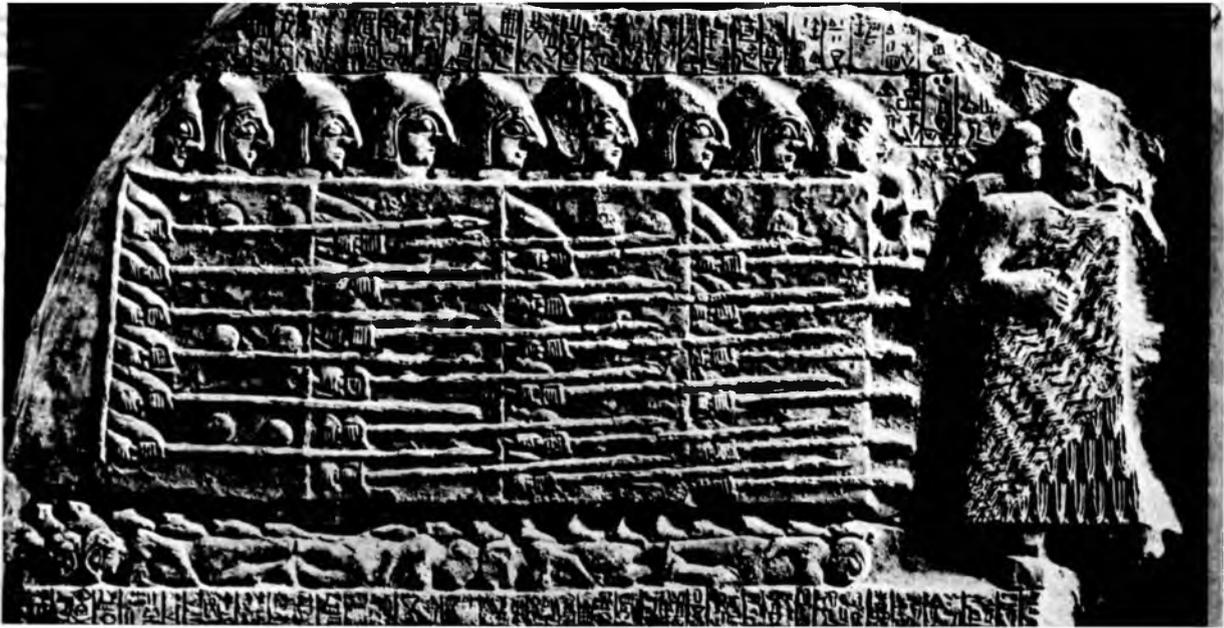
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОРВИНА» · БУДАПЕШТ

СОДЕРЖАНИЕ

СЫНОВЬЯ РЕК-БЛИЗНЕЦОВ		ОТ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ДО НОВОГО ЦАРСТВА	
ЦАРЬ, ЖАЖДАВШИЙ БЕССМЕРТИЯ Гильгамеш находит и теряет траву жизни	9	Эпоха грабителей. Среднее царство	80
РЕКИ И ГОРОДА Победа над болотами — шумерское сказание о потопах	12	КТО СПАСЕТ ЕГИПЕТ? Быстрый расцвет, долгое увядание	86
КТО ТАКИЕ ШУМЕРЫ? Мы знаем их язык, но ничего не знаем об их происхождении	16	ЦАРСТВА КОЛЕСНИЧИХ И ВСАДНИКОВ	
ПО СЛЕДАМ СОКРОВИЩ Поход за кедрами, царские гробницы, пример Энкиду	24	ПОБЕДА БЫСТРЫХ Скорость передвижения человека увеличивается в четыре раза	99
ТАК ПОГИБ ШУМЕР Две гибели, вторая окончательная. Аккады, гутеи, марту	30	КТО БЫЛ ПЕРВЫМ? Коневоды и воины-повозничие	103
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ Строительство башен-храмов, законы Хаммурапи	38	МОГУЩЕСТВЕННЫЕ ХЕТТЫ Растущий до неба Уликумми. У кого железо, у того сила	107
ГРЕХ ЧЕЛОВЕКА Веселый новый год	44	КУПЦЫ, ВОИНЫ, ТИРАНЫ Ассирия, сдирающая с людей кожу	111
НАРОД НИЛА		СОКРОВИЩА ДАРИЯ Последние дни Вавилона	120
ГИЛЬГАМЕШ В ЕГИПТЕ Таинственные посредники. По морю или по суше?	51	СТЕПНОЕ БЕДСТВИЕ Скифы и их потомки: воинственные пастушеские племена бескрайних травянистых степей	130
БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗОЛОТОЙ ГОР Боги-соколы, легенда об Осирисе, приготовление к вечной жизни	55	ВОСТОК—ЗАПАД	
СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД Самая большая пирамида — Хеопса, самая первая — Джосера	59	КИТАЙСКИЕ НАЧИНАНИЯ От страны Шан-Инь до первой империи	137
ДО И ПОСЛЕ Весы двух стран. Шесть династий Древнего царства	66	СТРАНА СЛОНОВ От древней цивилизации в долине Инда до единой Индии	147
ДИВНЫЕ ДЕЛА СТРАНЫ КЕМЕ Речь, календарь, наука, письменность и прочее	73	ДВА МИРА Уроки деятельности Александра Македонского. Пути Востока и Запада расходятся, но в конце концов вновь сливаются	156
		ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	

СЫНОВЬЯ РЕК-БЛИЗНЕЦОВ

Боевой строй шумеров. Деталь рельефа, найденного в развалинах города Лагаш.

ЦАРЬ, ЖАЖДАВШИЙ БЕССМЕРТИЯ

«На две трети бог, на одну треть — человек», — говорится о Гильгамеше в воспеваящем его подвиги древнем героическом эпосе. Согласно ему Гильгамеш больше, чем полубог, но все еще в достаточной мере человек, чтобы умереть.

Животные, даже самые смысленные, не знают, что их ждет смерть. Им не знакомы понятия «прошлое» и «будущее»; они не раздумывают о будущем, не ломают себе над ним головы. Часто предчувствуют они грозящую опасность, жалобно повизгивают, проявляют беспокойство, но и тогда не разделяется для них сегодня и завтра, жизнь и смерть, земной и потусторонний мир. Человек — единственное существо на земле, которое может — и вынуждено — размышлять о подобных вещах. Об этом уже 4600 лет назад размышлял и Гильгамеш, царь Урука, города-государства в Шумере.

В моем городе люди умирают,
сердце печально!
Люди умирают,
на сердце тяжело!
Я взглянул со стены,
увидел трупы, плывущие по реке.
А я? И меня ждет та же судьба?
Да. И меня ждет та же судьба.

Мысли о смерти — вечная боль для каждого человека. Мы не животные, мы обладаем сознанием, чувствуем, видим, как мелькают минуты, проходят часы, протекают дни, недели, месяцы, годы... и однажды кончается жизнь. Жизнь других, но и наша тоже. Нет исключений, нет пощады, нет утешения.

Или, может быть, все-таки есть?

Многие тысячелетия ищет бессмертия насыщенная человеческая душа — то в религии, культах, мифах, легендах, то в героических деяниях, возвышенных сказаниях. Ищет вечной жизни как милости, как исключения, а если она невозможна, ищет хотя бы утешения, что жалкому смертному есть ради чего жить.

По свидетельству древнего эпоса, подобным исканиям посвятил свою жизнь и Гильгамеш. От пенящихся вод Буранунны — так называли в древности Евфрат — отправился он со своими воинами в глубину гор, поросших кедрами, чтобы снискать себе непреходящую славу. Затем, после смерти своего друга Энкиду, раненного в битвах, отправился он один-одинешенек, чтобы бродить по пустыням, всходить на хребты гор, пробираться сквозь пропасти, сойти во тьму чрева земли, вновь выйти под пламенное небо, перебраться через море смерти и, наконец, из уст своего предка Утнапишти, ставшего богом, услышать то, что он и так уже знал:

Антилопа, жующая лист *древа жизни*. Глиняная таблица из шумерского города Шуруппак, около 2500 г. до н. э. Древо жизни из шумерских преданий было перенесено в гораздо более позднего происхождения библейскую легенду о земном рае, Эдеме.

Змея как злая сила также фигурирует в Библии. В шумерских легендах она, однако, появилась гораздо раньше. Свидетельствуют об этом и история Гильгамеша, и резьба на этом еще более раннем, — созданном около 3000 г. до н. э., — каменном сосуде.

Ярая смерть не шадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?

Все это расскажет Утнапишти, расскажет и пережитую им в прошлом историю потопа, когда люди, словно сбившиеся в кучу дохлые рыбешки, плавали в море, но затем он все-таки даст Гильгамешу надежду. Если выдержит Гильгамеш испытание — не будет спать шесть дней и шесть ночей, то вместо преходящей жизни будет дарована ему вечная.

Но Гильгамеш смертельно устал. Он так измучен, разбит дорогой, что напрасно пытается бодрствовать. Сидя, склоняется он вперед головой, падает на землю как мешок и спит без просыпа целых семь дней.

Но жена Утнапишти, пожалевшая горестного странника, дает ему еще один спасительный совет:

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы,
Твою руку уколут.
... На самое дно моря спустись ты
и ищи, пока не отыщешь
траву, что похожа на стрелы
наконечник, на колючку терновника,
на шип на стебле розы...
Эту траву срывай смело;
и не бойся — хоть она тебя уколёт! —
ты ее сорвать, взять в рот
и проглотить ее, зубами размельчивши!
Если ты проглотил траву жизни,
молод будешь и тебя не коснется
старости власть, что все перемелет!
Если этот цветок твоя рука достанет,
Будешь всегда ты молод.

Гильгамеш привязывает к шиколоткам ног тяжелые камни и прыгает в воду. Камни утягивают его на дно моря, там «в слабом свете, проникающем сквозь толщу воды, ощупью, ползком и на четвереньках» ищет он траву жизни и когда находит ее, то, «не обращая внимания на кровь, шипы, быстро срывает». Затем берет нож и срезает с ног каменный груз, чтобы снова всплыть на поверхность.

Каменный сосуд для жертвоприношений из Урука времени правления Гильгамеша.

Трава у него. Он мог бы тут же съесть ее, но он прячет ее под одеждой, потому что хочет отнести домой: «чтобы досталось и мужчинам, и женщинам, и малым детям; пусть старость больше не терзает народ огражденного Урука...».

Но Гильгамешу не удастся уйти далеко. Бредя по дороге к дому, он решает искупаться в оказавшемся на пути зеркально чистом водоеме; но пока он плещется, фыркает в воде, к одеждам его подползает змея, она чувствует запах травы и утаскивает ее.

Выйдя из воды, Гильгамеш сразу же хватается травы — и не находит ее. Он бледнеет, заливается слезами, разражается сквозь стоны проклятиями. «Для кого же кровью истекало сердце? — спрашивает он. — Себе самому не принес я блага, не принес я блага и людям Урука!»

Так возвращается Гильгамеш на родину, измученный, терзаемый горем, с пустыми руками. Обо всем этом сообщает нам, выражающей сожаление толпе поздних потомков, клинопис-

ный эпос, начерченный в свое время на глиняных табличках, выкопанных спустя тысячелетия из-под песка пустыни.

Конечно, можно сказать: а что нам за дело до Гильгамеша? До этой старой сказки? Да. Можно бы так сказать, если бы мы сами уже легко примирились со смертью. Но мы и сегодня, вместе с давно истлевшим Гильгамешем спрашиваем: «А я? И меня ожидает та же участь?» — И каждый вынужден дать себе тот же ответ: — «Да, такова и моя участь».

Голова быка из известкового шпата с глазами из битума. Работа шумерского скульптора, до 2500 г. до н. э.

РЕКИ И ГОРОДА

Народы долговечнее отдельных людей. Но народ Гильгамеша, шумеры, также уже давно вымер: тучи влекомого ветром песка занесли необитаемые руины шумерских городов. Очень долго поздние потомки даже и не подозревали о существовании такого народа. Благодаря раскопкам, проведенным в последнее столетие в Южной Месопотамии, выяснилось, что до ассирийцев и вавилонян в низовьях двух больших рек-близнецов, Тигра и Евфрата, жил народ высокой культуры, который был знаком с гончарным мастерством, с обжиганием черепицы и кирпича, умел строить городские стены и храмы, прокладывать каналы и орошать поля, сажал плодовые сады, умел запрягать в ярмо волов и ослов, строил колесницы и корабли, умел прясть и ткать, ковать из меди и бронзы орудия труда и оружие, создавал шедевры ювелирного искусства, занимался ваянием скульптур, писал стихи, сочинял и исполнял музыку, знал письмо, умел читать, множить, делить, знал меры веса, умел измерять длину и площадь, был знаком с астрономией, умел исчислять время, рвать зубы, варить пиво; и кто знает, что он еще умел. Это был народ Шумера.

У шумеров были школы, которые далеко опередили — как и во многом другом — школы греков, римлян, позднейшую Европу. Эти школы назывались домами табличек, потому что посещавшие их ученики писали на глиняных табличках, читали и учились по ним. Будущих писцов — детей дома табличек — учителя держали, очевидно, довольно строго, так как на одной табличке, написанной по-шумерски, мы читаем такие жалобы:

В доме табличек надсмотрщик сделал мне замечание: «Почему ты опоздал?»

Я испугался, сердце мое бешено заколотилось,

Подойдя к учителю, я поклонился

до земли.

Отец дома табличек выпросил

мою табличку,

Он был ею недоволен и ударил меня.

Потом я усердствовал с уроком, мучился с уроком.

Когда учитель проверял порядок в доме табличек,

Человек с тростниковой палкой сделал

мне замечание:

«На улице надо быть осторожным: рвать одежду нельзя!»

— и ударил меня.

Отец дома табличек

положил передо мной исписанную табличку;

Классный надсмотрщик приказал нам:

«Перепишите!»

Я взял свою табличку в руки,

Писал на ней,

Но было на табличке и то, чего я не

понимал,

Чего не смог прочесть.

Тогда надзиратель сделал мне замечание:

«Почему ты разговаривал без

разрешения?»

— и ударил меня;

Смотритель сказал:

«Почему ты кланялся без разрешения?»

— и ударил меня;

Человек, следящий за порядком, сказал:

«Почему ты встал без разрешения?»

— и ударил меня;

Привратник сказал:

«Почему ты ушел без разрешения?»

— и ударил меня;

Человек с палкой сказал:

«Почему ты протягивал руку
без разрешения?»

— и ударил меня...

Судьба писца мне опостылела,
судьбу писца я возненавидел.

Но все-таки счастливы были те, кто оканчивал школу дома табличек, так как со временем к ним в руки попадали не только ключи от складов, не только измерительные линейки, не только тростниковая палочка для писания, но и власть, они становились начальниками работ в мастерских, на строительстве, при возделывании земель.

Шумеры, собственно говоря, и в этом проложили дорогу потомкам; они умели запрягать не только волов и ослов, они умели заставлять людей работать; умели разумно организовывать, направлять общую работу. Страна, где они жили, была когда-то болотистой местностью, где заросли тростника, осоки чередовались с пространствами чистой воды, где было много рыбы и птиц, но очень мало годной для обработки земли. Для того, чтобы пахать, сеять и жать, шумеры должны были рыть дренажные каналы, преграждать путь воде насыпями, направлять по каналам укрощенную воду, которую они собирали и держали в водохранилищах, в вырытых в земле водоемах до времени, когда она требовалась для полива полей.

Очевидно, это заставило шумеров работать сообща. Примитивными деревянными мотыгами, привязанными к концу палки, они сначала разрыхляли землю, затем выкапывали ее, собирали в плетенные из ивовых прутьев корзины и тащили на спинах — когда на близкое, когда на далекое расстояние—туда, где надо было поднять выше насыпь или уровень полей. Позднее они уже работали с помощью металлических орудий и вьючных животных, но такими же строго организованными отрядами, иногда даже целыми армиями работников.

Так же возводили они и стены своих городов.

Цикл сказаний о Гильгамеше донес до нас упоминание о том, как царь гнал на работу жителей Урука:

На берег реки он народ гонит,
днем и ночью он стены возводит;
слезы камни начисто отмывают,
днем и ночью он стены возводит;
пот камни добела отмывает,

Город Мари был построен севернее других шумерских городов, в среднем течении Евфрата. Из-под развалин города была выкопана алебастровая статуя придворного церемониймейстера Эбиха-ила. По обычаю шумерских мужчин он носил юбку из шкуры длинношерстной овцы.

днем и ночью он стены возводит;
не знает его сердце пощады,
днем и ночью он стены возводит.

Но все же труд шумеров не был таким бесполезным, как, например, постройка египетских пирамид и других сооружений, связанных с культом мертвых. Шумеры нуждались в крепких — и все более крепких — городских стенах для

Группа людей, готовящихся к жертвоприношению. Двадцать одну такую фигуру выкопали из-под развалин храма на холме Асмар, вблизи одного из притоков Тигра. Каждая фигура держит маленький сосуд.

защиты все возраставшего населения, жизни и имущества жителей, для защиты царских богатств и сокровищ храмов — золота, серебра, драгоценных камней.

Сперва шумерам защитой служили сами болота, среди которых они жили. Но позднее, по мере осушения болот, защитная роль их все уменьшалась. А ведь еще в течение долгого времени даже города-соседи считались врагами: каждый из них стремился захватить другой и подчинить его своей власти.

Воздвигнутая Гильгамешем городская стена, снабженная бойницами, сторожевыми башнями, оказалась очень нужной. Царь города Киш, Агга, потребовал, чтобы мужчины Урука вышли рыть каналы-водоемы. Когда же они воспротивились этому, то «не прошло и пяти дней, не прошло и десяти дней», как Агга осадил город.

Осадить-то осадил, а захватить не смог. Более того, сделавшие вылазку жители Урука захва-

тили в плен самого Аггу; только благодаря милости Гильгамеша остался он в живых и смог вернуться домой.

Имена Гильгамеша и Агги упомянуты в знаменитом шумерском «Списке царей», который был сделан около 2100 года до нашей эры и выкопан — спустя четыре тысячи лет — как раз из-под развалин Урука. Это весьма интересный документ не только потому, что написан клинописью и делит царей на тех, кто правил до и после потопа, но и потому, что время царствования первых тридцати—тридцати пяти поколений указано в нем невероятно долгим. В этом списке приведены цари: Энмелуанна из Бадтибыры, который сидел на троне 43 200 лет, Алалгар, царствовавший 36 000 лет, Думузи и другие, правившие по 28 800, 21 000, 18 600 лет. После потопа, как видно, богоподобные шумерские цари умирали более молодыми, но все же Этана, царь города Киш, первым объединив-

ший страну, правил 1560, Агга — 625, а Гильгамеш — 126 лет.

Долгое время ученые не верили в реальность существования этих царей, пока раскопки не дали непосредственного доказательства жизни некоторых из них; были найдены современные им предметы из металла, камни, плиты с их именами. Конечно, долгая жизнь их — продукт позднейших легенд, но существовать они существовали на самом деле, и Гильгамеш, и Агга, и многие другие.

И потоп тоже был?

Был и потоп, хотя и не тот, заливший всю землю и дошедший до Арарата, о котором говорится в Библии. Но нам известно, это доказано раскопками, что страшной силы морской прилив залил значительную часть страны. Созданию легенды о потопе способствовали и опустошительные наводнения — гигантские разливы рек, смывавшие с лица земли города чуть ли не со всем населением. Так что библейская легенда имеет под собой реальную основу,

ведь праотец иудеев, Авраам, по преданию, перекочевал вместе со своим народом с земли Шинеар, т. е. Шумер, на северо-запад, чтобы вести жизнь пастухов, кочующих по травянистым степям.

Народ Авраама унес с собой один из вариантов древнего предания о потопе, которое затем, преобразовываясь на устах потомков, попало позднее в священное писание на древнееврейском языке.

Смысл легенды, однако, не изменился. В эпосе о Гильгамеше мы читаем, что любимец богов, благочестивый человек, которого в эпосе зовут не Ной, а Утнапишти, а в более древних отрывках на шумерском языке — Зиусудра, заблаговременно был предостережен богом: он должен построить корабль. Корабль он построил и даже поселился на нем:

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,

Львица, охотящаяся на оленя. Резьба по камню. Город Киш, до 2500 г. до н. э.

Женская голова из белого мрамора. Урук, около 3000 г. до н. э. Первоначально имела волнистый парик из тонкой золотой пластины и глаза из цветных полудрагоценных камней. И парик, и глаза пропали. Тело, к которому в свое время относилась голова, было вырезано из дерева.

Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров
я поднял.

А потом началась буря, которая заставила реки выступить из берегов, вырывала сваи, прорвала дамбы, валила стены, а ревущий южный ветер гнал морские валы на землю, на рушащиеся города и спасающихся бегством людей. Затем ураган утих, но вода все еще покрывала землю. Первые две птицы, выпущенные из ковчега, голубь и ласточка, вернулись обратно, только выпущенный третьим ворон исчез вдали.

Выпустил я всех живых тварей,
пусть бегут туда, куда охота,
пусть они вновь землю заселяют,
спариваясь со своей породой!

Затем из ковчега вышли и спасшиеся на нем люди и, «заклав барана и козла», сожгли их на жертвенном огне в благодарность богам за спасение.

Другая хорошо известная библейская легенда, которая также встречается на найденных при раскопках глиняных табличках с клинописью, это легенда о смешении языков. Но здесь не упоминается, не мог упоминаться Вавилонский столп, так как посвященная богу Мардуку семиступенчатая Вавилонская башня, действительно существовавшая в течение добрых пятнадцати веков, в то время, когда шумеры слагали легенду о том, что в давние времена люди не знали боязни и страха, никто из людей не поднимал руки на другого, потому что все народы говорили на одном языке, еще не была построена. Энки, одно из главных божеств Шумера, владыка земли и моря, бог знания и ремесел,

... изменил в людских устах язык,
поселил помехи и смешенье
в языке людей,
что прежде был единым.

В действительности же можно скорее предполагать, что предки шумеров жили когда-то в таких краях — в долинах, окруженных со всех сторон горами, или на островах в море, где им не приходилось встречаться с людьми, говорящими на другом языке, и в мифах сохранилась память об этих временах.

Может быть. Но и это недостоверно. А мифы потому и мифы, чтобы мы могли лишь угадывать их смысл.

КТО ТАКИЕ ШУМЕРЫ?

Мы не знаем даже и того, откуда они пришли. Не знаем и того, как они пришли, по суше или по морю. Достоверно лишь то, что город Эриду, считающийся древнейшим городом шумеров, был построен на берегах пресноводных болот, на месте, теперь примыкающем к Персидскому заливу. (На давнишних берегах, конечно, потому что с тех пор реки-близнецы засыпали принесенными ими наносами такую большую территорию, что теперешний берег моря пролегает в 110 километрах от развалин города.) В эпосе о боге Энки говорится, что Энки — предок всех ремесленников и земледель-

цев — прибыл с моря, со стороны «сияния». Другие следы указывают скорее на то, что некий живший на суше народ осмелился сойти с находящих по соседству иранских гор и поселился на равнинах вдоль рек.

Если судить на основании языка, то шумеры, приплыли ли они на кораблях или пришли по суше, не были ни семитами, ни эламитами, к племенам которых относились тогдашние жители близлежащих местностей. Не были они и народом индоевропейского происхождения. Пока что происхождение их покрыто густым туманом.

Этот густой туман не рассеялся и тогда, когда мы узнали, что шумеры склоняли и спрягали свои слова подобно тому, как это делают угрофинские и тюркские народы, а также японцы — все, появившиеся на арене истории тысячелетиями позднее. Сходным образом, но не так же. Например, когда шумеры хотели сказать: *великие боги*, они говорили: *дингир голлад* («бог-большой»). *Бездетный*: *думу-ну-так*, то есть «ребенок-нет-быть».

Еще несколько шумерских слов для образца:

э	дом
э-гал	дворец («дом-большой»)
дуб	глиняная табличка (на которой писали)
э-дубба	школа («дом-табличек»)
а	вода
а-ма-ру	потоп
ид	река, рукав реки, канал
лу	мужчина, человек
лу-гал	правитель («человек-большой»)
эн	господин
эн-си	царь
нам-эн	господство, господа
иги-ну-ду	слуга («глаза-не-поднимающий», т. е. с опущенными глазами).

Реку Евфрат, как уже упоминалось, шумеры называли Бурунунна, реку Тигр — Идигина. Самих себя они называли «саггиг» (черноголовые), а живущие на запад от них кочевые пастушеские племена — «марту».

Вся территория Шумера была не более 15 000 квадратных километров, приблизительно такого размера, как край или автономная республика в Советском Союзе. Население даже в эпоху расцвета не достигало и миллиона человек. Правда, по тем временам шумеры считались большим народом не только по размеру

Характерно шумерская мужская фигура. Нам известно и имя этого мужчины. Его звали Курлил, и жил он перед 2500 г. до н. э.

принадлежавшей им страны, но и по численности.

При переселении в Междуречье шумеров было еще немного — орды завоевателей никогда не бывают очень большими — вероятно всего несколько десятков тысяч человек. К тому же они стояли на более низкой ступени цивилизации, чем тогдашние жители Междуречья.

Ведь этот болотистый край не был безлюден и до прихода шумеров. Все новые и новые поселенцы приходили сюда, по-видимому, из находящихся на севере горных районов. Они строили себе здесь на вершинах сухих холмов, поднимавшихся то тут, то там из моря тростника и осоки, настоящие городки. Первоначально им принадлежали и города Эриду и Урук.

Города? Шесть тысяч лет тому назад? Еще до шумеров?

Не следует слишком удивляться! На Ближнем Востоке — от Малой Азии до Ирана — археологи уже раскопали города еще более старые, чем города Междуречья. Иерихон, например, стены которого, как говорит библейская

легенда, обрушились от трубных звуков и криков сыновей Израиля при захвате Ханаана около 1200 года до н. э., существовал уже в конце 8-го тысячелетия до н. э., т. е. добрые девять тысяч лет назад. Жители его еще не знали, например, гончарного мастерства, но умели возводить высокие городские стены со сторожевыми башнями, которые почти две тысячи лет защищали их жизнь и имущество от внезапных нападений. Более поздние жители городов Междуречья — находившихся в южной части Малой Азии и Северной Сирии — уже умели обжигать глиняную посуду, которую делали сперва просто руками, а позднее на гончарном круге, умели прясть и ткать, держали домашний скот, возделывали зерновые культуры; понемногу они открывали приемы обработки меди и бронзы... все это еще находясь в доисторическом состоянии, не зная письменности.

Народы, жившие в Междуречье до прихода шумеров, стояли приблизительно на таком же уровне цивилизации. Зерном их был ячмень, фруктами — финики, они держали овец, свиней, рогатый скот, делали себе одежды из овечьих шкур и шерсти; орудия изготовляли главным образом из дерева и твердо обожженной глины, лодки — из вязанок тростника.

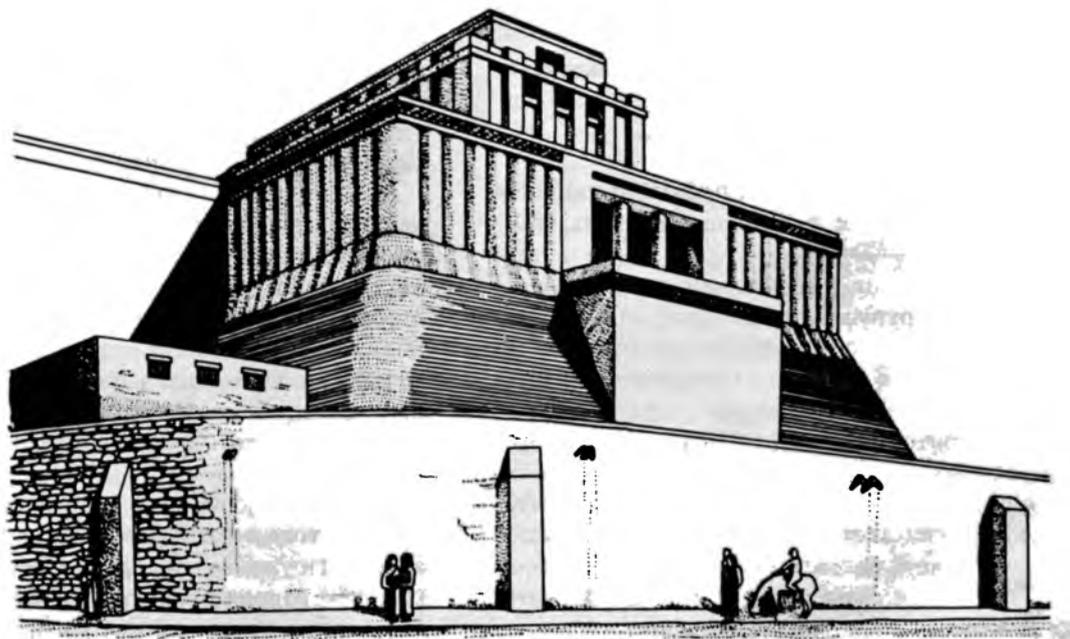
Шумеры-завоеватели разрушали, уничтожа-

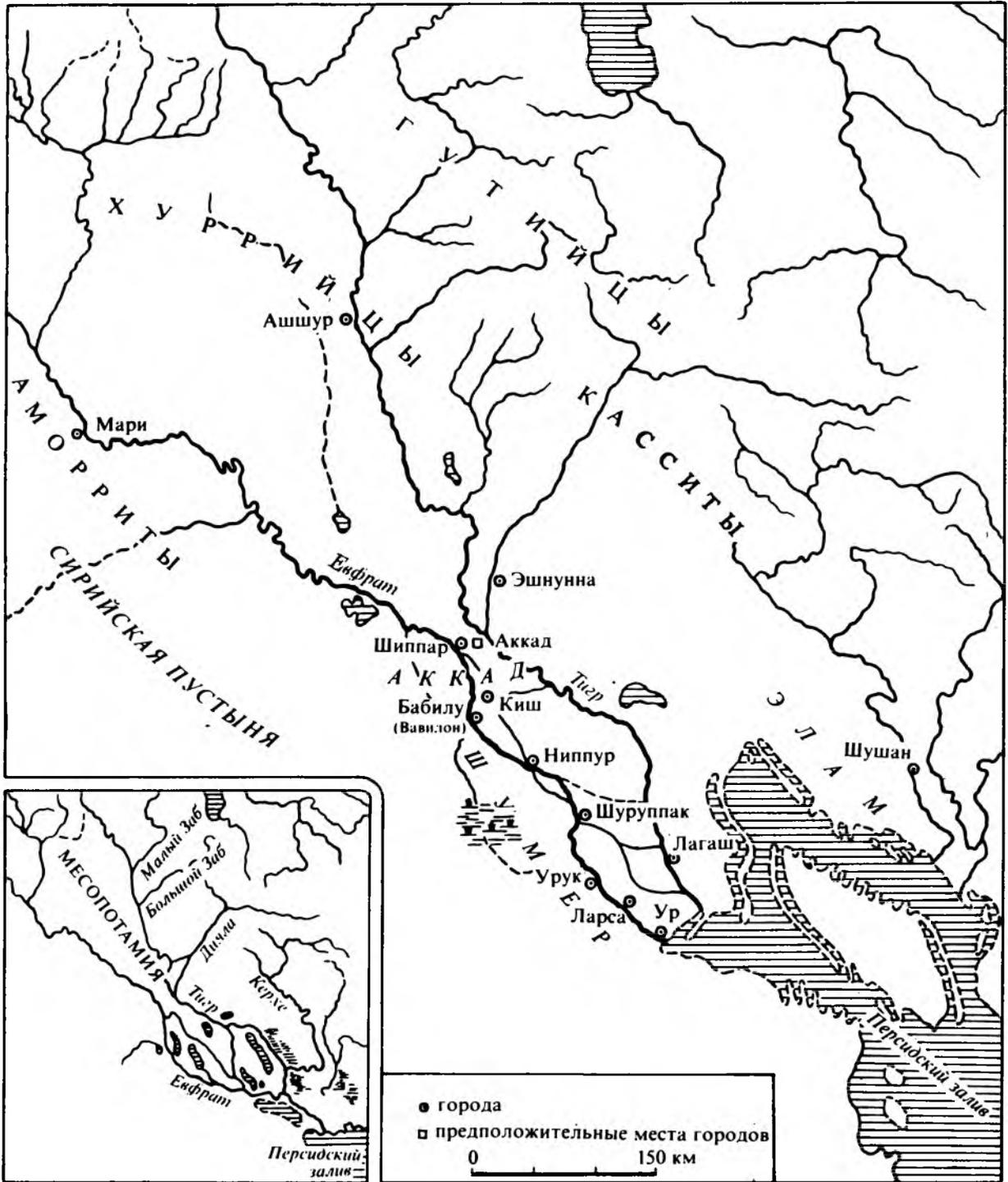
ли то, что было создано их предшественниками, но не ленились они и учиться у них. Одно поколение сменялось другим, и над болотами поднимались все новые и новые города. Росло население, все дальше простирались вспаханные, засеянные, орошаемые поля. В год шумерские крестьяне снимали два-три урожая, пастухи умножали стада, пасшиеся на заливных лугах вдоль рек и в сухих, поросших редкой травой степях. С богатой добычей возвращались домой рыбаки, птицеловы. Население могло расти: зерна и прочего продовольствия было достаточно. Хватало его и мастерам, занимавшимся самыми различными ремеслами, и жрецам, и писцам, и слугам на царском дворе, более того, хватало и для торговли, для продажи, а взамен покупали не имеющиеся нигде в Двуречье золото, серебро, медь, олово, дерево ценных пород, строительный камень и драгоценные камни.

Предшественники шумеров отвоевали у болота только острова, одни больших, другие меньших размеров. Шумеры же — целую страну, которая за несколько столетий стала самой богатой, самой цивилизованной областью тогдашней Азии.

Примерно около 3000 года до н. э. шумеры уже знали письмо и умели читать. Нацарапан-

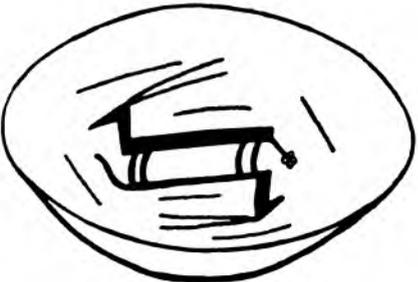
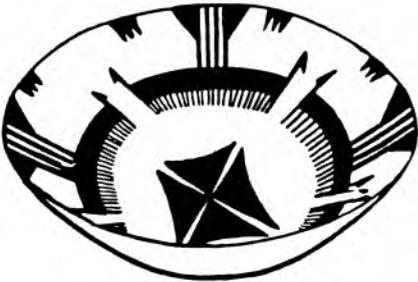
Ступенчатый храм, построенный около 3000 г. до н. э. в Эриду, который считается древнейшим шумерским городом. Таким мог он быть по свидетельству раскопок, но до нас дошли только его руины.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
СОВРЕМЕННОЙ МЕСОПОТАМИИ

Карта древней Месопотамии

Расписные глиняные блюда из Передней Азии периода, предшествовавшего шумерской цивилизации.

ные на камне, выдавленные в глине первоначальные пиктограммы постепенно заменялись сложными геометрическими знаками. Писцы заостренной тростниковой палочкой чертили по мягкой глине; получавшиеся при этом знаки, похожие на клин, означали или целое слово, или слог.

Так возникла клинопись. Порождена она была крайней необходимостью. Столько людей, скота, продуктов животноводства, добычи охотников и рыбаков, столько пахотной земли, семян, урожая, орудий, материалов должно было быть учтено, что для этого уже было недостаточно ни просто памяти, ни бесконечной вереницы высеченных друг подле друга черточек.

Но это неслыханное изобилие требовало и другого: прочных городских стен, умелого, стойкого войска. Ведь богатый урожай полей и кочующие с пастбища на пастбище стада нужно было защищать от постоянно возобновляющихся набегов степных и горных племен, от жителей соседних городов. С этими последними у шумеров часто бывали кровавые стычки из-за границ. В таких случаях ни право, ни справедливость не стоили ничего: спор решала грубая сила. Точнее говоря, отвага и лучшее вооружение.

У шумеров в изобилии было и то, и другое. У них имелись даже военные повозки, правда, довольно неуклюжие, громоздкие, ведь вместо появившихся позднее легких колес на спицах они катились на массивных дисках, вместе с которыми крутилась и ось. В повозку запрягали четырех куланов (животные семейства лошадиных и похожие на лошадь). Воины были одеты в шлемы и кожаные панцири, вооружены копьями, дротиками, боевыми топорами. Возницы и легко- и тяжеловооруженные пешие воины действовали совместно и в обороне, и в наступлении. Именно армии обязан народ этой маленькой страны своим тысячелетним процветанием, тем, что мог расти и развиваться более или менее спокойно.

Но шумеры считали, что всем этим они обязаны своим богам. В их представлении свое, особое божество имели не только небо, воздух, суша и море, подземный мир, солнце и луна, буря и огонь, но и прядение и ткачество, пахота и сеяние, скотоводство, пастушество, плодородие, рождение, чума, исцеление, письменность, отчетность, судоходство, рыбаки, стражи каналов и плотин, изготовление самана, строитель-

Шумерский глиняный сосуд, расписанный красными и черными фигурами. До 2500 г. до н. э.

Глиняная табличка эпохи до 3000 г. до н. э. со знаками-рисунками тогда только еще складывавшегося шумерского письма.

	хижина
	шатер
	корабль
	повозка
	сани
	плуг
	лук
	стрела
	сосуд, ваза
	ваза с ручкой
	блюдо
	арфа
	пальма
	растение и вода
	лев
	осел
	гусь
	голова человека
	рука, ладонь
	предплечье

Рисуночные знаки древнейшего из известных нам шумерского письма.

ство и даже пивоварение. Во всем была необходима помощь богов, чтобы начатое дело могло быть успешно закончено.

Но шумеры не ограничивались одними молениями богам, они сами исследовали, экспериментировали, старались найти наилучший способ выполнения любого дела. В этом шумеры были поистине великим народом. С дрожью вспоминали они о давних днях, когда лю-

... еще не знали хлеба, пищи,
не знали еще одежды,
как овцы, зубами срывали траву,
воду пили из ям в земле.

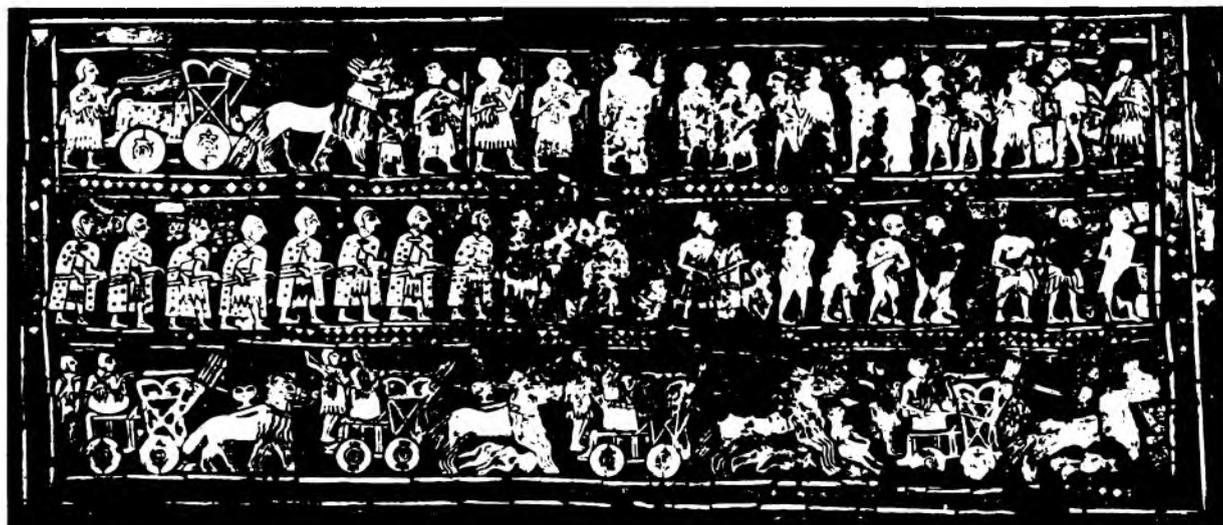
Шумеры понимали и часто говорили в своих эпосах, что они — хвала богам — уже далеко ушли от этого, что у них есть мотыга с медным наконечником, которой они вскапывают стерню, глубоко входящий в землю медный лемех к плугу, медный топор — вырубать кусты, медный серп — жать хлеб; есть у них быстро скользящие по воде барки, гребцы которых по команде держат нужный темп; есть у них порты, набережные, куда купцы из заморских стран привозят древесину, шерсть, золото, серебро, олово, свинец, медь, бронзу, камни для строительства и драгоценные камни, смолу, гипс; есть у них мастерские, где варится пиво, выпекается хлеб, ткется лен и шьется из него одежда, где кузнецы отливают и точат сабли, топоры; есть у них хлевы и скотные дворы, где пастухи доят скот, сбивают масло; есть у них рыбные пруды, в которых полно карпов и окуней; есть каналы, из которых водоподъемные сооружения передают воду на поля; пашни, на которых растут полба, ячмень, просо, горох, чечевица; есть у них гумна, высокие мельницы, зеленеющие сады...

Шумерское войско в походе. Эта выкопанная в Уре мозаичная плита изображает войну, а другая, которая помещена на обложке книги, — пиршество по случаю победы. Шумерские воины еще не применяли луков, но уже были у них кожаные шлемы, кожаные щиты и запряженные куланами боевые повозки на сплошных колесах.

Первоначальное рисуночное письмо (около 3500 г. до н. э.)	Прямоугольное рисуночное письмо (около 3000 г. до н. э.)	Архаические шумерские знаки (около 2800 г. до н. э.)	Древнеавилонские знаки (около 1800 г. до н. э.)	Ассирийские знаки (около 800 г. до н. э.)	Новоавилонские знаки (около 600 г. до н. э.)	Рисунок и его слоговая запись	Значение слов
---	--	--	---	---	--	-------------------------------	---------------

						ЛУ	человек, мужчина
						ГУД	вол
						АНШУ	осел
						КУ, ха	рыба
						ДИНГИР, ан, ил	божество, небо
						УТУ, уд и т. п.	день, солнце, свет
						ШЕ, ше	колос, зерно
						АПИН, пин	плуг, пахать
						Е, бит	жилище, дом

Развитие клинописи (теория английского ориенталиста Вайсмана)

Все это было создано не только усердием, но и сметливостью этого большеглазого, больше-носого народа, о котором нам известно, что на заре истории человечества он прокладывал дорогу своим достойным и недостойным потомкам; но откуда пришел этот народ, из какого гнезда он вылетел — это, по-видимому, останется вечной тайной.

ПО СЛЕДАМ СОКРОВИЩ

Отправился Гильгамеш в горы, на которых растут кедры. Об этом мы говорили пока только мимоходом. Отправился Гильгамеш в путь со своими воинами, хотя друг его, Энкиду, предостерегал от этого похода:

Леса там вокруг на тысячи поприщ,
Кто же проникнет
в середину леса?

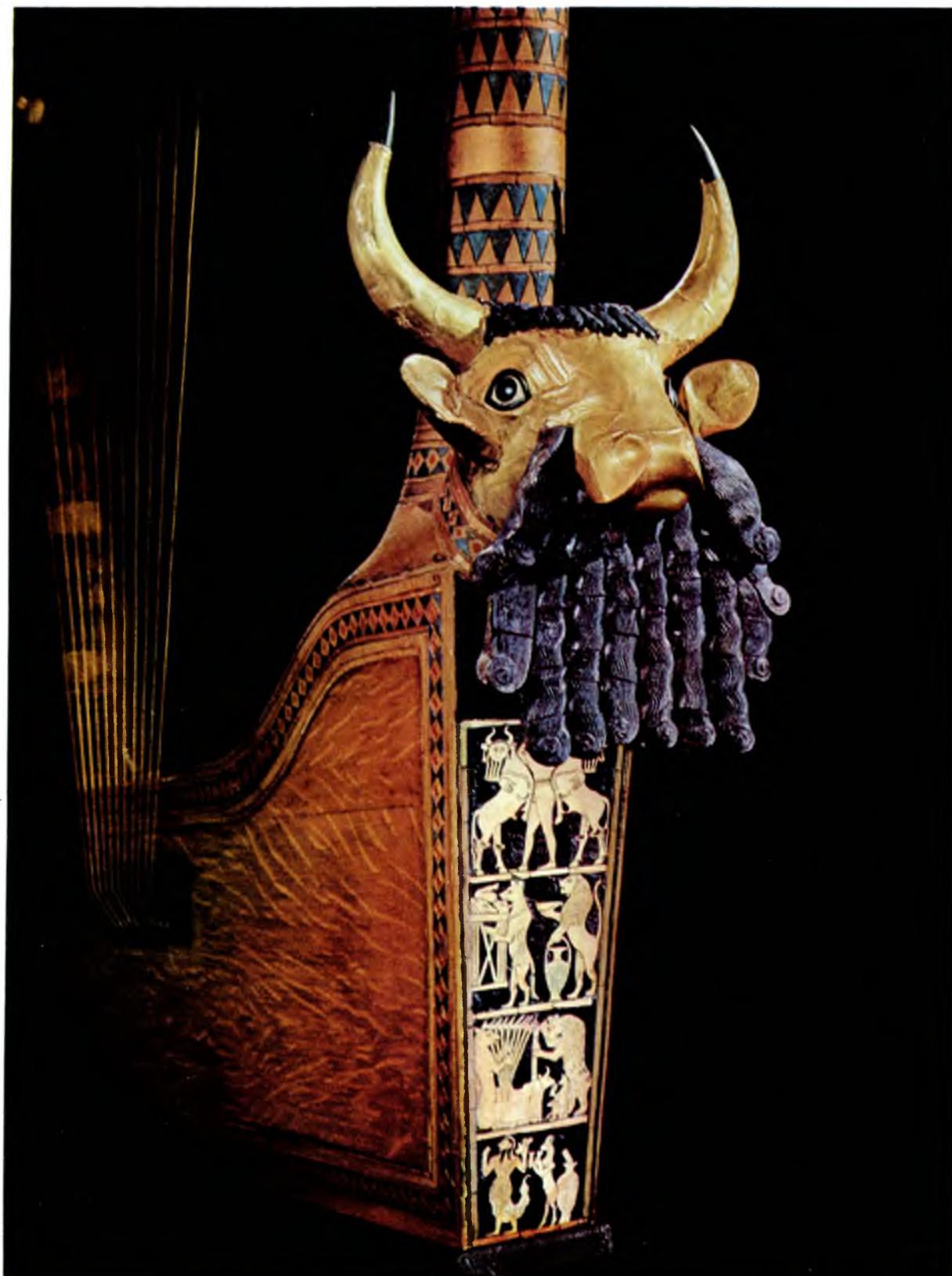
Остерегали его и старейшины Урука:

Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,
Сам ты не ведаешь, что совершаешь!

Но Гильгамеш все же отправился в опасный путь, по нехоженным дорогам, непроторенным тропам, в горы, вершины которых покрыты синим куполом тумана, в леса прямостоящих,

Изображение Гильгамеша с быком и птицей на жертвенном сосуде из камня.

Этот редкий шедевр работы шумерийских ремесленников, украшавший лютню, был найден в царских гробницах города Ур. Голова священного бородатого быка сделана из чистого золота и инкрустирована полудрагоценными камнями, главным образом, лазурином

Шумерские воины, вооруженные боевыми топорами и копьями. Деталь барельефа, изготовленного в память Эаннатума, царя Лагаша.

илом, — могли бы они добывать камень? Где могли бы они рубить стройные корабельные деревья? Да и с окружающими их варварскими народами торговать шумерам было нелегко. Золото, серебро, лазурит, сердолик, диорит и другие драгоценные камни соседи, особенно в голодные годы, в обмен на зерно давали довольно охотно. Но то, что могло еще более укрепить могущество опасных шумеров — металл для орудий и оружия, дерево для строительства укреплений и военных повозок, — все это зачастую приходилось добывать с трудом.

Другая шумерская легенда рассказывает нам о том, с каким трудом одному из предков Гильгамеша, Энмеркару, царю Урука, удалось склонить властителя Аратты, что в восточных горах, к торговой сделке, как посылал к нему послов с подарками и угрозами. А ведь просил Энмеркар у царя Аратты только благородные металлы и драгоценные камни и давал за них в обмен овец, коз, ослов и коров, финики, фиги, ячмень и бобы, а также тростник.

Как говорит легенда, заключению сделки помогли шумерам боги: они связали ветер и не позволили пролиться дождям, чтобы на землях жителей Аратты, не знавших орошения, ничего не росло и голод вынудил бы их к торговле.

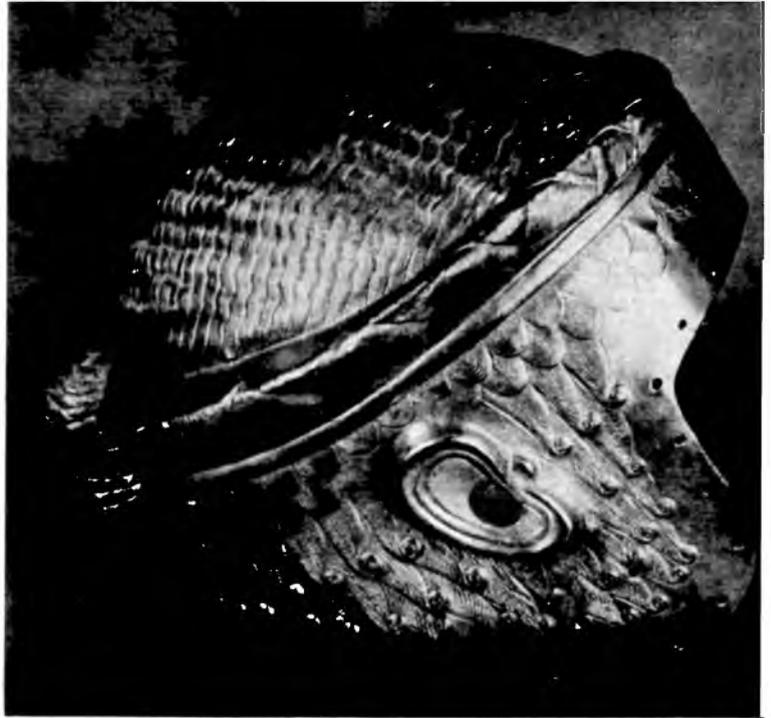
В этом было большое преимущество шумеров: орошаемые земли почти всегда приносили им обильный урожай. В каждом городе подле храма стояли амбары и закрома, куда свозили собранные у земледельцев, скотоводов, рыбаков продукты питания, шерсть, лен и прочее — все, что было предназначено на содержание жрецов, писцов, придворных, различных ремесленников и работников, а также для торговли. Там же хранились под замком добытые в других странах сокровища, сырье, готовые изделия, а также находилась документация: глиняные таблички, на которых в шумерских мерах объема, веса и длины все было записано, всему велся точный учет.

Бережливо относились шумеры даже к крошечкам, учитывая и их. Наименьшей мерой веса было ше — средний вес одного ячменного зерна. Гин весил в 180 раз больше (около десяти граммов), мана была в 60 раз тяжелее гина (немногом более полкилограмма).

Но из маленьких ручейков образуются реки. И если можно еще усомниться в правильности тогдашних письменных документов, то нельзя не поверить свидетельству раскопанных могил,

а раскопки эти говорят о роскоши и богатстве шумерской городской знати уже в ранний период шумерского государства. Правда, за истекшие с тех пор чуть ли не пять тысяч лет мало могил осталось неразграбленными, но и эти несколько нетронутых дают представление о многом. В гробнице Мескаламдуга, который носил титул царя, но, возможно, царем не был, ученые, раскопавшие памятники города Ур, нашли целую сокровищницу. По шумерскому обычаю на голове умершего, лежавшего на правом боку, был вычеканенный из золота шлем, в руке он держал тяжелую золотую чашу, подле него и за ним лежало еще по золотой чаше, у локтя — золотой светильник в форме раковины, у правого и левого плеча — по топору, изготовленному из сплава золота с серебром. Покойник был перепоясан широким серебряным поясом, на котором висел золотой кинжал и на золотом кольце — точильный камень из лазурита; вокруг верхней части туловища лежали сотни бусин из лазурита и золота, которые, очевидно, осыпались с давно истлевшей одежды, а за спиной — целая груда золотых головных украшений, браслет, серьги в форме месяца, кольцо в виде спирали из золотой проволоки, амулет...

В гробницах подлинных царей и цариц ценностей находилось еще гораздо больше. Но вместе с царями хоронили не только груды золотых и серебряных сокровищ, но и множество людей, которые ложились в гробницу своего господина, как видно, добровольно, принимали там принесенный с собой яд, чтобы вместе со своим владыкой перейти в другой мир. В гробнице царя Абарги нашли шестьдесят пять таких спутников его в подземном мире — мужчин и женщин. В гробнице жены Абарги, царицы Шубад, — двадцать пять. В гробнице неизвестного владыки лежали останки шести мужчин и шестидесяти восьми женщин, мужчины лежали у боковой стены, вблизи входа, женщины — правильно расположенными рядами на полу. «Все они лежали на боку, — пишет в своем отчете о раскопках сэр Леонард Вулли, — с чуть подобранными ногами и поднятыми к лицу руками, так тесно друг подле друга, что голова лежащих в одном ряду покоилась на ногах лежащих в другом ряду. Здесь еще больше, чем в гробницах царицы Шубад и ее мужа, бросалось в глаза декоративное расположение мертвых тел, исключаящее даже видимость какого бы то ни было насилия».

Золотой шлем Мескаламдуга, один из шедевров шумерского ювелирного искусства.

Радовались они тому, что могли умереть? Что одурманенные наркотиками могли во сне перейти, как они полагали, в потусторонний мир и там продолжать свою прерванную на земле жизнь?

Вряд ли самоубийство их было радостным праздником. Даже в самых больших шумерских городах жило не более десяти-двадцати тысяч человек; с уходящими навек здесь прощались как с хорошими знакомыми. Тем, кто удалялся под землю, — а это были не нищие рабы, а придворная знать, — плакать не пристало: сохраняя достоинство, в нарядных одеждах, сверкающих драгоценностями, торжественно шли они по своему последнему пути, словно не на смерть, а на свадьбу. Но толпящиеся вокруг могилы люди, в том числе семья и родственники уходящих, разражались громкими рыданиями, и напрасно свистели дудки и били барабаны, звенели арфы и лютни, звуки их заглушались воплями остающихся в живых. Городские бедняки во время этого раздирающего душу обряда не раз задумывались над тем, что если бы все эти сокровища принадлежали бы им! Какой грех закапывать их в землю!

Фигурка золотого кулана на серебряных кольцах погребья погребальной колесницы царицы Шубад.

Археологические раскопки показывают, что некоторые царские гробницы были разграблены не искателями кладов позднейших времен, а самими шумерскими могильщиками. Когда по соседству с гробницей царя Абарги погребали его жену, царицу Шубад, могильщики тайком разобрали свод царской гробницы, вытащили добрую часть сокровищ, затем, чтобы скрыть свой поступок, поставили на отверстие в своде большой сундук с одеяниями царицы, когда же похоронный обряд кончился, забросали могилы землей.

В богатом Шумере жили и обездоленные бедняки; об этом свидетельствует множество

Козел в перьях, жующий золотой куст. Из царских гробниц в Уре.

пословиц, донесенных до нас теми же табличками с клинописью: «Если бедняк умрет, не будите его; если есть у него хлеб, нет у него соли, если есть соль, нет хлеба, если есть у него мясо, нет горчицы, если есть горчица, нет мяса». «Долг, как ржа, ест бедняка». «В долгах мой дом, хотя построил я его, не хозяйствовать мне и на своем наделе». «Чего стоят слова бедняка?» «Бедняк в стране молчит».

Более отсталые в своем развитии народы окружающих Шумер травянистых степей и более далеких горных местностей смотрели, однако, на Шумер, как на царство изобилия. Сколько раз мечтали они о том, как бы напасть

на стоящие вдоль рек огражденные стенами города и захватить их сокровища.

Сделать это, однако, было совсем не легко, так как несмотря на междоусобицы, борьбу за власть, которая ослабляла шумерские города, они все равно были сильнее окружающих их народов.

Степные кочевники не раз угоняли у шумеров табуны лошадей и стада коров, когда те паслись далеко от городов, но умеющие хорошо обращаться с оружием шумерские крестьяне при случае всегда возвращали украденное.

Удачливее всех оказались те племена, которые приспособились к грозным жителям шумерских городов и понемногу переняли мастерство их строителей, ремесленников, земледельцев и писцов.

Но кто были эти первые ученики? Попавшие в Шумер издалека рабы? Несчастливцы, обреченные на вечное рабство, бежавшие из Шумера в поисках лучшей доли? Кто распространял перенятые у шумеров знания? Степные наемники, состоявшие на военной службе у городов, или до всего любопытные странствующие купцы? Как бы то ни было, из живших в краю рек-близнецов семитских племен, предков позднейших евреев, сирийцев, арабов, постепенно возвысился народ, который все больше перенимал обычаи шумеров, их образ жизни: строил города в верхней части двойной речной долины, ставил плотины, рыл каналы, занимался орошением земель, отличался умением в различных ремеслах и знаниями в науках. Их первый известный нам город, позднее столица царства, назывался Агаде или — как принято в европейской литературе — Аккад. По названию города жителей этой страны стали позже называть аккадцами.

Известный нам уже из эпоса о Гильгамеше Энкиду описывается в преданиях именно так: он вырос среди дикарей и только потом попал в город.

Молоко звериное сосал он!
На хлеб, что перед ним положили,
Смутившись, он смотрит и взирает:
Не умел Энкиду питаться хлебом,
Питью сикеры обучен не был.

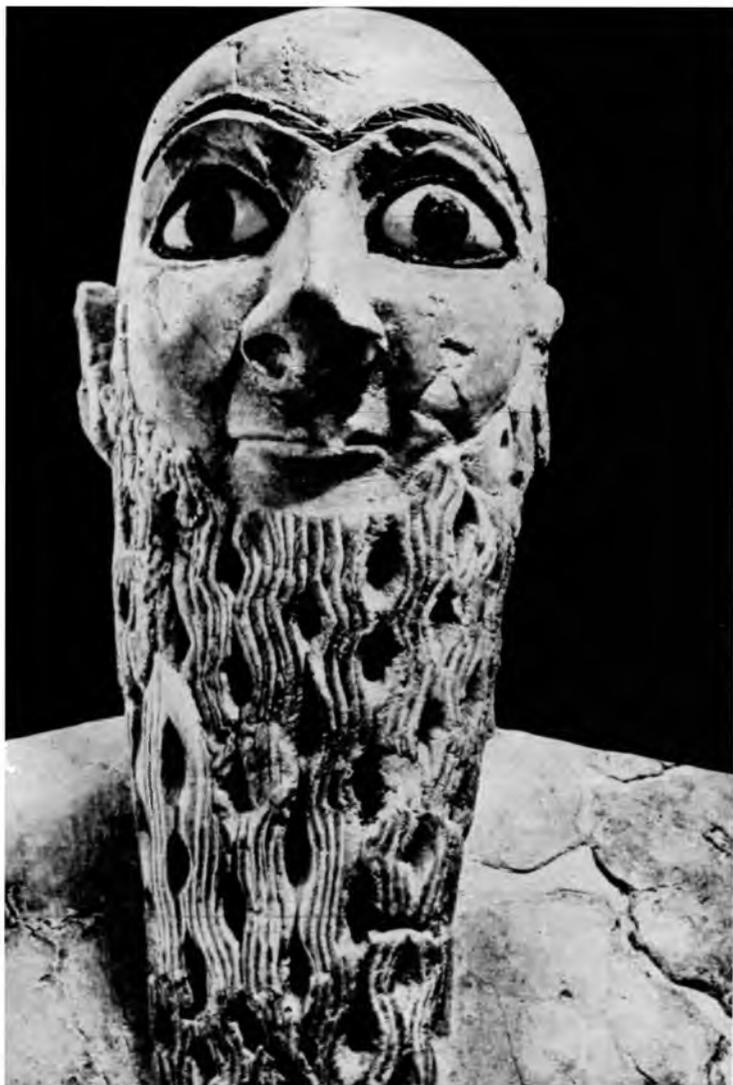
Позднее же стал он городским воином, главным сановником Гильгамеша, более того, его другом и вечным образцом для диких племен, развивающихся по примеру Шумера.

Голова аккадского мужчины. Фрагмент алебастровой статуи. Около 2100 г. до н. э.

Подобный же путь проделал другой герой шумерских преданий, Марту, степной кочевник, ставший работником в городе, где он строил храм, рыл каналы. В награду за свой труд он попросил и получил руку шумерской девушки. Подруга хотела отговорить девушку выходить замуж за Марту: «...живет он в шатре, под дождем и ветром, молитв не возносит», «на обед выкапывает себе на склоне горы грибы», «пожирает сырое мясо», «пока жив, нет у него дома, как умрет, не погребут его в могиле», но невеста осталась верной жениху.

Смешанные браки, подобные описанному в предании, наверняка встречались и в действительности, что тоже связывало шумеров с соседями, хотя не делало их искренними друзьями, как не смогло их сдружить и позднее объединение Шумера с Аккадом. Пока власть шумеров не закатилась, а сам народ не рассеялся, вражда не угасала никогда. Сметливый и энергичный, он не терпел угнетения. После завоевания Шумера Аккадом шумеры частично ассимилировались, частично вымерли, передав все свои знания и сокровища севшим им на шею завоевателям.

Статуя шумерского царя. Портрет Ику-Шамагана, правителя Мари.

ТАК ПОГИБ ШУМЕР

Падение Шумера длилось долго. Сначала соперничавшим между собой городам угрожали, главным образом, жители гор, с севера племена гутиев (кутиев), с востока — эламитов. Но их набеги шумерские города еще могли отразить, так как перед лицом опасности они обычно объединяли свои силы. Некоторое время Шумер властвовал над Аккадом, но около 2350—2294 гг. до н. э. правитель города Аккад Саргон I (Шаррукин) сумел распространить свое господство на весь Шумер.

Шумерский «Список царей» упоминает среди правителей пастуха, рыбака, корабельщика, каменотеса и даже правившую целые сто лет трактирщицу Кубабу, которая «укрепила город Киш». О Саргоне I в этом списке говорится, что его отец выращивал финики, сам же он был виночерпием у царя. Но одно стихотворное сказание рассказывает о Саргоне I по-другому: черпальщик воды нашел его совсем младенцем на реке, в сплетенной из тростника, обмазанной смолой корзине, подобно тому, как, по библейской легенде, Моисея нашла дочь фараона; следовательно, низкое происхождение в данном случае только видимость. Достоверно лишь одно, что Саргон I вырос в бедности, стал садовником, но потом в него влюбилась богиня и сделала его сперва правителем Аккада и аккадцев, а затем и шумеров.

Произошло это, когда города Шумера, как это бывало уже не однажды, вновь воевали друг с другом. Два города-соседа, Лагаш и Умма, вели кровавые пограничные споры, лежавшие на юге города-союзники Ур и Урук боролись за господство над всей страной с расположенным на северо-западе городом Киш. В Лагаше разразилось даже нечто вроде восстания против властолюбивых начальников, сборщиков податей, ростовщиков, скупщиков, спекулянтов. Тогда-то и пробил час аккадцев. Объединенные силы южных городов разбили армию Киша и разрушили город. Присоединившиеся к ним жители Уммы ворвались в Лагаш, где начали жечь, убивать, грабить; тут-то и вмешался в братоубийственную войну Саргон I. Предлог найти было легко: город Аккад был до этого времени вассалом Киша, так что Саргон I поспешил на помощь побежденной шумерской метрополии. Наверняка к нему присоединились и шумерские войска — из Киша и других городов, выступавших против южной коалиции.

Шумеры были вооружены все еще только топорами, секирами, копьями, дротиками. Саргон I применил новый род оружия — лук и новый род войск — лучников. В лаконичном сообщении говорится, что Саргон I победил в битве под Уром и Уруком, разбил третий южный город, Энинмар, и подчинил своей власти всю страну, вплоть до моря, в знак чего омыл в его водах свое оружие. Главу южного союза, царя Урука, он взял в плен и в цепях привел к воротам Энлиля, храма шумерского божества воздуха, и там, по-видимому, принес его в жертву в благодарность за свою победу. Саргон I принял титул *царя Киша* и правил всем Шумером и Аккадом. Со временем он предпринял и другие походы и основал первую великую державу на Ближнем Востоке, которая простиралась от Нижнего моря до Верхнего, т. е. от сегодняшнего Персидского залива до Средиземного моря, от Элама и Шумера до богатой металлами Малой Азии и увенчанного кедровыми лесами Ливана.

Шумеры совсем не были в восторге от того, что их страна стала частью такого могущественного царства. Больше всего пользы это принесло аккадским купцам и царскому двору в Аккаде, который так вырос, что старый дворец пришлось увеличить в пять раз, а около старого города построить новый, чтобы было где поместиться множеству придворных и еще большому количеству слуг.

Правда, при дворе Саргона I находилось много шумерской знати и писцов. Аккадцы переняли шумерскую клинопись, приспособив старые знаки к собственному языку, переняли они у шумеров и многое другое. В их школах аккадских юношей учили и шумерскому языку. По крайней мере еще тысячу лет этот язык оставался языком образованных людей, главным образом, жрецов. Шумерский язык играл такую же роль, какую в средневековой Европе язык ниспроверженной Западно-Римской империи — латынь. Но сам Шумер оставался беспокойным. Еще при жизни Саргона I, который был тогда уже в преклонном возрасте, в Шумере начался мятеж, и сын царя, Римуш, усмирил восставшие города, учинив жестокое кровопролитие. По свидетельству одной из надписей, кроме погибших в бою, а число их превышало двадцать тысяч, «пять тысяч семьсот воинов вывел он из шумерских городов и казнил их». Не меньшее число людей потеряла страна пленными, которых увели в рабство. По точным подсчетам

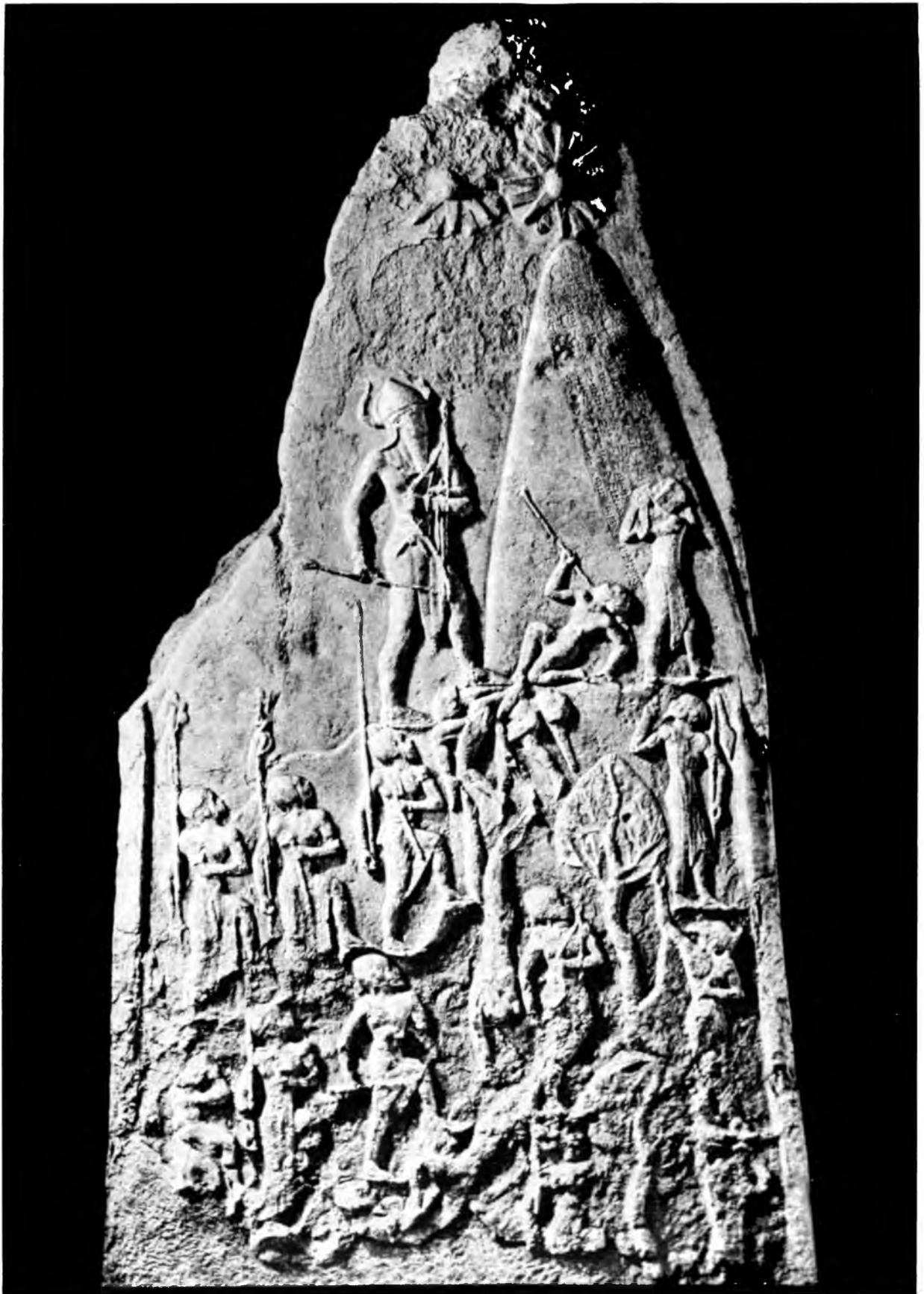

Отлитая из бронзы голова аккадского царя. Некоторые считают ее портретом Саргона I. Глаза выломаны грабителями.

шумеры оплакали 54016 молодых мужчин, хотя весь народ вряд ли насчитывал тогда несколько сотен тысяч. «Клянусь богами Шамашем и Амалом, это не ложь, что чистая правда», — похваляется аккадская царская надпись.

Одной, хотя и не единственной причиной, объясняющей одержанные аккадцами победы, было то, что они организовали первую в мире постоянную армию. Уже в тексте времен Саргона I с гордостью говорилось: «...каждый день 5400 воинов едят его хлеб». Эти постоянно упражняющиеся и в любой момент могущие быстро вступить в бой солдаты-наемники были в то время непобедимыми, но зато и получали они от царя все, чтобы жить без забот.

Страна процветала. Как говорится в одном из шумерских сказаний:

Тогда Агаде наполнил
 свой дом золотом,
 сверкающий свой дом наполнил серебром.
 Как закрома зерном, забил он
 доверху склады
 глыбами лазурита, оловом, медью;
 всего было в изобилии,
 откладывалось и про запас.

От этого изобилия получали свою долю и шумеры, главным образом благодаря вновь оживившейся торговле и расширенной и хорошо содержавшейся сети оросительных каналов. Но то, что они выигрывали при перевозе, теряли на мыте: шумеры несли тяжелое бремя налогов, пошлин, обязательных даров — на новолуние, на новый год. Аппетит аккадцев не знал меры:

... как прожорливость роющего норы сурка,
 так и их алчность
 ничто не могло утолить.

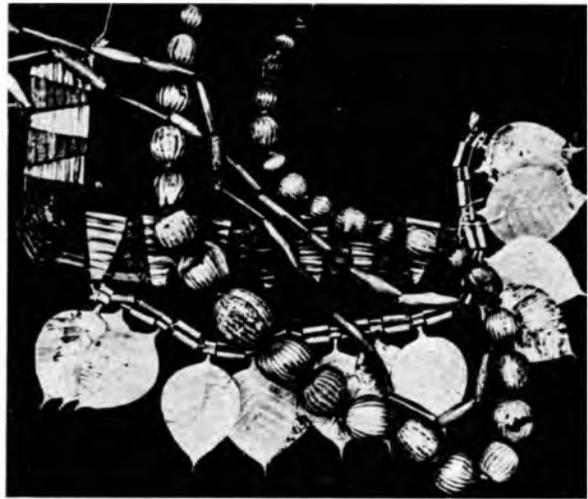
И так это продолжалось до тех пор, пока около 2200 года до н. э. нападение живущих на севере горных племен гутиев не привело к развалу всего царства.

А где была армия славных наемников? Наверняка, с ней произошло то же самое, что со столькими наемными армиями более поздних эпох: с течением времени она разложилась изнутри. Жалованье солдаты требовали, идти же на смерть не хотели.

Царство Агаде разрушилось,
 остатки его превратились в ничто,
 сокровищницу его разграбили солдаты.

Гутии («по виду они похожи на людей, а речь их подобна собачьему лаю») опустошили и Шумер. Правда, в обнесенные крепостными стенами города ворваться им не удавалось, но они угоняли стада, и в страхе перед ними шумеры оставляли большинство пахотных земель и садов необработанными, «с голода народ ел собственное мясо».

◀
 Найденный в Сузе барельеф, восхваляющий победу аккадского царя Нарамсина, внука Саргона I. Во главе поднимающихся в горы войск идет сам царь. Левою ногой он в знак победы попирает поверженного вражеского воина.

Шумерские золотые украшения.

Но нападение гутиев стало причиной вторичного расцвета Шумера. Горные племена разрушили город Аккад, причем так основательно, что до сих пор не удалось обнаружить его следов и установить, где он находился, шумерские же города благодаря этому сумели подняться вновь. Правда, довольно долгое время гутии держали их в своей власти. Но спустя два поколения окрепший Шумер сбросил иго чужеземцев и некоторое время властвовал над всем Междуречьем; столицей его был город Ур.

Уже царь Лагаша Гудеа, правивший как наместник гутиев, в сочиненной им песне, исполнявшейся под аккомпанемент арфы, с гордостью говорит о новых больших постройках, о притягивающей много чужеземных товаров торговле, о возделывании земель, заросших прежде кустами и сорняками, о доении коров, откармливании овец, о поросших виноградом горах, дающих вино, о пиве, льющемся из пивоварен. Гордится он и тем, что мягче стали нравы: люди не судятся друг с другом, матери не бранят детей, дети не перечат матерям, хозяин не бьет слугу, даже если тот провинился, хозяйка не дает служанке пощечин...

Так ли это было? Если Гудеа в этом видел свою славу — совсем неплохо, все лучше, чем прежние похвальбы Римуша, гордившегося десятками тысяч казненных и угнанных в рабство.

Полную свободу Шумер завоевал около 2140 года до н. э., по-видимому, в правление царя Утухэгаля из Урука. После него страну воз-

главлял Урнамму из Ура, затем Шульги, сидевший на троне тогдашнего шумерского царства почти полстолетия. Шульги называл себя «царем четырех стран света, богом всех стран», а также «пастырем черноголовых», «львом с раскрытой пастью», богом солнца. Главной своей заслугой он считал то, что сделал безопасными торговые пути: построил вдоль них крепости, чтобы ничто не угрожало караванам, даже если идут они ночью.

О повседневной жизни той эпохи больше всего сведений дают нам судебные записи.

Например, отец — из-за неожиданно возникшей большой необходимости — за ничтожную сумму: две третьих гина серебра (т. е. около 6 граммов) продал в рабство сына по имени Абитаб. Позднее Абитаб, очевидно, или сбежал домой, или отец выкрал его, но суд присудил его обратно владельцу, который смог привести двух свидетелей этой сделки.

В другом судебном разбирательстве некий Шешкалла заявил: «Я не являюсь рабом Урсахарабабы». Но два свидетеля доказали: отец Шешкаллы был рабом в доме Урсахарабабы, и он сам там родился, т. е. он тоже раб. Шешкалла был присужден наследникам Урсахарабабы.

Судебных разбирательств, связанных с рабами, было много. Когда умирал свободный человек, его рабы часто рассчитывали на то, что наследники не смогут доказать своего права держать их в рабстве. Но в шумерских домах тщательно хранили семейные архивы — испещренные клинописью глиняные таблички с записями сделок купли-продажи, дарственных сделок и завещаний, и чаще всего нужный документ отыскивался. Если же документа не было, то и тогда всегда легко было найти двух готовых принести клятву свидетелей.

Глиняные таблички скрепляли цилиндрической печатью. В Шумере у каждого уважающего себя человека был маленький резной цилиндр, пробуровленный по продольной оси. Этот цилиндр владелец всегда носил на шее на шнурке и не снимал даже ночью, чтобы он не попал в чужие руки. Писать умели только писцы, но когда составлялся какой-нибудь договор или другой важный «документ», заключающие сделку стороны прокатывали каждая свой цилиндр по краю еще не-высохшей мягкой глиняной

Гудеа, царь Лагаша, в сидячей позе. В клинописной надписи на его юбке прославляются его деяния.

Царь Урнамму, основатель III династии Ура, правившей во всем Двуречье, поклоняется богу луны Нанне. Внизу — царь в обличье каменщика принимается за работу. Этой символической сценой он хотел привлечь внимание к своим огромным строительным работам.

таблички: оттиск-печать заменял позднейшую подпись.

Таблички были небольших размеров, чтобы можно было писать, держа их на ладони, но в любом судебном разбирательстве они играли важнейшую роль. Решающее значение они имели зачастую и тогда, когда кто-нибудь не мог

представить табличку в доказательство своей правоты. Как-то у одной вдовы хотели отсудить сад, который она купила еще при жизни своего мужа Дуду и записала на свое имя. У вдовы была табличка, кроме того она дала клятву, что купила сад на свои деньги. Его присудили ей безапелляционно.

Дошли до нас записи и других судебных разбирательств: об убийстве, краже, отпуске на свободу рабов, о разводе, о содержании, причитающемся детям или родителям, о тяжбе по поводу затонувшего торгового судна и т. п.

Например, жрец Лу-Иннина был убит с ведома его жены. Убийц поймали, и с ними вместе осудили на смерть вдову Лу-Иннины, так как она скрыла случившееся. «Люди, убившие человека, не достойны жизни: это неживые люди. Три мужчины и эта женщина должны быть казнены перед креслом храмового жреца Лу-Иннина, сына Лугалуруду!»

Небольшие дела разбирали или один судья, или трое. Если речь шла о серьезном преступлении, решение выносил суд, состоящий из десяти человек. Нам известны и профессии четверых из этих судей: птицелов, домашний работник, гончар и садовник.

Однако последний расцвет Шумера был непродолжительным. Разложение его уже не могло задержать даже самое строгое соблюдение законности.

Как видно, шумерские женщины рожали мало детей. Шумерские города, жители которых часто вымирали от чумы и других заразных болезней, постепенно оказались населенными чужеземцами. Чужеземцами были уже не только рабы и солдаты-наемники, но и большинство богатых купцов и ремесленников. Жившие в приграничных местностях пастухи, земледельцы, рыбаки и охотники были уже не шумерами, а сыновьями аморитов, семитского племени марту, поэтому они охотно помогали приходившим из степей и говорившим на одном с ними языке отрядам грабителей, нападавшим на Шумер.

В помощи этой нападавшие очень нуждались, ибо на землях, прорезанных вдоль и поперек густой сетью каналов, степные кочевые племена сначала чувствовали себя неуверенно. Но со временем они уже двигались здесь, как у себя дома.

Например, аккадец Ишби-Эрра, доверенное лицо последнего шумерского царя Ибби-Суэна из Ура, в 2027 году до н. э. скупил в северных провинциях зерно для населения южных горо-

Изображение, вырезанное на шумерской цилиндрической печати. Если печать прокатывали по мягкой глиняной табличке, изображение отпечатывалось в виде рельефа. Со временем и во многих других странах Древнего Востока распространились эти нанизываемые на шнурок и носимые на шею диковинные печати, но, конечно, резьба на них всегда менялась.

Ступенчатая башня-храм в городе Ур в том виде, как она была выкопана из-под песка.

Ступенчатая башня-храм Ура, какой она могла быть в период правления III династии (2124—2016 гг. до н. э.).

дов, всего 72 тысячи гуртов, т. е. более 60 тысяч центнеров. В письме царю Ишби-Эрра жалуется, однако, на то, что «поскольку весь народ марту находится здесь, в Стране, и захватывает одну за другой все большие крепости, из-за народа марту я не могу доставить к тебе это зерно. Они сильнее меня, и я могу попасть в плен».

В это время ослабевший Шумер подвергался уже и набегам горных племен Элама. Но вскоре поднял мятеж и сам Ишби-Эрра и основал на севере собственное царство. «Да, Энлиль послал Шумеру страшные времена, — жалуется в одном из своих последних писем Ибби-Суэн. — Да, сонм богов оттолкнул от себя Шумер».

Он писал это в 2017 году до н. э. А через год, в 2016 году, эламиты захватили уже и столицу страны, город Ур, разграбили его и разрушили до основания, жителей же поубивали.

... На улицах, по которым ходили люди,
валяются мертвецы,
на месте празднеств Страны горы трупов,
льется кровь Страны,
как медь, как олово в плавильной яме,
расплавляются трупы,
как овечий жир на солнце...

В городе Ур гибли с голода
слабые, сильные,
старики и старухи из дома
выбежать не успевали,
находили в огне свою смерть,
из объятий матерей, как рыб,
уносила детей вода,
высохли пышные груди кормилиц,
развелся ум Страны,
стонет народ,
помутился разум Страны,
стонет народ,
спускает мать ребенка с глаз,
стонет народ,

в городе брошены в одиночестве женщины,
брошены в одиночестве дети,
развезено по ветру имущество,
прогнаны со своей земли черноголовые,
негде им преклонить голов...
отрывает мать взгляд от ребенка,
стонет народ.

Так погиб навеки Шумер. Сначала Страна, потом народ, а потом вымер и язык.

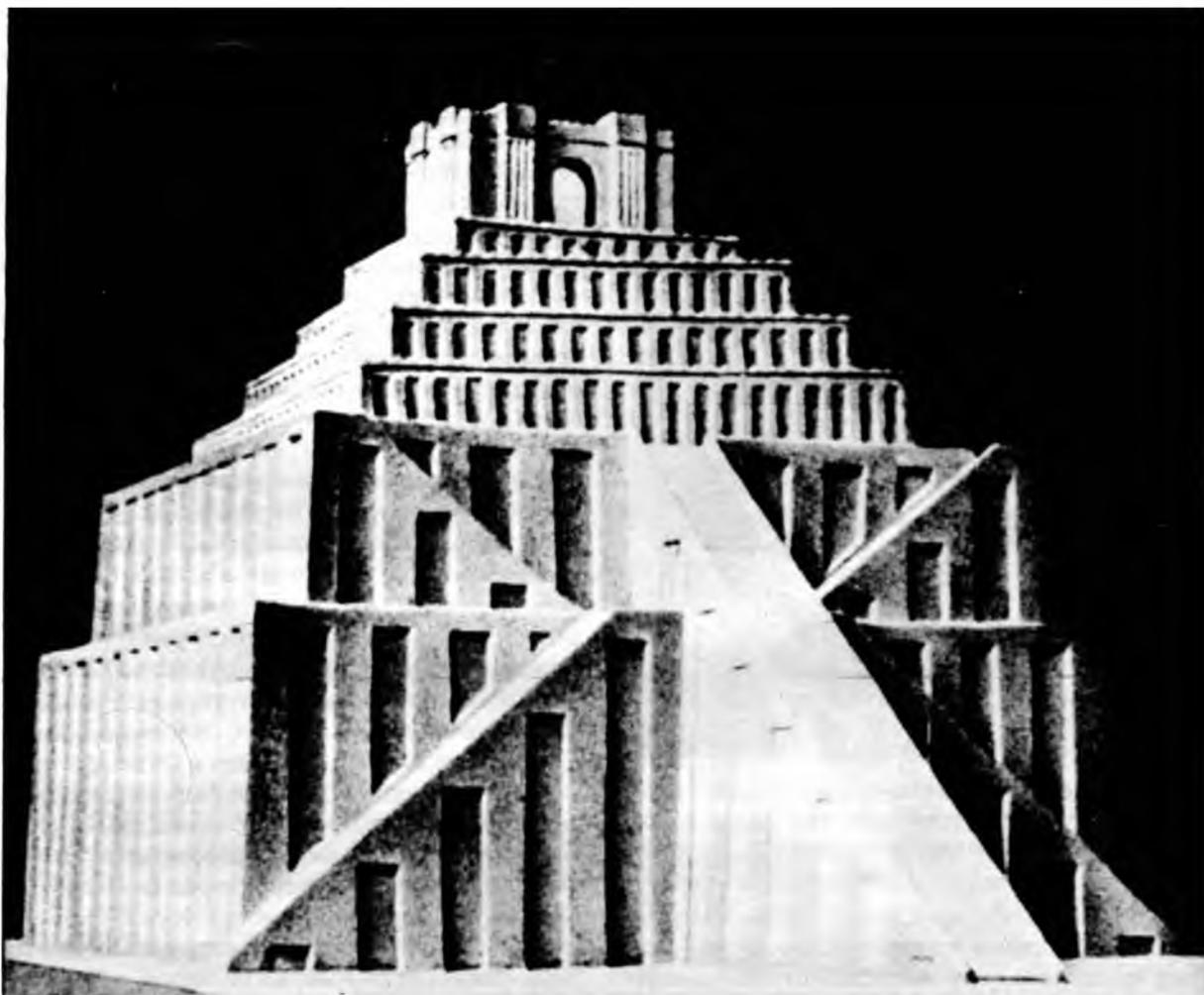
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

О Вавилонской башне уже шла речь. Библейская легенда рассказывает, что народ земли Шинер (Шумера), говоривший тогда еще на одном языке, начал строить из обожженного кирпича башню, для которой строительным раствором служила смола, добываемая из земли, т. е. природный асфальт, встречающийся в долине двух рек. Но когда башня чуть ли не достигла неба, бог смешал языки строителей, чтобы они не понимали друг друга и работа застопорилась бы. Она и застопорилась, а потом и совсем прервалась, и многоязычный народ рассеялся по всей земле.

На самом же деле Вавилонскую башню — храм древнего города Вавилона или, как его тогда называли, Бабилу — с самых ее основ строили люди, говорившие, наверняка, на разных языках — шумеры, марту, аккадцы и другие. И хотя до неба башня не доставала, семи-ступенчатое сооружение было завершено и явилось одним из шедевров древнего зодчества, по высоте и пышности с которым могли соперничать разве что пирамиды Египта.

Подобного типа ступенчатые башни-храмы — зиккураты строили в своих городах уже шумеры. Они не были такими стройными, как башни католических костелов или протестантских церквей, не говоря уже о минаретах могометанских мечетей. Хотя они и вздымались высоко, но были массивны, широко и плотно стояли на земле, как стоят созданные природой горы. Может быть, шумеры хотели подражать храмам своих живших в горах предков, храмам, построенным на настоящих горных вершинах? И потому верхняя ступень каменных или глиняных башен-колоссов отводилась под святилище. Это предположение подтверждается и тем, что широкие террасы зиккуратов шумеры еще долгое время засаживали деревьями, как бы стараясь создать на плоской равнине, где они жили, видимость лесов, зеленеющих на склонах гор.

Зиккурат в Уре, который удалось раскопать из-под занесших его слоев песка и частично восстановить, состоял из трех поставленных одна на другую усеченных пирамид. Низ был выкрашен в черный цвет, первая пирамида в красный, вторая — в белый, верхняя, в которой находилось святилище, — выложена голубым глазурованным кирпичом. Террасы засажены группами деревьев.

Вавилонская башня. Геродот еще ее видел (только плохо сосчитал ступени).

Но Вавилонская башня была намного выше. Она превосходила высотой все строения даже позднейших столетий. Правда, со временем ее перестроили: вместе с городом она превратилась в развалины и вместе с ним восстала из праха в эпоху ассирийского владычества. По свидетельству очевидца, отца историографии грека Геродота, посередине квадратной площади со стороной в два стадиума (приблизительно 370×370 метров) стояла массивная крепкая башня, имевшая один стадиум в ширину и такую же высоту, на этой башне стояла вторая, на той третья и так далее. «Вокруг башен идет круговая лестница, по которой можно взойти наверх. В средней части лестницы находится место для отдыха со скамьями, чтобы взби-

рающиеся наверх могли бы перевести дух. В последней башне устроено большое святилище, в нем стоит выложенный подушками большой диван и стол из золота. Однако статуи бога в нем нет. Ночью никто не может войти в святилище, только женщина, которую выбрал себе бог из тамошних женщин; так говорят халдейские жрецы».

Геродот говорит о восьмиступенчатой башне, но здесь он наверняка ошибается; заново отстроенная Вавилонская башня имела семь ступеней: число семь было таким священным числом для сыновей рек-близнецов, что они от него не отступали. Им были известны семь небесных тел, движущихся по расчисленным орбитам, в том числе Луна и Земля, этим числом они по-

Хаммурапи, «совершеннейший из царей», «гроза четырех стран света, упрочитель славы Вавилона». Сегодня мы больше всего ценим его законы.

клонялись вечному порядку мира. Наша неделя именно потому насчитывает семь, а не восемь или девять дней, что мы до сих пор придерживаемся введенного ими счета времени. А они и в этом придерживались своих священных чисел. Такими числами были для них 12, 60, 360: не случайно и сегодня у нас в году двенадцать месяцев, час состоит из 60 минут, минута из 60 секунд, и не случайно мы делим полный круг на 360 градусов, а сверх того уже на минуты и секунды. Даже сутки вавилоняне делили на 12 часов, а не на 24, память об этом сохраняется в том, что на наших часах цифры идут только до 12.

Все это ведет свое начало еще от шумеров, звездочеты которых с вершин своих башен уже усердно выпытывали тайны у простиравшегося над ними небосвода. Они не просто наблюдали, но и измеряли положение Солнца, Луны и планет, умели точно определять длину лунного месяца и солнечного года, время весеннего и осеннего равноденствия. Ну и, конечно, по положению звезд, по движению планет они стара-

лись узнать будущее. В них глубоко жила вера, что ничто на земле не может произойти без того, чтобы это уже не случилось на небе. Что наша земная жизнь только отражение небесной. Так, например, у каждого строящегося храма есть совершенный небесный образец, строителям достаточно вообразить небесное строение на земле и верно следовать ему во всех деталях.

Сама столица Вавилонии — Вавилон (аккадское Бабилу, что означает — врата бога), по верованиям древних, была сначала построена в небе, к тому же всего только за один год. Лишь после этого бог Мардук построил руками народов, живущих вдоль рек-близнецов, «земное подобие Вавилона», а в нем свой великолепный храм — Вавилонскую башню.

Бог Мардук? Вавилонскую башню построили владыки нового огромного государства Вавилонии, возникшего после окончательного падения Шумера. Одним из этих правителей был Хаммурапи (приблизительно 1792—1750 годы до н. э.). До возвышения города Вавилона (XIX в. до н. э.) владыки этого царства называли себя царями Шумера и Аккада и на самом деле это были аккадцы. Они говорили на том, уже несколько видоизмененном аккадском языке, который освоили и амореи-завоеватели. Новая столица поднялась на территории бывшего Северного Шумера, недалеко от города Киш, а катившая свои волны река называлась уже не Буранунна, как во времена шумеров, а Пуратту (на языке Библии — Прат, по-гречески — Евфрат).

Однако и вавилоняне сохранили многое из богатого наследия шумеров, в школах они и дальше учили шумерский язык, которым пользовались и при религиозных отправлениях, развивали дальше шумерскую астрономию, математику, медицину, архитектуру, различные ремесла. Переняли они и клинопись: причем писали они и по-шумерски, и по-аккадски, как это делали книжники исчезнувшего Аккада. Они продолжали почитать шумерских богов, хотя в большинстве случаев под другим именем и в другом виде. Передавались далее, обогащаясь новыми подробностями, сказания о Гильгамеше и другие шумерские мифы. Даже храму своего главного бога, Мардука, они дали шумерское название: Эсагила, или дом, где поднимают голову. Город же свой называли они *пупом неба и земли*, звучало это примерно так: «Бабилу, маркас шамэ у ирситим».

Когда получил город это название? Достоверно лишь одно, что уже в последние века существования Шумера это было большое поселение. Со временем Вавилон стал столицей одного из крошечных государств, возникших после падения Ура, но только в эпоху Хаммурапи превратился он в «пуп» большого царства, в его центр. «Всемиловейший владыка», «вечный царский плод», «приносящий благо царский плод», «приносящий благо пастырь», «гроза четырех стран света, упрочитель славы Вавилона», «накопитель изобилия и богатства», «могучий буйвол, поднимающий на рога своих врагов», «муж среди царей, воин, пред которым нельзя устоять» — это только некоторые из титулов, которыми осыпал себя Хаммурапи. «Слова мои изысканны, нет ничего равного моей мудрости, — записывали писцы его речения, — нет соперника у моих деяний». «Я, Хаммурапи, совершеннейший среди царей».

Еще при жизни Хаммурапи воздвигнул себе памятник, такой огромный, что медное подножие его было готово лишь в тринадцатый год его царствования, а сам памятник — лишь в двадцать втором году. Своим именем назвал он два вновь выкопанных главных оросительных канала: «Хаммурапи-изобилие» и «Хаммурапи, богатство народа».

Но и Хаммурапи склонял голову перед богами. Каждый день ходил молиться в Эсагил — храмовый комплекс в Вавилонской башне и в качестве одной из своих заслуг вырезал на монолите из черного базальта, донесшем до нас его законы: «Смирненным и покорным был он с великими богами».

Законы его тоже свидетельствуют о том, что самообожание не совсем вскружило ему голову. Была в нем мудрость правителя, и он старался обуздывать произвол власть имущих, жадность богачей, чтобы могли жить и те, кто платит налоги в царскую казну и поставляет солдат в царскую армию. Как он сам выразил это: «Закон и справедливость вложил я в уста Страны и улучшил плоть народа».

Хаммурапи составил первый в истории человечества свод законов, дошедший до нас на уже упоминавшемся базальтовом столбе. Эламиты позднее увезли этот столб в свою столицу, Сузу, и соскоблили с него 35 статей, но большая часть их все же дошла до нас в копиях.

Сборники законов меньших размеров составались и раньше, нам известны 38 статей одного сборника на шумерском языке и 60 ста-

тей другого сборника на аккадском. Но они давали лишь отрывочное представление о своем времени. 282 раздела свода законов Хаммурапи, в которых рассматриваются всевозможные случаи судебного разбирательства, рисуют нам полную картину тогдашней жизни.

Плохо приходилось клеветникам. Обвинил кто-то другого без оснований в убийстве? Лживо клялся в важном процессе? Наказанием за это была смерть. К смерти приговаривали и того, кто, продав свой товар, заявлял потом, что покупатель этот товар у него украл.

Пойманного грабителя убивали перед щелью, проделанной им в доме, который он хотел ограбить. Вора, застигнутого на месте преступления во время тушения пожара, тут же бросали в огонь.

Женщину, убившую своего мужа ради другого мужчины (или подговорившую других убить его), сажали на кол, мотовку или гулену бросали в воду. Смерть ожидала строителя, если построенный им дом обвалился и придавил хозяина. Если же погибал сын хозяина, то убивали сына строителя.

Око за око, зуб за зуб, перелом за перелом, таково было наказание, если речь шла о свободном человеке. Если врач плохо сделал операцию, ему отрезали руку.

Если кто-нибудь убил человека ненамеренно, во время ссоры, то мог выкупить себя, заплатив полманума — добрые четверть килограмма — серебра. Если кто-нибудь намеренно ударил по лицу свободного человека одного с ним звания, то должен был платить за это манум серебра. Если же кто-то надавал пощечин лицу высшего, чем он, звания, за это полагалось публичное наказание шестьдесятю ударами кнута из бычьей шкуры.

Сын, ударивший отца, расплачивался за это потерей руки. Руку отрубали и цирюльнику, если он срезал с тела раба господское клеймо. Но если цирюльника принудил к этому свободный человек (чтобы беглый или украденный раб стал его собственностью и он мог бы поставить свое клеймо на месте старого), тогда этого человека вешали перед его собственным домом.

Смерть грозила и тем, кто помогал рабам бежать или укрывал их, а также и тем, кто крал ребенка у свободных родителей, чтобы превратить его в раба.

Казнь ждала и того, кто покупал или укрывал имущество, тайком вынесенное сыном или рабом хозяина.

А что делали с рабом, который крал? Его мог наказать по своему желанию хозяин, государство в это не вмешивалось. Если он причинил ущерб другому свободному человеку, перед законом отвечал только его хозяин.

Дома, конечно, он получал свое, если же с ним не было сладу, его продавали, как брыкливую или ленивую лошадь или корову, дающую мало молока: пусть с ним мучается другой.

Раб считался чем-то вроде домашнего животного. Так же, как и его дети: хозяин решал, кого из них оставить рабом в доме, кого продать.

Но часто бывало и так, что нужда заставляла свободных бедняков продавать своих детей. Как говорил народ: «Сильный человек живет руками своими, слабый — ценой своих детей».

Закон Хаммурапи позволял и это?

Позволял.

В том мире это было неизбежно. Но закон стремился улучшить и «плоть народа». В первую очередь закон защищал солдат. Никто не мог отобрать у них пожалованные царем землю, сад, дом или скот, даже если выплачивал стоимость этого имущества. Закон защищал права попавших в плен и вернувшихся из плена, защищал жен и детей солдат, защищал задолжавших свободных людей от ростовщиков, чтобы эти последние не забрали бы у них всего и не заставили бы их превратиться в рабов; закон защищал имущество вдов, сирот; отпускал на свободу детей раба, рожденных от свободной женщины, и детей рабыни, рожденных от свободного человека; присуждал возмещение убытков тому, кого ограбил неизвестный преступник; давал льготы пострадавшим от наводнения; освобождал от уплаты податей пастухов, в загонах у которых разбойничал лев или скот которых гибнул от «наказанья господнего», т. е. от эпидемий и т. п.

Хаммурапи заставлял подданных соблюдать данные им законы, распоряжения. Нам известно письмо Хаммурапи, посланное в Ларсу, в котором правитель лично давал указание своему наместнику: разобраться по справедливости в деле мельника Лалума, у которого деревенский староста-самодур хочет отобрать землю.

Мы знаем, что на берегу Пурагату царь заложил особый город: жившие в нем вооруженные речные стражники должны были осматривать все проходящие мимо торговые суда, есть ли у них разрешение на проход, выданное на

глиняной табличке. Царь направлял стражников и на караванные пути, так как торговля с дальними странами приносила царской казне обильные доходы.

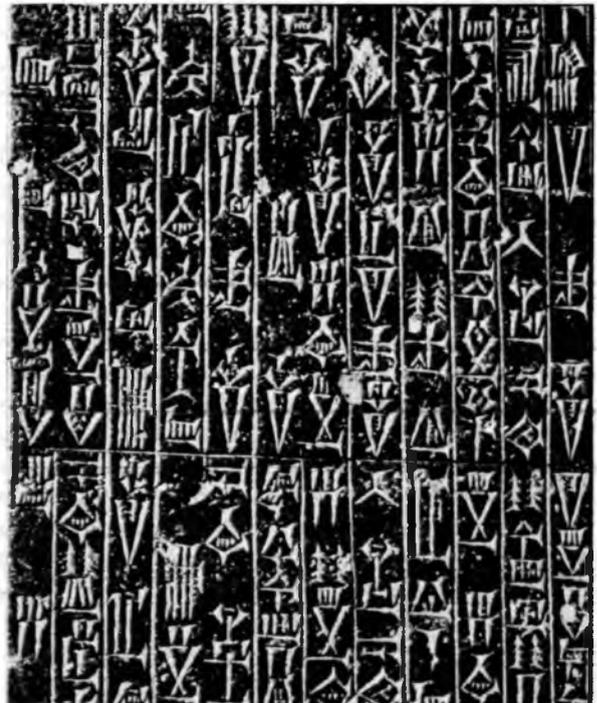
Законы, суды, палачи, наместники, речные стражники, военные гарнизоны — все стояли на страже порядка. Только бы не пошатнулась Вавилония, не обрушилась бы Вавилонская башня.

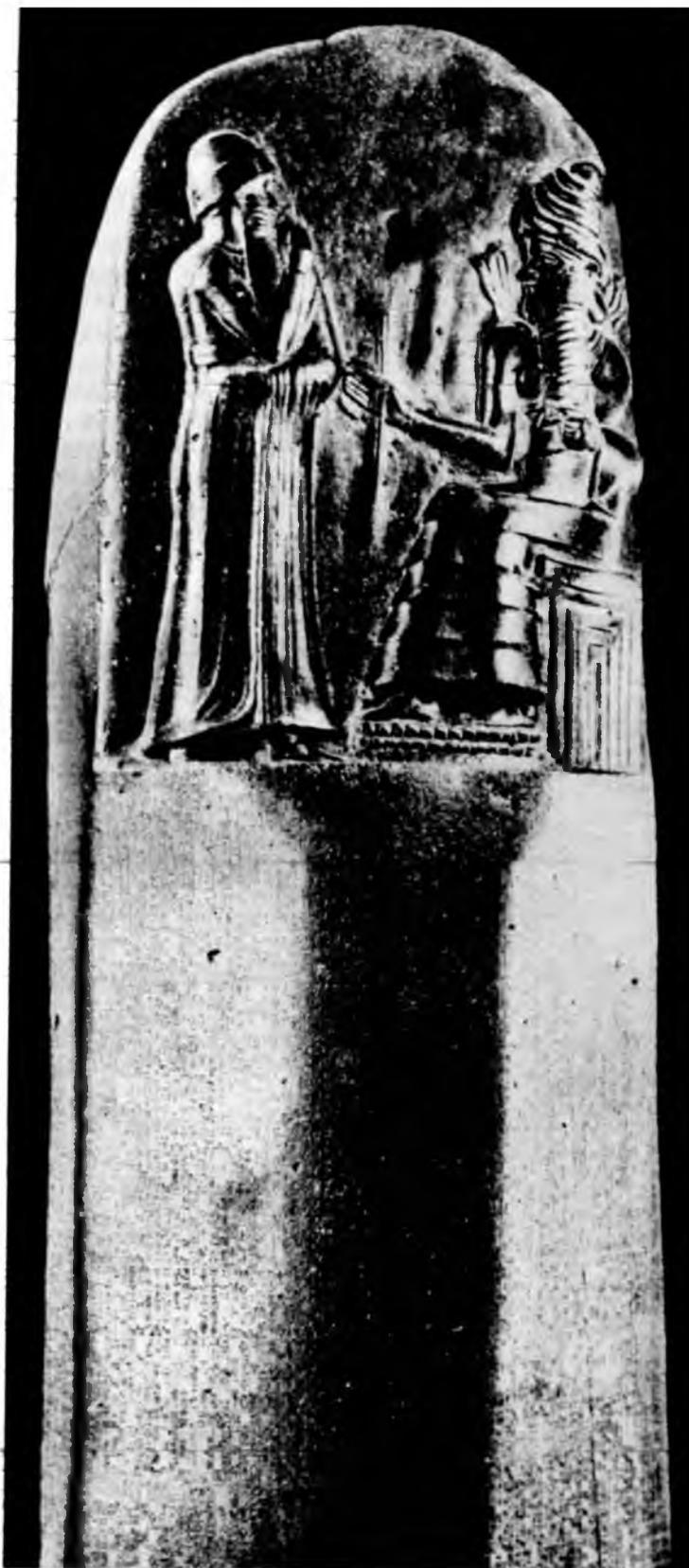
Протекающие столетия приносили много перемен, но нападавшие на Вавилонию завоеватели, приходившие из степей или с гор, — новые аморейские племена, касситы, ассирийцы — раньше или позже вводили тот же самый порядок: на месте разрушенного царства создавали новое.

Даже столицей новых царств был тот же Вавилон. Только последовавшее через 1212 лет после смерти Хаммурапи завоевание Междуречья персами низвело Вавилон до уровня провинциального города в совершенно чужом ему царстве.

Вавилонская же башня простояла еще некоторое время и после этого. Тогда-то и видел ее посетивший Междуречье (по-гречески — Месопотамию) Геродот, испытующе, жадно всматривавшийся в памятники прошлого.

Часть клинописного аккадского текста, увековечившего законы Хаммурапи.

Столб с законами Хаммурапи. После победоносного похода эламиты увезли его из Вавилона в Сузу и из вырезанных на нем 282 статей 35 выскоблили.

ГРЕХ ЧЕЛОВЕКА

Вновь и вновь, в особенности когда попадали в беду и начинали доискиваться до ее причины, люди приходили к мысли, что это боги наказывают их за грехи.

Даже в периоды наивысшего расцвета Шумера, Аккада и образовавшейся на их месте Вавилонии люди не раз чувствовали, что в жизни много неправильного и несправедливого.

Враг разрушил город? Моровая язва косила людей? Наводнение размывало их непрочные глиняные дома? Чуть ли не к позвоночнику прилипал впавший от голода живот? Всегда в такое

Мраморная статуя бородатого бога в бахромчатой юбке, относящаяся к той же эпохе. Волнистые волосы и борода почернены битумом.

Медная статуэтка обнаженного мужчины; период ранних шумерских городов-государств, до 2500 г. до н. э. Держит перед собой маленький жертвенный сосуд.

Фигура готовящегося к жертвоприношению мужчины с надписью на правом плече. Вырезана из известняка. Один из двух вставленных глаз утерян. Статуя была вырыта из-под развалин Ниппура, самого священного из шумерских городов.

время приходило людям в голову, что они расплачиваются за прегрешения свои или своих близких.

Со времен шумеров дошло до нас покаянное, молящее о пощаде песнопение. Мужчина, сердце которого «преисполнено слез, печали, горечи, уныния», которого «мучат страдания, как рыдающего ребенка», которого «держит в своих когтях рок, застилает глаза пеленой, отнимает дыхание», в теле которого «гнездится Порча, сила колдовства», так молит бога:

В мольбе протягиваю я к тебе руки,
падаю перед тобой на колени:
порази то,
что во мне гнило, нечисто,
но того, кого ты оттолкнул от себя в день
гнева,
призови к себе словами одобрения!

«Не на меня, на мой грех гневайся, забери мой грех и не обижай меня!» — просили молящиеся, протягивая руки, бия себя в грудь, падая на землю.

Грех, грех! Страждущие приносили богам искупительные жертвы, лишь бы только освободиться от привязавшегося зла.

Значительная часть приносимой в жертву пищи, храмовых даров доставалась жрецам. Не они ли вдолбили людям в голову сознание своей греховности?

Очевидно, они играли в этом немалую роль, ведь в Междуречье уже в самый ранний период развития государства этого требовали религиозные традиции. Но нужно было, чтобы и в людях жила жажда отпущения грехов.

Долгое время общие грехи искупались человеческой жертвой. На Новый год — тогда это был праздник весны, обновления природы — царь передавал свой трон мужчине простого звания, который получал на пять дней всю полноту власти, а затем посреди праздничной церемонии его убивали, чтобы кровь его очистила от греха всю страну.

Мы знаем лишь один случай, когда новогодний царь остался в живых. Это произошло за четыре года до вступления на трон Хаммурапи, в расположенном на юг от вавилонского царства городе Исине. «Царь Эрраимитти, — читаем мы на одной глиняной табличке, — посадил вместо себя на трон садовника Энлилбани и возложил ему на голову корону царства. Эрраимитти умер у себя во дворце, объевшись горячей кашей, а Энлилбани не встал с трона, на который был посажен; объявили его царем».

Мы можем добавить, что Энлилбани правил после этого еще двадцать три года, а потом его страну присоединил к своему царству Хаммурапи. Но до тех пор, наверное, и Энлилбани позволял ежегодно приносить в жертву вместо себя царя-заместителя, каким был и он, когда исинские жрецы, соблюдавшие священные обычаи, чуть было не пролили его кровь. В древнее время такие обычаи были очень живучи. В Месопотамии еще в VII веке до н. э. сохранялся

кровавый ритуал, в других странах человеческие жертвы во имя искупления грехов народа приносили даже позднее.

Но кое-что еще осталось от этих многотысячелетних традиций, и не какие-нибудь внешние черты ритуала, а сам его дух. Та вера, та идея, которую унаследовала от шумеров и семитов Месопотамия ветхозаветная иудейская религия: человек — существо грешное, но кровь принесенной в его искупление жертвы очищает его от всех грехов. Позже в христианской религии *искупителем* стал Иисус, но уже навечно: его смерть упразднила все прочие искупительные жертвы.

В Христе, как мы знаем, верующие чтят не только распятого на кресте за грехи человечества, но и живого царя небесного, который «спустился в геенну, на третий день воскрес из мертвых, вознесся в небо и сидит по правую сторону от всемогущего Бога-отца...»

Вера в сходение в ад и в воскресение тоже очень древнего происхождения. Ее можно найти уже и в шумерских, а потом и в аккадских мифах. Так, например, Иннин, шумерская богиня плодородия, тоже побывала в подземном царстве. Там ее лишили всех украшений, одежды, затем вынесли ей приговор: «слово порчи», «слово наказания».

Большая женщина превращается в мертвую.
Тело ее вешают на кол.

Но спустя три дня и три ночи посланец Иннин — Нинсубур — своим плачем, молениями разбудил небо и землю и добился того, что посланцы богов отправились за умершей.

Отдали им висящий на колу труп.
Один из них посыпал его травой жизни,
другой побрызгал его водой жизни,
и Иннин воскресла из мертвых.

Она вышла из подземного царства и, как говорится в другой легенде, сказала о себе так:

Отец мой дал мне небо,
дал мне землю,
богиня — это я.

Может ли сравниться со мной
кто бы то ни было из богов?

Спускавшейся в ад Иннин была дана особая власть:

Богиня Иннин в крылатом обличе, в сопровождении львов и сов. Вылепленный из глины и обожженный барельеф так похож по стилю на индийские изображения, что многие ученые оспаривают его шумерское происхождение.

Правую сторону сделаю левой,
левую сторону сделаю правой.
.....
Закрою раскрывшиеся двери дома,
раскрою закрывшиеся двери дома.

Позволю слабому вступить в дом
и выгоню всех власть имущих.

.....
Всех спесивых принижу,
приниженных подниму, как мать.

Черное сделаю белым,
белое сделаю черным.

Прислушайтесь только! Прогнать власть имущего и впустить в дом слабого, унижить спесивого и поднять вместо него приниженого — все это с точки зрения данного мышления было таким же сверхъестественным делом, как по-

менять местами правую и левую стороны, белое и черное.

Люди чувствовали: в мире что-то пошло не так. Настолько, что следовало бы все вывернуть наизнанку. И если не человеческой, то божественной силой дать права униженным, втоптаным в грязь.

Люди признавали, что они тоже грешны: «Еще никогда, ни одна мать не родила на свет безгрешного ребенка...» Но они заметили — и как было им не заметить! — ту огромную несправедливость, что народ все более и более делился на сильных и слабых, обидчиков и обиженных, богатых и бедных.

Это тоже был грех Человека?

Чей бы грех то ни был, искупали его только оставшиеся внизу и чаще всего до конца своей жизни, и отпущения грехов им не было.

В небе, возможно, Иннин все повернула по-другому, но на земле белое не становилось черным, черное — белым, левое — правым, правое — левым, господин не становился рабом, раб — господином.

Не изгонялись власть имущие, не поднимались приниженные. Только на празднестве Нового года царем мог быть человек простого звания.

Но через пять дней и его ожидала смерть.

Портретная маска фараона Тутанхамона, одновременно бывшая первым (поверх находилось еще несколько гробов) гробом, в котором лежало забальзамированное тело умершего юным фараона. Маска сделана из толстой пластины чистого золота, украшена полудрагоценными камнями и стеклом

НАРОД НИЛА

ГИЛЬГАМЕШ В ЕГИПТЕ

Там куда доходили разливающиеся из года в год воды Нила, откладывая принесенный изда- лека ил, земля была черной и плодородной. За чертой же разлива — красной и бесплодной.

Поэтому народ Египта называл свою страну Кеме, что значит — Черная. Реальная граница страны проходила там, где кончалась черная земля. За нею начинался враждебный людям суровый мир песчаных и каменных пустынь: Красная страна, Дезере.

Хотя люди жили и там: кочевые пастушеские племена. На запад от долины Нила, на низменностях, покрытых свежей травой, особенно вокруг оазисов, пасли свои стада ливийцы, на восток — племена семитов.

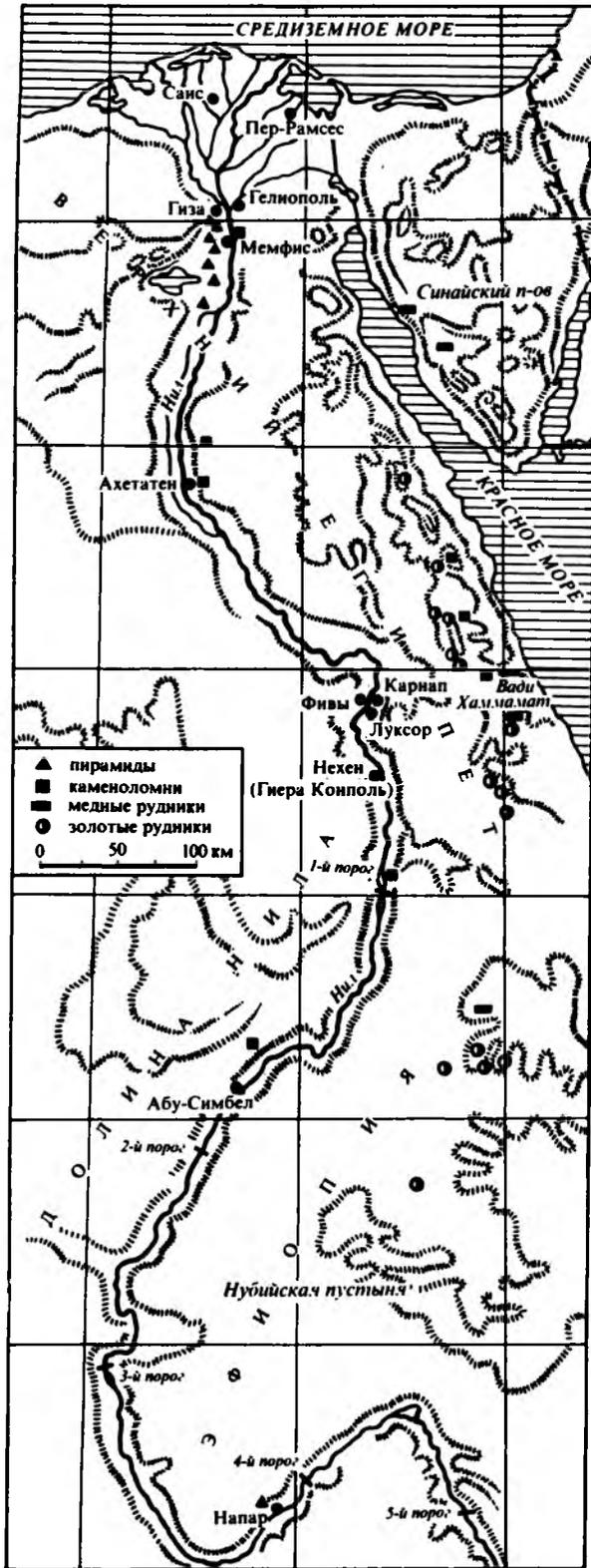
Когда-то весь этот край не был таким сухим и бесплодным, как в наше время. В последний ледниковый период в Европе Северная Африка, а с ней и Сахара еще не испытывали такой страшной жары, как сейчас, там выпадало больше дождей, и на этих, позднее вымерших землях имелись богатые флора и фауна. Вымирание длилось долгие тысячелетия, и во времена Древнего Египта эти земли еще ничем не напоминали сегодняшние.

И все-таки по сравнению с плодородными черными землями, тянувшимися вдоль Нила, красные земли за долиной реки уже и тогда были мрачными, безрадостными пустынями. Настоящим Египтом считался лишь Кеме.

Кеме тоже состоял из двух частей: Верхнего и Нижнего Египта. Верхняя страна простира- лась от последнего, пятого порога до первого ответвления, первого рукава дельты и, в зави- симости от ширины долины, полосой то в один- два, то в пять-десять километров тянулась по обеим сторонам реки. Нижняя страна пред- ставляла собой разрезанную речными рука- вами — дельтой — заболоченную местность, и хотя ни один из этих рукавов не был длиннее 150 километров, по величине она примерно равнялась территории Верхнего Египта. Верх- ний и Нижний Египет вместе составляли терри- торию, едва равную половине Венгрии, т. е. всего около 50 000 квадратных километров.

Только-то?

Не больше. Но кормила эта территория ог- ромное количество народа. В тогдашнем редко населенном мире египтяне, как муравьи, кишмя кишели на своей гумусовой земле. В окрестных сухих степях число жителей все уменьшалось,

Карта Древнего Египта

а в этом двойном «муравейнике» все увеличивалось, особенно после того, как они справились, более или менее удачно, с водами, с заросшими тростником и осокой болотами, с живущими в воде и около воды дикими зверями и с хищниками, приходившими ежедневно из степей к реке на водопой.

Справиться со всем этим они могли только объединив усилия, как шумеры в Месопотамии. Рано научились жившие здесь люди порядку, подчиненному тяжелому труду: тот, кто не копает и не носит землю вместе с другими, кто не роет каналы, не возводит насыпи, у того земля или получает так много воды, что в ней гниет высеванное зерно, или он остается совсем без воды, и все посевы его высыхают. Или человек гнет спину так же, как его соседи, или вместе с семьей гибнет с голоду.

Жестокий закон, но большинство людей с ним смирилось. Потому что лучше было лезть из кожи вон на работе в Черной стране, чем скитаться без воды и пищи по поросшим редкой травой степям Красной.

За несколько поколений в Древнем Египте сложилась выносливая, работающая порода людей, которая затем в течение тысячелетий усердно пролила пот во имя целей здешнего земного и воображаемого ею потустороннего миров.

Но образовалась она не только в нижнем течении Нила, но и в нижнем течении Тигра и Евфрата.

Периоды первого расцвета Шумера и Египта чуть ли не полностью совпадают. Народы их одновременно возвысились среди других современных им народов.

Обсидиановый нож с рукояткой из слоновой кости из Джебель-эль-Арака. На одной стороне рукоятки изображен сражающийся со львами мужчина в месопотамском одеянии, на другой стороне внизу — бой месопотамских и египетских по типу судов. Период до объединения Египта.

Может быть, они учились на примере друг друга? Но ведь эти великие речные долины разделял многодневный путь через пустыни. В тогдашних условиях граничило с невозможным, чтобы человек, если только не был он бредущим наудачу странником, перекаати-поле, попал из Шумера в Египет или из Египта в Шумер.

Это действительно граничило с невозможным. Но предположение, что шумеры, пожалуй, все-таки попали в Египет, несколько десятилетий тому назад разделялось многими серьезными учеными. Попали не бесцельно бродящими странниками, не по милости случая, а после открытия водного пути, огибающего южные берега Аравийского полуострова. Что шумеры проделали путь длиной более чем пять тысяч километров, от устья рек-близнецов до берегов Красного моря. По этим предположениям, только спустя одно-два столетия оборвались неизвестно как возникшие связи между этими народами.

Эти предположения, однако, в конце концов оказались беспочвенными, несмотря на то, что в Древний Египет — частично еще до царствования первых династий — действительно проникло много явлений, характерных для шумерской цивилизации.

Об этом, в частности, говорит нам изображение борющегося со львами легендарного мужа, народного героя шумеров, которого они часто упоминали и изображали и образ которого позднее слился в их представлении с образом Гильгамеша. Три изображения его были найдены археологами в долине Нила: на стеной росписи в Верхнем Египте, в более чем девятистах километрах от Дельты, в развалинах древнего города Нехен (по-гречески — Иераконполь); на рукоятке кремневого ножа, вырезанной из слоновой кости; на рельефе, изображающем охотничью сцену.

На другой стороне рукоятки вышеупомянутого ножа находится изображение битвы: сражаются две флотилии судов, воины бьются врукопашную. Египетские галеры характерной раковинообразной формы сражаются с хорошо известными по находкам в Месопотамии кораблями с круто поднятым носом и кормой. Подобного же типа корабли можно видеть на наскальных рисунках в высохшей долине Вади Хаммамат, тянущейся между Верхним Египтом и Красным морем. Может быть, в этом направлении старались прорваться в долину

Плита фараона Нармера, сделанная в Египте около 3000 г. до н. э., по-видимому, уже в период I династии. Вырезанные на ней чудовища с длинными шеями — почти точная копия мифических существ с шумерской печати (см. снимок внизу).

Суда египетского и месопотамского типа. Наскальные изображения в Вали Хаммамат.

Нила прибывшие на кораблях чужеземные воины? Или битва произошла много севернее, в том крайнем рукаве дельты, который в то время еще впадал в Красное море? Сплошные вопросы, сплошные тайны.

Но достоверно известно, что в это время в Египте тоже были в моде цилиндрические резные печати шумеров; что в одно и то же время и поразительно сходным образом развивается в обеих странах рельефная резьба, рельефное изображение людей и животных; что внешнюю стену гробниц первых фараонов строители членили на шумерский лад; что на начальной стадии существует большое родство между пиктографией Шумера и Египта; более того, отдельные слова этих двух совершенно чуждых друг другу языков звучат одинаково...

Может быть, посредником был здесь какой-нибудь третий народ, древние мореходы, которые, отправившись откуда-то из юго-восточной Аравии или с островов Персидского залива, бороздили ближние и дальние воды? А может.

Деталь плиты с изображением охотничьей сцены, период I династии. Косматые охотники, вооруженные копьями и палицами, по-видимому, принадлежат к какому-нибудь из племен народов Передней Азии.

связи между древним Междуречьем и долиной Нила завязали не мореходы, а сухопутные народы, жившие между Двуречьем и Нильской долиной? Быть может, корабли месопотамского типа, которые мы видим на древнеегипетских изображениях, вовсе и не являются месопотамскими?

В наши дни большинство ученых склоняется к последнему предположению. То, что из Шумера дошло до Египта, это, по их мнению, попало туда по суше, при посредничестве семитских народов. Никогда ни один караван, ни один путник не проделал огромного пути между двумя странами, но переходящие от одного племени к другому цилиндрические печати и другие шумерские товары все-таки нашли дорогу в долину Нила и пользовались там одно время большим спросом. Благодаря изображениям на цилиндрических печатях, многие шумерские мотивы внедрились во внезапно расцветшее искусство Раннего Египта; так могли прийти туда и другие шумерские влияния, хотя бы и в устной передаче. Семитские племена понимали язык друг друга, а так как некоторые семитские элементы влились и в египетское население, они могли оплодотворить развивающуюся здесь более высокую цивилизацию многими традициями азиатского происхождения.

Однако и этот взгляд имеет свои изъяны. Вряд ли можно его безоговорочно принять или также безоговорочно отвергнуть. Словно смотрим мы в глубокий-глубокий колодезь. Мерцает там что-то в глубине, но что? И как бы пристально мы ни вглядывались, ничего больше не видим.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗОЛОТОЙ ГОР

С незапамятных времен порхали над землей и водами Египта соколы и орлы, ибисы, журавли, чибисы, цапли, дикие гуси, утки и разные другие птицы. Прилегающие к Нилу болота давали убежище множеству птиц и рыб, бегемотам, водным буйволам, кабанам, крокодилам, в окрестных травянисто-скалисто-песчаных степях водились львы, барсы, горные козы, олени, антилопы, барсуки, гиены, шакалы... и среди них тысячелетиями влачили жалкое существование жившие небольшими группами люди.

Но и тогда, когда здешнее людское население численно увеличилось и окрепло, когда оно уже

пасло стада, сеяло хлеб, строило села и города, люди, как воспоминание о древнейших временах, чувствовали близкими себе четвероногих животных и птиц, короче говоря, окружающий их живой мир. Среди них бытовал культ диких и домашних животных. Почитаемые ими сверхъестественные силы, богов, властителей люди часто изображали в виде животных, сказочным образом, но с глубокой верой. Со временем, добыв власть над всей страной, стали божествами и сами фараоны. Они называли себя Гор, что значит Бог-сокол.

Гор на самом деле значит не сокол, а вообще «высоколетающий», «находящийся в вышине». Но как соколы оказались достойными этого имени, так оказался достойным его божественный фараон всех времен, Первородный Золотой Гор, Вечно Живущий.

Намогильная плита царя Змеи из Абидоса, период I династии. Единственный иероглиф, указывающий на личность царя, — кобра с поднятой головой, позднее читался как *Джет*. Под иероглифом — характерно расчлененный фасад тогдашнего царского дворца, с двумя узкими дверями, над иероглифом — символ власти фараона — сокол.

Бронзовая статуэтка Осириса, выполненная в более позднюю эпоху и на самом деле изображающая мумию с обмотанным полотняными бинтами телом, хотя и не в обычной позе. Хранится в будапештском Музее изобразительных искусств.

«Живи вечно!» — желали ему подданные, представленные пред его лик. Иногда они расцвечивали свои пожелания: «Пусть все боги дадут тебе жизнь, счастье твоему носу, пусть осыплют тебя дарами, пусть дадут тебе безграничную вечную жизнь, вечность, которой нет конца!»

Потому что каким бы небесным существом ни мыслил себя фараон и сколько бы раз ни звучали в его ушах слова поклоняющихся ему, повторяющих его официальный титул: «Великий Бог», фараон все-таки чувствовал, что жизнь его не будет безграничной, вечность его не настоящая, не бесконечная.

Ведь, как следует из египетских мифов, убить можно было и бога. Осириса, бога-царя древности, убил его собственный брат, Сет.

В те времена, когда это случилось, — так верили жившие позднее люди — земных царей не было, страной правили сами боги. Усири (по-гречески — Осирис) был богом-царем, который научил людей земледелию, виноградарству, научил их вести оседлый образ жизни, почитать богов, научил их пению, танцам, музыке и отучил пожирать друг друга. Брат же его, Сет, любил насилие и разрушение, поэтому он желал гибели доброму Осирису, старающемуся улучшить мир. Он вовлек в заговор против Осириса по одним источникам — сорок два, по другим — семьдесят два человека и пригласил их, а также Осириса на пиршество. Во время пиршества он показал гостям красивый сундук из дерева сикоморы, обитый серебром и выложенный драгоценными камнями, и обещал подарить его тому, кому он подойдет по размеру.

Осирис не знал, что этот разукрашенный сундук — приготовленная для него ловушка, его собственный слуга тайком снял с него мерку и передал Сету за большое вознаграждение. Ничего не подозревая, улегся Осирис в приготовленный ему роскошный гроб и даже радовался, что поместился в нем, как вдруг заговорщики захлопнули крышку. Не только захлопнули, но еще и заколотили ее гвоздями и даже запаяли свинцом и бросили сундук в море, там, где в него впадает один из рукавов Нила.

Жена Осириса, Есит (по-гречески — Исида), услышав о страшном происшествии, отправилась искать сундук. Море тем временем вынесло сундук на берег, далеко от Египта, и выросло над ним дерево. Исида, хоть и не скоро, но все-таки отыскала сундук-гроб, открыла его и, рыдая, упала на труп Осириса. Обнимала, целовала его, пока не зачала от него ребенка: божественного Гора, который вновь и вновь воплощался в каждом фараоне. Осирис же, спустившись в подземный мир, стал его царем.

Но Сет не хотел уступить наследства Осириса даже рожденному богиней Исидой первому

Заупокойная статуя царевича Рахотепа (период IV династии), выполненная из раскрашенного известняка.

Заупокойная статуя Нофрет, жены царевича Рахотепа.

Гору. Перед сонмом Девяти Богов спорил-тягался он с Гором, а когда боги решили спор в пользу последнего, Сет требовал все нового и нового приговора или вызывал своего противника на различные испытания: кто из них в облике бегемота сможет пробыть под водой три месяца, кто из них сможет построить корабль из камня. Однажды он даже вырвал у Гора глаза и закопал в землю, где из них выросли цветы лотоса. Но богиня Хатор накапала в глазницы слепого юноши молока дикой газели и вернула ему зрение. Наконец, даже бог солнца Ра, покровительствовавший Сету, склонился на сторону Гора и разрешил передать ему царство. А Сета он взял с собой в ладью, на которой он каждый день проплывает по небесным водам с востока на запад и каждую ночь — в подвластном Осирису подземном мире — с запада на восток...

Сегодняшний читатель воспринимает все это как старую сказку. Но египтяне в нее верили. Верили в нее и фараоны, сменяющие один другого величественные Золотые Горы. Поэтому боялись они Сета, который стоял на носу ладьи

бога солнца для того, чтобы вовремя поразить злого змея, нападающего на ладью и выпивающего перед ней воду. А что будет, если Сет поразит и их? Боялись они и того, что, когда кончится их правление на земле, они не получат столь желанного бессмертия, а душа их и тело превратятся в ничто, в прах, хотя фараоны так хотели бы жить вечно.

Были у них большие и малые повседневные заботы, у какого властителя их нет? Но самой главной их заботой была одна: как обеспечить себе вечную жизнь?

Ради этого воздвигались пирамиды и другие роскошные царские гробницы. Не для того, чтобы поразить человечество, не для славы зодчих, пережившей тысячелетия. А ради надежного и прочного достижения загробной жизни.

Сегодняшним разумом понять это опять-таки трудно. Что общего между тысячами, сотнями тысяч, миллионными камнями, нагроможденных в пирамиду или любую другую форму, и бессмертием души?

Хотя объясняется это просто. Египтяне ду-

Мумия на ложе в гробнице. Над ней склоняется Инпу (по-гречески — Анубис), «счетчик сердец», бог бальзамирования, которого изображали в облике шакала.

мали, что душа может жить только до тех пор, пока ей есть куда вернуться. Пока у нее есть дом.

Сыновей других стран опыт учил тому, что зарытые в землю трупы раньше или позже истлевают. Народ же Египта всегда, с самого начала хоронил своих умерших не в насыщенной влагой почве долины Нила, а на краю соседних с долиной пустынь, где в течение долгого времени завернутые в циновки тела умерших оставались в почти неизменном состоянии: песок высушивал их, тем самым предохраняя от дальнейшего истлевания.

По-видимому, так родилось верование, что загробная жизнь души возможна лишь при сохранности тела. Невидимый двойник видимого человека возвращается в тело и после смерти, он гибнет лишь тогда, когда ему больше некуда вернуться.

Тела знати, возвысившейся над простым народом, а тем более тела могущественных Горов, властвующих над всей страной, уже не просто закапывали в песок. Для них строили все более прочные гробницы, сперва из высушенного на солнце кирпича-сырца и тщательно оструганных деревянных балок, как строились тогда жилые дома богачей. Позднее из песчаника, известняка, базальта, гранита, чтобы *ка*, отделившийся от тела, но и далее стремящийся с ним соединиться двойник, мог жить в более просторном, более удобном помещении. Строили их и потому, что если заключенное в гробнице тело все-таки истлеет, то воплощением усопшего владыки останется его статуя, также укрытая в гробнице, а если погибнет и она, то в гробнице все еще останется вырезанное на камне в потайном месте имя усопшего, которое будет служить последним прибежищем душе, позволит ей существовать даже в случае гибели и тела, и статуи.

Статуи? Статуй! Потому что позднее зачастую делали не одну статую, а множество, иногда целую дюжину; более того, вырезали из

Жук-скарабей. Резьба на каменном саркофаге.

камня подобие головы погребенного и замуровывали ее в хорошо скрытую подземную нишу, где, как египтяне надеялись, ее может найти только ищущий свою земную оболочку *ка...*

Заботились египтяне и о первоначальной земной оболочке, мертвом теле, но, пожалуй, только тогда начали заботиться о нем по-настоящему, когда увидели, как быстро оно разлагается, если его хоронят не в сухом песке, а в выложенной камнем могильной яме.

Египтяне все перепробовали в надежде защитить тела от разложения. Так они постепенно узнали, что недостаточно вынуть из тела внутренности и налить вместо них смолу, а на месте сердца поместить вырезанного из камня священного жука-скарабея, недостаточно вымачивать тело в содовом растворе, а потом его бальзамировать, т. е. пропитывать смесью эфирных масел и смолы, надо его еще не просто обмотать воздухонепроницаемыми — для этого их пропитывали смолой и мастикой — полотняными полосками, бинтами, но закатать тело с головы до ног в эти бинты, чтобы не было видно и лица, которое замещала резная раскрашенная маска... Так египтяне спасали тело от истлевания, превращая его в неразлагающуюся мумию.

Больше же всего египтяне надеялись на каменные сооружения, хранящие и укрывающие и мумию, и статуи, и высеченное на камне имя царя. Если гробница достаточно прочна, чтобы противостоять векам и тысячелетиям, столь же длительное время будет существовать и нашедшая себе в ней пристанище душа.

Какие простые, наивные представления! И какие потрясающие шедевры обязаны им своим существованием! Среди них — и до сих пор нерушимо vzdымающиеся ввысь пирамиды в Гизе и ее окрестностях.

В этих пирамидах на самом деле по сей день живут Золотые Горы, эти спустившиеся на землю Древнего Египта боги-соколы. Только живут не совсем так, как они это предполагали. Не бродят их души по давным-давно найденным разграбленным пирамидам, по тайным коридорам, кладовым.

Но слава, имена их сохранились до наших дней, и безмолвные каменные строения красноречиво рассказывают и сегодня о том живом человеческом труде, знании, которые были накоплены более четырех тысячелетий назад...

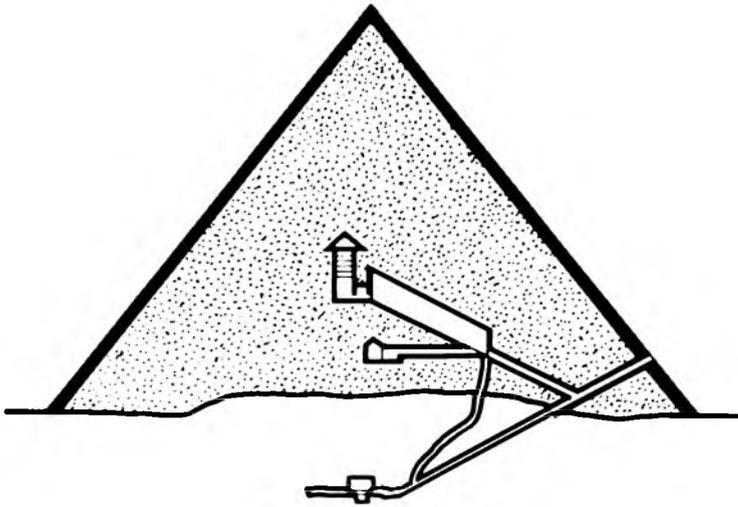

Пирамиды в Гизе, построенные в эпоху IV династии. Вид издалека. Посередине пирамида фараона Хеопса, по бокам — Хефрена и Микерина.

СТРОИТЕЛИ ПИРАМИД

Не фараоны строили пирамиды. Они только приказывали их строить. Подлинными их строителями были люди, направленные на многолетнюю тяжелую работу, и руководившие ими низшие и высшие начальники.

Возьмем, например, самую большую пирамиду, пирамиду фараона Хуфу (по-гречески — Хеопса), возведенную около 2600 года до н. э. По позднейшим подсчетам, на ее постройку пошло около 2 миллионов 300 тысяч каменных блоков и плит. Каменные блоки вырубали недалеко от места строительства, в гранитных скалах, vzdымающихся на высоком берегу Ни-

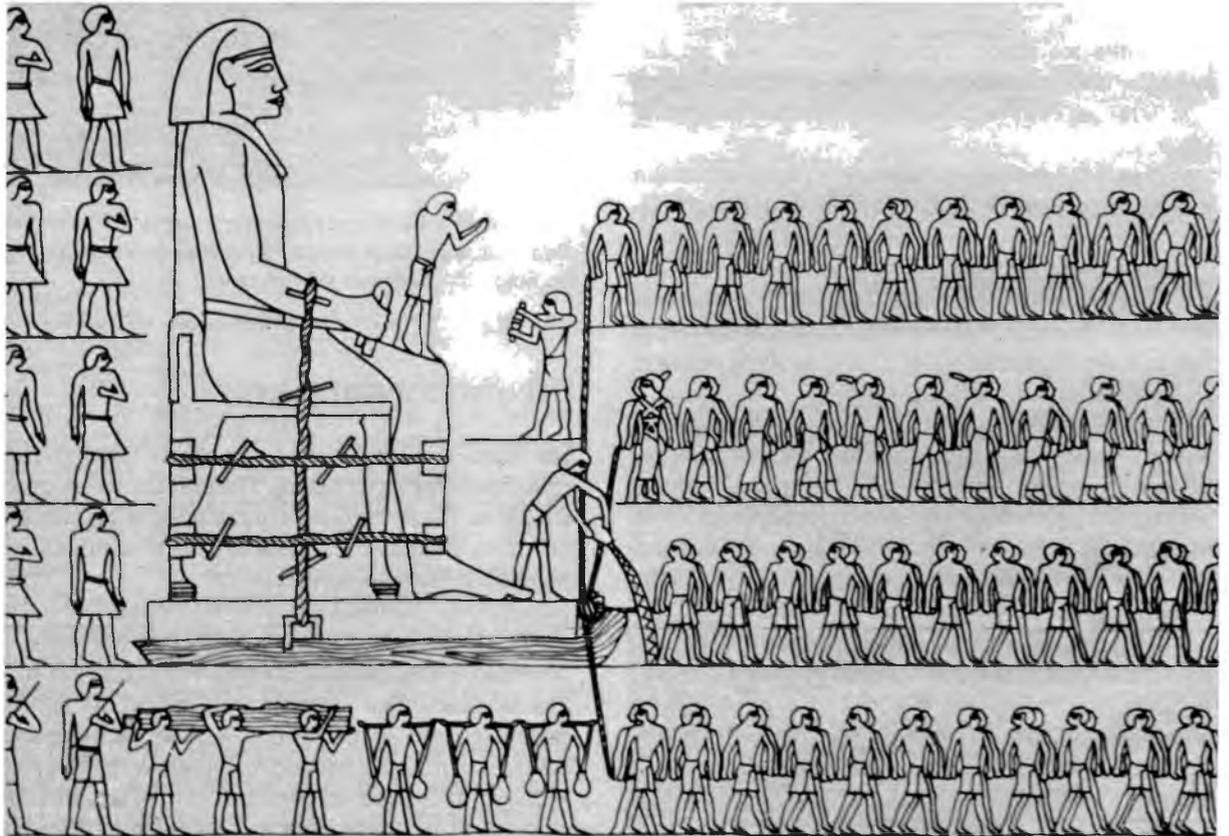
Поперечный разрез пирамиды Хеопса со внутренними ходами и камерами.

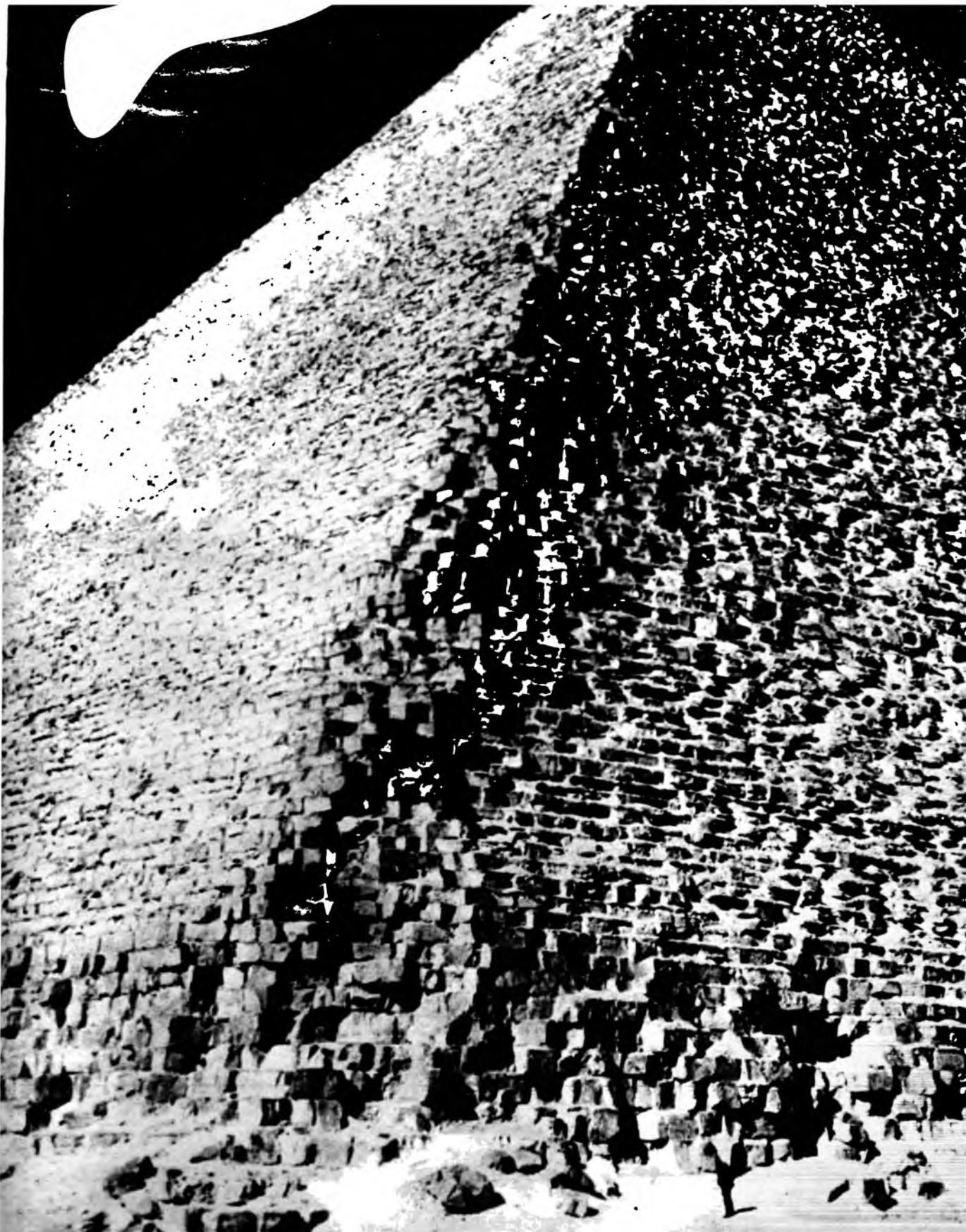
ла, а использовавшиеся для облицовки пирамиды плиты песчаника перевозили на судах из каменоломен на противоположном берегу. Гранит, обладающий большой прочностью и применявшийся во внутренних коридорах, камерах и для подкладки под внешнюю облицовку, также привозился на судах, но с гораздо большего расстояния, из окрестностей теперешнего Асуана, отстоящего от пирамиды примерно на тысячу километров.

Всего надо было передвинуть около 60 миллионов центнеров камней — т. е. 600 тысяч вагонов. Но самой тяжелой работой был не перенос или перевозка каменных блоков, а их вырубка и шлифовка до точных размеров. Ведь тогда еще не знали острых и прочных стальных орудий труда позднейших времен. Люди тогда не знали даже бронзы, изготовляли свои орудия из чистой меди, поэтому они быстро приходили в негодность. А лезвия ножей, сверла и топорика, серпы и зубья пил делали даже не из меди, а из кремня.

Сколько медных инструментов получили строители пирамид с царских складов, нам не-

Перевозка гигантской статуи. На основе рельефа в гробнице.

Пирамида Хеопса вблизи.

известно. Но так как в то время медь, добывавшаяся на рудниках в пустынях Синайского полуострова, была предметом дорогим, то вряд ли инструменты из нее раздавали направо и налево. Большую часть каменных блоков, очевидно, вырубали при помощи деревянных клиньев, размещенных на расстоянии пяди друг от друга. Клинья вбивали в отверстия в скале, сделанные кремневыми сверлами. Вероятно, клинья поливали водой, чтобы, разбухнув, они с большей силой расщепляли скалу в нужном направлении. Так получали египтяне миллионы каменных блоков прямоугольной формы, которые они потом обтесывали и шлифовали, чтобы все их стороны были одинаково гладкими и в точности соответствовали размерам, данным надсмотрщикам.

Переведя все это на язык сегодняшних мер, можно сказать, что средний объем такого блока был один кубометр, вес — около 25 центнеров. Но попадались среди них, как исключение, блоки весом в 500 центнеров.

Голыми руками поднять и перетащить даже самый небольшой из этих блоков невозможно: для этого потребовалось бы столько людей, что они не поместились бы около него. Нужны были средства для подъема и переноса блоков: рычаги и катки, козлы и сани, крепкие канаты и, конечно, множество людей, которые, напрягая все силы, тянут канат, все тянут и тянут, под ритм раздающейся команды: «Эй-ух! Эй-ух!» По-древнеегипетски этот побуждающий к работе выкрик звучал, конечно, по-другому, но что раздавался он часто, в этом нет сомнения.

Ну, а другой побудитель? Бич?

Насколько нам известно, бич свистел не часто. Каменотесы, перевозчики, строители были не загнанными насмерть, тысячами гибнущими рабами, а работниками, жившими в сносных условиях, работниками, которым за точно выполненную работу точно выплачивалось казенное содержание. Несколько тысяч таких постоянных работников трудилось круг-

Статуэтки, изображающие слуг, из гробницы знатного вельможи. До 2000 г. до н. э. (Будапешт, Музей изобразительных искусств.)

лый год, а во время обычного разлива Нила, когда нельзя было выйти на поля, на строительство из ближних и дальних деревень приходили огромные вспомогательные отряды крестьян, находившихся на своем довольствии.

Всего этого мы, конечно, точно не знаем, мы об этом лишь догадываемся, так как записи тех времен еще очень скудны. Но дошедшие до нас документы более позднего времени говорят о хорошо организованных и хорошо снабженных армиях работников, трудящихся сообща без всякого грубого принуждения.

Вот обращение фараона Рамессу III (по-гречески — Рамсеса) к своим «ловким, умелым, как на подбор» каменотесам:

«Для вас наполню я склады всем, что требуется: пищей, мясом, сладким тестом, сандалиями, одеждой, чтобы защищать ваши тела, множеством мазей, чтобы вы умащали свои головы каждые десять дней, дам я вам одежду на целый год, чтобы ноги ваши твердо стояли на земле каждый день и чтобы никто из вас не вздыхал во сне из-за нужды. Я назначил много людей следить за тем, чтобы вы ни в чем не нуждались: рыбаков, чтобы доставляли рыбу, садовников, чтобы выращивали растения. На гончарных кругах изготовлена для вас посуда, сделаны кувшины, чтобы охлаждать для вас воду в летнее время. Для вас движутся гребные суда из Верхнего Египта в Нижний, из Нижнего Египта в Верхний с ячменем, зерном, пшеницей, солью, бобами в неограниченном количестве. И делают они это для того, чтобы с послушным сердцем работали бы вы для меня».

Работники были поделены на группы по пять человек, во главе такой пятерки стоял ответственный, который работал вместе со своими людьми. Более крупными единицами, состоявшими из многих пятерок, руководили освобожденные надсмотрщики, а ими — начальники все более и более высокого звания.

Организация эта по форме напоминала саму строящуюся пирамиду. На вершине стоял лишь один человек — главный руководитель работ, который отвечал перед верховным сановником фараона за все строительство, за то, чтобы оно шло так, как было предписано.

Потому что весь ход работ был предписан, вычислен заранее, это уж почти наверняка. И то, сколько камня потребно для всей пирамиды, и то, сколько людей, сколько инструментов, сколько дерева и канатов для козел и саней, для строительных лесов; сколько судов для

Статуэтка слуги, готовящего пиво. Эпоха V династии.

речных перевозок; сколько хлеба, мяса и другого продовольствия для работников; сколько льняного полотна для причитающейся работникам одежды и так далее... А также и то, на сколько лет рассчитана работа, и сколько надо сделать в год, чтобы она была готова в срок.

Пирамида Хуфу строилась около двадцати лет. Каждая сторона ее имела ширину в 232,5 метра (сейчас — 230), высоту в 146 метров (сейчас 137). Она построена чуть ли не целиком, за исключением нескольких камер и коридоров, из плотного камня.

Грани пирамиды обращены к четырем сторонам света. Вход в гробницу находится на северной стороне, на высоте 16 метров над землей.

Наиболее удивительными являются, пожалуй, не размеры пирамиды, а та невероятная точность, с которой было определено ее место, так чтобы грани оказались повернуты к че-

Несущие заупокойные жертвы. Сцена на рельефе в гробнице Ти, одного из верховных сановников V династии. в Саккаре, самом богатом местонахождении рельефов эпохи Древнего царства.

тырем сторонам света, с которой были вытесаны, отшлифованы и подогнаны камни, так что их углы и кромки безупречно совпадали. Нигде ни щели, ни трещины, за исключением тех мест, которые позднее разломали искатели сокровищ или собиратели камней.

Пирамиды в свое время венчала высеченная из красного гранита верхушка, но теперь ее нет, как нет и большинства покрывавших ее бока тонко отшлифованных облицовочных плит из белого известняка.

В непосредственном соседстве с пирамидой Хуфу стоят гробницы двух других фараонов, потомков Хуфу: пирамида Хафра (Хефрена), первоначально имевшая высоту 136,5 метра (сейчас она лишь чуть ниже), и пирамида Менкаура (Микерина), высотой всего лишь в 66 метров. У подножия их примостилось несколько «карликовых» пирамид и целый город гробниц: здесь покоились родственники фараона, знатные египтяне, пока покой их не нарушили опустошавшие гробницы грабители, а позже — археологи.

Этот некрополь, «город мертвых», лежал на западе от древней столицы. Мен Нофера —

Мемфиса. Древние египтяне называли его только так: *Западный Город*, и покоившихся здесь ни за что на свете не называли бы мертвыми, в крайнем случае — *утомившимися*. Ведь они и сами мечтали со временем попасть сюда, в число живущих и после погребения. Поэтому Западный Город все дальше и дальше простирался по узкой полосе на левом берегу Нила, на рубеже между плодородной землей и пустыней, достигнув в конце концов 60 километров в длину.

В этом странном городе имелось немало и живых людей, главным образом, жрецов и храмовых слуг, ухаживавших за знатными покойниками. Так как ушедшие из земной жизни, по общему поверью, продолжали жить дальше в загробном мире, их надо было снабжать едой и питьем: фараонов — ежедневно, других — раз в неделю или еще реже. Жрецы Западного Города получали обычно в дар землю — поместье, чтобы до смерти не было у них других забот, кроме верного служения «утомившимся».

Но служили «утомившимся» и другие: погребенные вместе с ними рыбаки, охотники, пастухи, землепашцы, хлебопеки, пивовары, повара, писцы, музыканты, танцовщицы...

К счастью, подобные массовые погребения всегда, если не считать самых древнейших времен, были символическими. Вместо реальных слуг усопшего вельможу сопровождали в гробницу символизирующие их маленькие статуэтки или каменные барельефные фигуры. Считалось, что достаточно их *изобразить*, чтобы в таинственном мраке замурованной погребальной камеры они ожили и продолжали каждый заниматься своим делом. Бывали и такие случаи, когда мастер, вырезавший и раскрашивавший изображения на барельефах в гробнице, увековечивал среди многих других фигур и себя, таким образом даром обеспечивая себе бессмертие.

У нас все это вызывает лишь улыбку. Египтяне же не видели в этом ничего смешного, ничего несообразного. И именно твердая вера в продолжение жизни побуждала их к созданию таких художественных творений, которые никак не могут вызвать снисходительной усмешки. Мы смотрим на них, и даже через столько тысячелетий нас охватывает изумление. А иногда даже и благоговение.

Но вернемся к пирамидам. Мы точно знаем, какая гробница была предком тех шестидесяти с небольшим дошедших до нас пирамид, более того, догадываемся даже, в чьей голове зародился ее проект.

Звали его Имхотепом, он был сановником фараона Джосера (в 2700-е годы до н. э.), сведущ во многих науках, но прославился больше всего как врач и зодчий. Позднее египтяне чтили его как бога. Много скульптур Имхотепа вырезали и вылепили египтяне, изображая его сидящим на стуле со свитком папируса в руках и в раздумье смотрящим перед собой. От того времени, когда жил Имхотеп, до нас дошел лишь постамент скульптуры с остатками ступней ног, на котором можно прочесть его имя. Этот постамент подтверждает, что Имхотеп жил не только в легендах потомков.

Но тогда могут быть правдой и те легенды, в которых говорится, что проект усыпальницы Джосера, предшественницы всех пирамид, и целого ряда окружающих ее строений принадлежит Имхотепу.

Территорию в 150 000 квадратных метров

Шестиступенчатая пирамида Джосера и ансамбль связанных с нею сооружений. Около 2700 г. до н. э

Статуя фараона Джосера.

Имхотеп обнес каменной стеной высотой в 10 метров, в которой после окончания работ не было ни одного входа. Имелись в ней четырнадцать ворот, но это все были ложные ворота, тщательно замурованные. Внутри стояли дворцы и святилища, а посередине возвышалась шестиступенчатая, прямоугольная, высотой в 60 метров пирамида: точнее, шесть поставленных одна на другую уменьшающихся кверху мастаб; находящаяся под ними погребальная камера уходящая в землю на 28 метров. (Мастаба — древняя усыпальница в форме усеченной пирамиды.)

Весь комплекс заупокойных сооружений был построен из камня, хотя в долине Нила, по свидетельству археологических находок, до тех пор строили лишь из глины, сырцового кирпича,

тростника, дерева, камень же использовался редко.

Откуда набрался Имхотеп храбрости взяться за такое предприятие? Как сумел он сконструировать или поручить сконструировать другим никогда ранее не виданные орудия, инструменты, средства передвижения, которые были необходимы для этих монументальных работ? Где он нашел или как воспитал сведущих мастеровых, ремесленников и художников: каменотесов, камнерезов, перевозчиков камня, строителей, ваятелей, резчиков барельефов и живописцев?

И как вообще пришло Имхотепу в голову, используя труд тысяч работников, поставить такое огромное строение над погребальной камерой Джосера?

Многие объясняют это тем, что гигантские пирамиды-ступени по верованиям египтян должны были помочь душе усопшего фараона подняться на небо.

Но почему тогда потомки Джосера строили пирамиды не ступенчатые, а правильной формы?

Не знаем. Мы не знаем многого, еще очень многого, и, пожалуй, не узнаем никогда.

ДО И ПОСЛЕ

И до Джосера уже жили фараоны, но от них письменных памятников осталось мало, о них рассказывают другие находки: увековечившие их деяния резные каменные барельефы или усыпальницы, в которых сохранились погребенные вместе с ними сокровища.

Более поздние предания говорят, что первым фараоном был правивший около 3000 года до н. э. Мена (по-гречески — Менес). Сказание говорит, что собственные псы загнали однажды Мена в лежащее неподалеку от Нила озеро Мерида. Там бы он и погиб, если бы крокодил не взял его в пасть и не перенес на другой берег. На месте, где Мена ступил на сушу, он в знак своего спасения основал город и приказал почитать в нем крокодилов.

Мена будто бы заложил и основы объединенной столицы Нижнего и Верхнего Египта, которую вначале называли, возможно, *Бельми Стенами*, позднее же она получила более возвышенные названия, например, такие:

Весы Двух Стран
Жизнь Двух Стран
Властитель Жизни Двух Стран
Дворец Души Птаха
(Хет-Ка-Птах)
Непреходяща Красота Пепи
(Мен Нофер Пепи)

Египетская форма этого последнего названия в разговорном языке превратилась в *Менфер*, а уж греки сделали из него *Мемфис*. А название *Хет-Ка-Птах* изменили они еще больше, пока не превратилось оно в их устах в Айгуптос, а в наших — в Египет, но уже как название не города, а всей страны.

Птах, кстати сказать, был богом, к тому же первым, как Мена — первым фараоном. По египетским верованиям, он сотворил мир и в нем своих сотоварищей — богов. «Сотворив все вещи и все божественные слова, Птах был удовлетворен. Он создал богов, основал города. Он обозначил номы...»

Ему воздвигнул Мена храм, на юг от стен нового города. Себе он воздвигнул дворец внутри белых стен; от названия дворца — Пер Ао — Большой Дом — произошло слово «фараон».

Крепкие плотины защищали главный город Черной страны от разливов Нила. По преданию, плотины были построены тоже по приказу Мены. Река отомстила тому, кто ее обуздал: после шестидесятилетнего царствования состарившийся фараон был унесен в воду бегемотом.

За Меной в течение трех тысяч лет следовал длинный ряд царей и царских династий до последнего правителя македоно-греческой династии Птолемеев, прекрасной Клеопатры, которая возвела на трон своего сына, рожденного от Юлия Цезаря, но с гибелью их обеих страна с великим прошлым превратилась в бессильную провинцию, подчиненную Риму. Однако до этого она просуществовала три тысячи лет! Пусть даже ценой многочисленных, больших или меньших потрясений.

Потрясения начались уже в период правления II династии, последовавшей за правлением семи царей рода Мены, борьбой вельмож за власть, борьбой Тростинки против Пчелы (богатого тростником Нижнего Египта и богатого пчельниками Верхнего Египта).

Весы Двух Стран, на счастье, действовали хорошо. Только теперь на деле выяснилось, как мудро выбрал Мена, если и вправду он был

основателем Мемфиса, место для новой столицы: на границе между Верхней и Нижней страной, в самом узком месте долины, ее устье, за которым Нил уже выходит на приморскую низменность и, разделившись на рукава, расстилается по ней веером.

Тот, кто господствовал над выходом из долины, господствовал и над дельтой реки. Крепостные сооружения в узкой речной долине, обрамленной с обеих сторон крутыми стенами скал, защищали столицу и весь Верхний Египет от северян, жителей дельты. Южанам же дорога всегда была открыта (если не по суше, то по воде), они могли попасть в лежащую на побережье Средиземного моря заболоченную, равнинную часть страны тогда, когда хотели.

Весы действовали так, что чаша всегда склонялась в пользу Пчелы. Мы знаем и итог одного из таких борений: из взбунтовавшихся против фараона жителей Нижнего Египта погибло 47 209 человек.

К тому времени, когда начала править III династия — семья Джосера (около 2780 года до н. э.), — власть фараонов казалась нерушимой. У их ног лежала не только Дельта, но и вся страна, вся знать, все сановники как Севера, так и Юга.

Из дошедших до нас от эпохи первых двух династий усыпальниц часто трудно определить, погребено в ней тело фараона или какого-нибудь другого знатного человека. Начиная же с эпохи Джосера уже и пирамиды указывают на неизмеримое различие между божественными владыками и склоняющимися перед ними в почтении подданными.

Каждый из фараонов еще при жизни строил себе пирамиду со всеми относящимися к ней храмами, залами, коридорами. Преемникам, в крайнем случае, доставалось закончить постройку. Но в этих случаях она и выглядела как работа несовершенная, законченная наспех. Поэтому каждый фараон старался закончить свою усыпальницу в срок. С первым царем IV династии, фараоном Снофру, случилось то, что его пирамида не удалась. Он хотел, чтобы она достигала 120 метров в высоту; строители дошли еще только до 40 метров, когда заметили на строящемся каменном колоссе подозрительные трещины. Они тщательно заделали их, но по совету своих ученых фараон решил сделать пирамиду не столь круто идущей ввысь. Грани, стороны были надломлены, и пирамида получилась высотой лишь в 97 метров. Но трескаться

Пирамида с надломленными гранями фараона Снофру в Дашуре. Эпоха IV династии.

продолжала и дальше. Потолок и стены скрытой в ней погребальной камеры пришлось подпереть кедровыми балками. Снофру, наконец, решился ради вечной жизни построить еще одну пирамиду. На этот раз ему повезло: пирамида была готова не только вовремя, но новое импозантное сооружение высотой в 99 метров было совершенно безупречным и по достоинству получило название «Снофру сияет».

Это была первая усыпальница в форме совершенной пирамиды. Превзошла ее только гробница следующего фараона, Хеопса, учившегося на опыте предшественников.

А после Хеопса?

Власть фараонов постепенно начала убывать.

Имеются более поздние сказания, согласно которым будто бы один столетилетний кудесник предрек фараону Хеопсу, что его династия перестанет царствовать. Фараон хотел добыть содержащий тайные знания свиток, который

мог принести ему из города бога солнца Ра только старый чародей Джеди, так как он знал, где находится камера под названием «Привлекающий к ответу», а в ней кремневый сундук, в котором был спрятан свиток. Но на просьбу фараона так ответил Джеди: «Царь (Жизнь, Благо, Здоровье), господин мой! Не я принесу тебе этот свиток!»

Произошла неслыханная вещь. Смертный, правда, такой смертный, который при помощи чар мог приставлять головы животных и людей к их обезглавленным телам, осмелился сказать «нет» фараону, воплощению бога Гора. И даже объявил, кто принесет свиток: тот из трех близнецов, рожденных женой жреца от бога Ра, который первым появится на свет, и он же наследует царский трон после сына Хеопса.

Это было уже знамение времени (пусть только в представлении потомков), предупреждение могущественнейшему из богов-царей: сил его

уже недостаточно даже для того, чтобы сохранить царство для внука. Свиток, который он жаждал достать и который должен был принести сын бога солнца из тайника в камере «Привлекающего к ответу», был приговором для его династии.

Знаменем времени было и то, что Джеди, волшебник, остался ненаказанным, более того, фараон поселил его в доме самого наследника престола и приказал дать ему тысячу хлебов, сто кувшинов пива, вола и сто связок лука.

Свиток папируса, на котором записана эта история, вообще изображает Хеопса щедрым дарителем. В один только день он приказал принести в качестве жертвенных даров трем фараонам-предшественникам — Джосеру, Небеку, Снофру — по тысяче хлебов, по сто кувшинов пива, по одному быку и по два шарика благовонных курений (кроме того, главному жрецу каждого из них — по калачу, по кувшину

Фараон Хефрен вступил на трон вслед за Джедефером, сыном Хеопса. На заупокойной статуе, высеченной из диорита, за спиной фараона как божественный знак его достоинства сидит сокол.

Преемник Хефрена Микерин в сопровождении богинь. Статуя из серовато-зеленого камня стояла в заупокойном храме, входящем в комплекс пирамиды Микерина.

пива, по большой порции мяса и по шарикку благовонных курений), и все это только потому, что нашел удовольствие в говорящих о них историях.

От этого он, конечно, не обеднел. Мог себе позволить подобно и основатель V династии Усеркаф. За один только год — по свидетельству высеченных на камне погодных записей — он подарил богу Ра 44 арура земли; одному из его храмов отдельно пожаловал 24 арура и в качестве ежедневного жертвоприношения — двух волов и гуся; для праздничного снабжения душ в городе Ра — 36 аруров земли и 20 жертв на каждый праздник; богиням храма в Дебауте — 54 арура земли, богине Хатор — 44 арура, богине Небхет — в Дом бога Юга — 10 жертво-

Голова известняковой статуи верховного сановника Хемину. IV династия.

Голова деревянной статуи верховного сановника Метети. Рубеж V—VI династий.

приношений в день, богине Буто — 10 жертвоприношений в день, богам из Дома богов Юга — 48 жертвоприношений в день...

Эта ставшая традиционной, чуть ли не обязательной, независимо от желания, царская щедрость со временем привела к тому, что фараона окружала все возрастающая армия приживальщиков: множилось число живущих за счет казны, царские же поместья уменьшались. Ведь в действительности дары, пожертвования богам и усопшим обогащали земных людей точно так же, как богатые подарки, раздаваемые в награду за придворную и другую службу.

Напрасно земля всей страны до самой последней пяди номинально считалась принадлежащей божественному фараону, если вельможи то под одним, то под другим предлогом добивались освобождения от уплаты налогов, от содержания проезжающих, находящихся на службе у царя, от посылки своих людей на общественные работы.

Так что уже не каждый фараон мог построить себе пирамиду, а те, что все же строились, были более низкими и незначительными. От некоторых из них до наших дней сохранилась лишь бесформенная груда камней, потому что для облегчения работ их складывали из маленьких блоков, которые легко разрушались «железными зубами времени».

Зато множилось число каменных гробниц, часто внушительных размеров, принадлежавших вельможам и просто богатым людям среднего сословия, например, ремесленникам; даже они могли уже себе позволить принести значительные материальные жертвы ради своего бессмертия.

Хотя тот, кто мог, и эти расходы частично перекладывал на фараона: необходимые ему обработанные камни выпрашивал из царских каменоломен.

«Я просил Высокоржденного, чтобы привезли мне саркофаг из песчаника из Рау. Высокорженный приказал «хранителю печати бога» с отрядом находящихся под его надзором корабельщиков переправиться через реку, чтобы привезти мне этот саркофаг на большом столичном корабле, перевозящем грузы; привез он саркофаг с крышкой, ложной дверью, камнем для двери, двумя дверными косяками и камнем для пола».

Этим бахвалится Уни, один из сановников фараонов VI династии, в высеченной на камне надгробной надписи. Правда, в его время по-

добное еще могло быть знаком особой милости, он сам говорит об этом: «Никогда не делали подобного ни для одного слуги». Но позднее число таких случаев умножилось.

Похваляется Уни и тем, как он правил подопечной ему территорией в южной части страны:

«Дважды обложил я налогом все, что подлежало обложению в Верхнем Египте для царского города. Дважды заставил я выполнить в Верхнем Египте все те повинности, которые надо было нести для царского города. Образцово выполнял я обязанности главного слуги в Верхнем Египте».

То есть, он образцово грабил народ, к большому удовлетворению фараона. «Все делал я так, чтобы удостоиться похвалы Высокороденного».

Как же было фараону не хвалить Уни, когда прочие высокопоставленные сановники клали награбленное в свой карман.

Нелегкой была судьба и жителей поместий и деревень, освобожденных от податей: то, что не отобрал у них царь, отбирал собственный господин. Или отбирал номарх (правитель области — нома), не признававший данные фараоном льготы и на подвластной ему территории собиравший подати и направлявший на работы людей простого звания так, как ему было угодно.

Единое египетское государство начинало разлагаться. Правление номами во многих местах уже переходило по наследству от отца к сыну. К неограниченной власти на своем участке все более стремились и менее важные государственные служащие.

Но при дворе царя этого разлагающегося государства жизнь еще текла весело. В белых стенах столицы жили лучшие ремесленники страны, они снабжали фараона и его приближенных всем, чем надб, за исключением лишь тех предметов роскоши, которые можно было достать только в чужих землях. Ну а эти предметы привозили приходящие с востока — из Азии — сухопутные караваны и рассекающие пенящиеся волны Средиземного моря купеческие корабли.

Фараон Меренра (около 2300 г. до н. э.), торжественное имя которого было Неферикар и сановником которого был уже упоминавшийся Уни, трижды посылал другого своего вельможу, Хуфхора, в Ям, южную страну, расстилающуюся поблизости от третьего и четвертого нильских водопадов. «За семь месяцев проделал

Придворный карлик Сенеб с женой и детьми. Последнее века V династии.

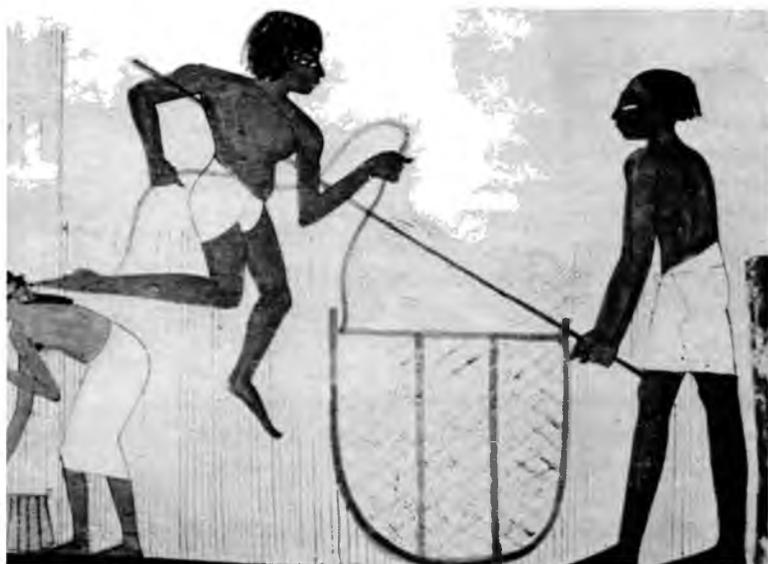
я этот путь и привез оттуда редкой красоты подарки. Получил я за это много похвал», — читаем мы в надгробной надписи Хуфхора о первом его путешествии. О втором: «Повез я с собой подарки... в большом количестве, подобных им еще не привозили в эту страну». Говоря о третьем путешествии, он уже перечисляет, с чем он вернулся домой: «Я спустился с 300 ослами, нагруженными благовонными курениями, эбеновым деревом, маслом для умасливания тела, редкими растениями, шкурами барсов, слоновой костью и всевозможным другим добром».

Ступив на родную землю, Хуфхор написал фараону письмо, в котором сообщил, что кроме всего прочего ему удалось достать карлика, который умеет и танцевать. Фараон был вне себя от радости! Карлик! Божественный танцовщик! Как давно он мечтал об этом! И он поспешно ответил: «Сейчас же спускайся вниз на корабле к моему двору и пошли о себе весть. Привези с собой карлика, которого ты привез сюда, живым, в целости и сохранности, с земли

Египетский крестьянин, пашущий на коровах. Когда спадали воды Нила и земля на его берегах начинала подсыхать, наступало время пахоты и сева.

При жатве растения срезали не косой у корня, а серпом у верхней трети стебля и сносили на гумно.

духов, для танцев богам, на радость сердцу и для развлечения владыки Нижнего и Верхнего Египта Неферикара, да живет он вечно. Когда он поедет с тобой на корабле, поставь именитых людей, чтобы они всегда были позади него, по обеим сторонам корабля. Следи, чтобы он не упал в воду! Когда он ночью заснет, вы-

ставь лучших людей, чтобы они спали рядом, в корабельной камере. Проверь по десять раз в ночь. Мы желаем видеть этого карлика больше, чем дары рудников из страны Пунт. Когда придешь ко двору и карлик на самом деле будет с тобой, живой, в целости и сохранности, мы сделаем для тебя больше, чем сделали раньше для казначея Баурдеда во времена фараона Исеси...»

Вот какие карликовые заботы и карликовые радости были у царя начинающей распадаться страны! А ведь земля под тронем уже колыхалась, еще одно-два поколения, и власть белостенной столицы рухнула, Египет погрузился в полуторавековую смуту.

Последнего фараона VI династии убили заговорщики. Вместо него они посадили на трон его сестру, которая, как говорят, построила большой подземный зал и пригласила туда заговорщиков отпраздновать победу. Пир еще был в разгаре, когда по подземному каналу хлынули в зал воды Нила: все заговорщики погибли.

Но, как видно, заговорщиков от этого не стало меньше, потому что время правления царей VII династии измерялось только днями, так быстро следовали один за другим дворцовые перевороты. По одному источнику, пять фараонов этой династии правили, в общей сложности, всего семьдесят пять дней, по другому источнику, семьдесят фараонов — семьдесят дней.

Но происходили в это время не только дворцовые перевороты. «Да, знатные люди стесняются. — читаем мы на папирусе, на котором сохранились для потомков „Речения“ одного из вельмож, Ипусера. — Бедняки ликуют. В каждом городе говорят: „Давайте устроим сильных из среды нашей“ Да, люди подобны черным ибисам. Много в стране грязи. Нет никого, кто сохранил бы в такое время свои одежды белыми. Да, страна переворачивается, как гончарный круг...»

Да, стар и млад говорят: „Я хотел бы умереть“. Дети говорят: „Лучше бы нам не родиться!“

Да, новорожденных детей вельмож бросают головой об стены. Еще не умеющих ходить детей оставляют в пустыне.»

Однако распад царства приносил ущерб и простым людям: им приходилось жить в страхе перед безнаказанно вторгавшимися в страну чужеземными захватчиками, перед стареющими

мися перешеголять друг друга местными правителями, перед личным войском номархов. Гончарный круг повернулся и в этом смысле. Уни еще разрушал укрепления бедуинов, поджигал их дома, вырубал фиговые пальмы и виноградники. А теперь бедуины, ливийцы, нубийцы точно так же опустошали Египет. Уни еще требовал от находящегося под его началом царского войска высокой дисциплины: «... чтобы никто из солдат не смел наносить ущерб своему соотечественнику; чтобы никто из них не смел грабить путников, отбирать у них хлеб, сандалии; чтобы никто из солдат не смел ни в одном городе забрать даже набедренной повязки, отобрать даже козы». А теперь редко встречалось в стране место, где бы правитель сильной рукой мог установить хотя бы сносный порядок и не нужно было бы всем бояться всех.

Прошло почти восемьсот лет с тех пор, как первые фараоны объединили Египет. А теперь дела обстояли так, будто страна вновь оказалась в том же положении, что тысячу лет назад.

Прорывались плотины, ил заносил каналы.

И тут, и там свободно бушевала вода, разрастались болота.

Однажды в Верхнем Египте наступил такой голод, что люди поедали собственных детей.

Но окончательный приговор стране все-таки еще не был произнесен. Древнее царство действительно распалось. Но по прошествии полновозмута переходного периода на развалинах его возникло новое царство Среднее, которое управлялось из новой столицы, верхнеегипетского города Васет, позднее названного греками Фивы.

ДИВНЫЕ ДЕЛА СТРАНЫ КЕМЕ

Слово *Кеме*, как мы уже знаем, означало *Черная*, так называли египтяне свою страну. (А еще и так: Две Земли, Две Страны, Обе Страны, Берега Гора...) Пустыню называли *красной землей*, море — *великим зеленым*.

Много всего называли они таким странным образом. *Человек* на их языке означал: египтянин. *Лук*: варвары. Были северные и южные луки, а окружающие их народы египтяне называли *девятью луками*. *Страна Бога* — восток. *Слова Бога* — письмо.

Царские служащие назывались *друзьями* фараона. Главные сановники — *единственными*

Молотьба: волы топтали колосья, чтобы выбить из них зерно.

друзьями. О том, кто оказался неверен фараону, говорилось, что он *покинул воды высокорожденного*. Тот же, кто подчинился фараону, *лег перед ним на живот*. Сановники, заключающие друг с другом союз: *объединившиеся в одной воде*.

Жители Кеме верили в то, что человек мыслит сердцем. Слова *у него нет сердца* означали — глупый, *есть сердце* — умный. Разгневанный человек: *стал таким, как верхнеегипетский леопард, когда злится*. Мертвых называли *праведноголосыми*. Слово, обозначающее подземный мир, первоначально значило: *звездное небо*. Египтяне считали, что звезды — это души умерших. *Не гнущимися* называли такие звезды, которые видны на небе круглый год, т. е. расположенные на небесных полях вокруг Полярной звезды.

Звездочетов называли *зрячими*. Величайшим из *зрячих* называли верховного жреца в городе бога Солнца, Юну, по-гречески — Гелиополе.

Железо называли *небесным металлом*, вероятно потому, что еще долгое время египтянам было известно только метеоритное железо. Серебро у них ценилось дороже золота, так как серебряных копеек не было даже в самых отдаленных частях Египта, царскую сокровищницу называли *серебряным домом*. Оба эти благородных металла часто сплавляли, сплав этот называли *белым золотом*.

Знатные люди не ели, а *целовали* пищу. Они назывались *большими*, а простые люди — *малыми*. Этих последних называли еще *хуру*, т. е. *несчастные, слабые*.

Большинство населения занималось земледелием. Когда Нил разливался, то говорили, что *пашня спряталась*. Когда вода сходила, то *пашня показывалась*. Тогда принимались за работу.

Египтяне делили год не на четыре времени года, по три месяца каждое, как мы, а на три — по четыре месяца каждое, и называли их: разлив, прорастание, зной. Разлив Нила у столицы всегда начинался тогда, когда в ясные июльские ночи на краю неба вновь появлялась звезда Сопдет, которой перед этим не было видно целых два месяца, — самая яркая неподвижная звезда северного небосклона, мы называем ее Сириусом.

Обелиск с высеченными на нем иероглифами.

Египетский год, как и наш, насчитывал двенадцать месяцев, но каждый месяц состоял только из 30 дней, а после двенадцатого месяца к году добавляли еще пять дней, чтобы вышло 365 дней. Но високосного года у них не было, поэтому каждые четыре года новый год начинался на день раньше. А поскольку Земля оборачивается вокруг Солнца почти точно за 365 и *одну четверть* дня, за сто лет отклонение составило 25, за тысячу лет — 250 дней. Но одновременно измеряли время и действительным годом и действительными временами года, к которым приурочивались сельскохозяйственные работы. Ученые жрецы и писцы, правда, не сразу, но позднее уже без труда согласовывали оба способа летосчисления.

Семидневной недели египтяне не знали. Они делили месяцы на три декады. Сутки у них состояли из 24 часов, но день и ночь они по отдельности делили на 12 часов. Когда дни становились длиннее, длиннее были и дневные часы, ночные же короче и наоборот.

Каждый день на рассвете лучи поднимающегося солнца первыми освещали верхушки обелисков, установленных в честь бога солнца. Эти верхушки носили специальное название: *бенбенет*, что можно перевести, примерно, как «сияя сверкает». В городе бога солнца — Юну — бенбенеты были покрыты чистым золотом, чтобы сверкали еще ослепительнее.

Обелиски, эти стройные, высокие, заканчивавшиеся острой верхушкой столбы, высекали из одной глыбы в форме сужающегося кверху четырехгранника. На специальных санях, катившихся по песку, их перевозили на место установки и там, через нарочно для этой цели нагнанный песчаный холм опрокидывали подножием вперед, чтобы легче было бы их поставить на заранее подготовленный каменный фундамент.

При этой работе была необходима такая же абсолютная точность, как и при строительстве пирамид. Этой точности египтяне могли достигнуть, лишь зная некоторые основные законы геометрии.

Домом жизни называлась египетская, скажем так, высшая школа, где обучали тогдашним главным наукам — астрономии, математике, врачеванию, а также развивали их дальше. Но столь же усердно занимались здесь предсказанием, волшебством, заклинанием, потому что, по тогдашним поверьям, все это тоже относилось к полезным знаниям.

Из года в год разлив Нила смывал межи между землями, и границы приходилось обозначать заново. Для справедливого обложения податями надо было уметь вычислять площадь различных по форме земельных участков. Надо было также решать вопросы, связанные с вычислением объема, чтобы определять вместимость зернохранилищ или количество камня для планируемых — больших или малых — построек. И так далее. Повседневная жизнь требовала, чтобы люди, призванные для решения тысяч различных заданий, были в них сведущи.

«Способ вычисления площади круглого участка земли, имеющего в диаметре 9 хетов, — читаем мы, например, на одном папирусе. — Какова площадь этого участка?»

Ответ: «Надо отнять от него одну девятую часть. Получится 8. Умножь 8 на 8, получишь 64. Площадь участка: 64 единицы».

Сегодня мы делаем это проще. Радиус круга, т. е. половину диаметра, возводим в квадрат и умножаем на $3,14$ ($t = \pi r^2$).

Кто угодно может проверить, результат: 63,585. Разница с полученным в египетском решении ответом совсем незначительна.

Предложенное на папирусе решение мы можем выразить алгебраически: $t = (d - 1/9d)^2$. Если вместо диаметра — d — возьмем два радиуса — $2r$, то формула будет выглядеть так: $t = (2r - 1/9 \cdot r)^2$. Приведем к общему знаменателю:

$$\left(\frac{18}{9}r - \frac{2}{9}r\right)^2 = \left(\frac{16}{9}r\right)^2 = \frac{256}{81}r^2 = 3,16r^2.$$

Египтяне еще не знали десятичных дробей, однако способ вычисления, который они применяли, как видим, очень близок тому, каким вычисляется действительная величина π .

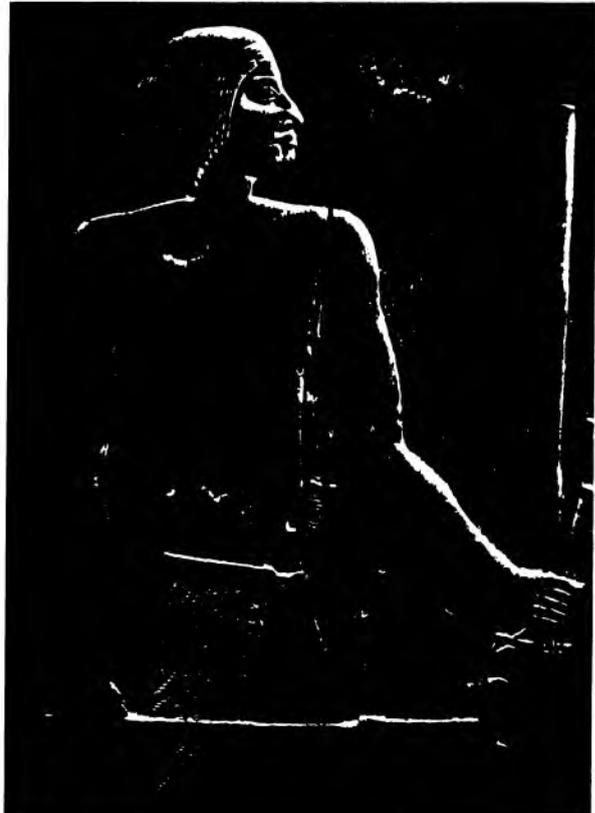
На том же свитке папируса дошло до нас много других школьных примеров, может быть, как раз из *Дома жизни*, в том числе и такие, в которых требовалось вычитать и умножать дроби. Но каждый пример служил какой-нибудь практической цели: разное количество хлебных ковриг надо было разделить между разным числом людей в равной или неравной пропорции; отмерить необходимое для варения пива количество продуктов, чтобы получить заданное количество перебродившей жидкости и чтобы она имела заданную крепость и т. п.

Другой свиток содержит точные указания, как рассчитать объем усеченной пирамиды. Третий перечисляет методы исцеления: начи-

нает с осмотра и лечения ран головы и кончает ранами на ногах. Специально упоминает безнадежные случаи, когда врач не должен браться за исцеление, чтобы больной не умер у него на руках. Дело в том, что за лечение, не увенчавшееся исцелением, с врачами не однажды сурово расправлялись.

Многие ученые папирусные свитки вызывают изумление даже своей длиной: некоторые из них достигали 30—40 метров. Для производства их имелись специальные мастерские, где сердцевину стебля папируса — растения, растущего в болотах дельты, — разрезали на тончайшие полоски, которые тщательно укладывали одну рядом с другой, затем поперек накладывали другой слой полосок и колотили, прессовали их до тех пор, пока папирус не становился похожим на бумагу позднейших времен. Для письма писцы разводили в углублениях палитры — пластинки, вырезанной из шиферного

Портрет сановника Хесира, зодчего и врача фараона Джосера. Хесир изображен писцом. В левой руке вместе с тростью он держит обычные принадлежности писцов.

камня, — специально для этой цели изготовленные в порошке краски — красную и черную, а потом тростниковой палочкой чертили на папирусе причудливо извивающиеся знаки, причем справа налево, т. е. в противоположном нашему письму направлении.

Это и были знаменитые иероглифы? Не совсем так. Знаки иероглифического письма вырезали, главным образом, на камне, и среди этих знаков было столько рисуночных изображений — солнца, звезды, мужчины, женщины, человеческого глаза, рта, дыхательных путей, сердца, ноги, руки, змеи, рыбы, сокола, ибиса, ласточки, утки, льва, жирафа, жука-скарабея, дерева, цветка, бамбукового ростка, лука, лиры, веера, игровой доски, плуга, мотыги, посуды и т. п., — что этот способ письма многие и по сей день считают пиктографией, т. е. рисуночным письмом. Хотя этими знаками часто обозначали или самые разные по смыслу слова, если они звучали одинаково, или — еще чаще —

Повседневные принадлежности писца: пенал для перьев, мешочек с краской и простая палитра с двумя чашками для разведения красок.

звуки и группы звуков в словах. Но самими знаками записывали всегда лишь согласные, а связывающие их промежуточные звуки с самого начала считали второстепенными. Так образовалась, к тому же за поразительно короткий срок, сложная фонетическая, т. е. обозначающая звуки, система письма, двадцать четыре «буквы» которой соответствовали двадцати четырем согласным древнеегипетского языка. Молчаливо присчитывали к ним не обозначенные на письме связывающие их звуки. Но грамотные люди кроме этого употребляли еще сотни других знаков, по таким сложным правилам, что исследователи, которые в прошлом веке пытались разгадать написанные иероглифами тексты, чуть не поседели, пока нашли ключ к разгадке.

И все-таки отсюда ведет свое происхождение позднейший алфавит! Потребовался только другой склад ума другого древнего народа — финикийцев, чтобы слоги, слова, содержащие одинаковые согласные звуки, записывать всегда одними и теми же знаками. Еще и сегодня ведутся споры о происхождении финикийского письма. Не переняли ли они у других семитских народов еще не оформившиеся тогда до конца основные принципы этой более простой системы письма? Нет ли в возникновении используемых ими знаков наряду с несомненно египетскими предпосылками менее очевидного критского влияния? Достоверно лишь то, что выбранные иероглифические знаки финикийцы переняли не в их первоначальном звуковом значении, а исходили из *финикийских слов*, соответствующих рисуночным изображениям, беря за основу начальную согласную. Так они создали свою древнюю азбуку, которая, однако, еще не была подлинным алфавитом, включающим и гласные. А потому финикийцам хватало и двадцати двух «букв», чтобы — гораздо легче любого из современных им народов — изложить письменно все, что они могли передать устно.

Некоторые упрощения, однако, позволяли себе и египтяне, когда, например, свои священные тексты не высекали на камне, а писали тростинкой на папирусе. В таких случаях они не заботились о том, чтобы тщательно вырисовывать знаки, и на первый взгляд такое *иератическое* письмо совершенно не похоже на иероглифическое. На самом деле оно все-таки соответствует ему, только состоит из более легко, небрежно набросанных извилистых и потому

измененных знаков. Меж ними такая же разница, как между нашими печатными и письменными буквами.

Когда писцы записывали тексты различных — религиозных и не религиозных — документов или многочисленные пункты порядка обложения податями и сбора их, они почти всегда пользовались этой скорописью. Ею же начерчивали и то, сколько посевного зерна выдано отдельным крестьянам, сколько льна ткачам, сколько меди кузнецам, сколько инструментов каменотесам, сколько муки хлебопекам и т. д., и от кого сколько получено продуктов, готовых изделий. Точно записывали выделенные работникам пищевые припасы, выданную им одежду. Где бы ни проходила организованная работа, там находилось дело и для писцов. Только они проливали не столько пота, как прочие.

В тексте одного из дошедших до нас папирусов говорится, как отец понуждает сына к учению:

«Душой болей за то, чтобы научиться писать, тогда ты сможешь избежать всякой тяжелой работы и достигнуть важной должности. Писец освобожден от физической работы; он начальник... Не держишь ли ты в своих руках табличку писца? Этим ты отличаешься от того, кто сжимает в руках весло.

Видел я кузнеца, работающего у отверстия горна, пальцы у него в складках-морщинках, как изделия из крокодиловой кожи, а смрад от него хуже, чем от рыбьей икры. Тот, кто держит

Каменная плита с надписями эпохи V династии. Иероглифические знаки хранят важные исторические записи. В наши дни эта плита известна под названием «палермский камень».

Страница книги мертвых с текстом и рисунком. Слева — иератическое письмо, над рисунком — иероглифы. Такие книги мертвых должны были облегчить потустороннюю судьбу усопшего.

Известняковая статуя фараона служащего в позе писца. Эпоха V династии.

в руках резец, страдает больше, чем те, кто копают землю: его земля — дерево, резец — его лопата. Ты думаешь, он свободен ночью? Он все работает и работает сверх дневного урока; при свете факела бодрствует он ночью.

Каменотес находит работу на каждом твердом камне: когда он кончит дело своего мастерства, обвиснут у него руки, сам он ослабеет, колени и хребет одеревенеют от сиденья на корточках с восхода до заката солнца... Судьба ткача в доме хуже судьбы женщины. Под сердце подтягивает он колени, никогда не дышит чистым воздухом. Свет солнца видит он лишь тогда, если подкупит стоящую у дверей стражу.

Вывод: будь, мой сын, писцом, погонщиком других».

Но мы еще не покончили с многочисленными странностями Древнего Египта. Тамашние крестьяне, например, приручили журавлей и откармливали их, как гусей. Держали они и гусей, разводили множество водной птицы, особенно в полудиких частях дельты. Кур же не знали еще долго. Гораздо позднее привезли сюда из Азии эту странную, «родящую каждый день» птицу.

Из четвероногих животных, водившихся в окрестных степях и пустынях, египтяне приручили (помимо давно уже прирученной собаки) не только диких осла, бычка, предка рогатого скота, но и диких овец высоконогой породы, с почти горизонтальными штопоровидными острыми рогами. Эти овцы не давали тонкой шерсти, которую можно было бы прясть, но зато давали молоко и мясо. Позже их сменили руноносные овцы, введенные также из Азии.

Одно время египтяне разводили антилоп, газелей, даже гиен. С дрессированными гиенами они охотились, а предназначенных на еду перед убоем для упитанности откармливали мясом. Жаркое из гиены считалось лакомством и полагалось к столу вельмож, рыба же была пищей презираемой, смрадной едой бедняков.

В эпоху Среднего царства египтяне приручили и кошку, а потом чтили ее, как священное животное. С лошадью познакомились они лишь в период падения Среднего царства: на конских повозках ворвались в страну неожиданно заполонившие ее пастушеские азиатские племена. У них переняли египтяне науку разведения и содержания этого ценного животного.

Гораздо позднее — во время персидского владычества — начали египтяне разводить верблюдов, ставших в современном Египте одним из самых распространенных домашних животных. До того для перевозки грузов довольствовались ослом, животным выносливым и нетребовательным, хотя по свидетельству многих сцен, запечатленных на рельефах и росписях в гробницах, осел уже и тогда был столь же упрям, как и сегодня. Гужевым скотом служили, главным образом, коровы, хотя при более тяжелых работах, например, при перевозках камней, часто запрягали в ярмо и быков.

Естественно, лишь обыкновенных быков. Потому что у египтян имелись и священные быки, которым можно было только поклоняться, особенно почитался самый главный черный бык с белым пятном на лбу, Хапи (по-гречески — Апис). Его содержали в Менфере, в специальном храме, и верили, что в его облике воплощен оплодотворяющий пахотные земли Нил. Но поскольку жизнь даже самого священного быка однажды кончается, испустил дух и первый Хапи, и тогда по всей стране стали искать достойного его преемника, такого же темного цвета, с белым треугольником на лбу, с черными-пречерными пятнами в форме коршуна на спине и по бокам; причем он должен был про-

Два гуся из миллиона птиц, живших в болотистой части дельты Нила. Роспись на стене гробницы в Мелуме. Эпоха IV династии.

исходить от коровы, после его рождения уже не телившейся. Искали «живое повторение» Хапи. То обстоятельство, что Хапи происходит от обыкновенного быка, египтяне считали только видимостью, на самом деле, полагали они, его зачал и породил луч небесного света. В каком бы ветхом хлеву его ни находили, он становился живым богом-быком. Ликуя, вели его на причитающееся ему по праву место жительства, в многоколонную святыню в Менфере. По праздникам его показывали собравшимся во дворе святыни толпам, чтобы старики и молодежь, женщины и мужчины могли ему поклоняться. С громкими криками «Хапи! Хапи!» они в благоговении склонялись до земли и целовали выложенное гладкими плитами подворье.

Поклонялись и почившим Хапи: их не просто закапывали в землю, а бальзамировали и хоронили на особом кладбище.

Были у египтян и священные коровы: Хатор, богиню любви и плодородия, почитали в образе коровы. Бог письма и наук Джехути (Тот) принимал обличье то павиана, то ибиса. Верховного бога Южного Египта, творца-созидателя Хнума, бывшего также и повелителем водопадов, египтяне представляли в образе барана. Спутника и бальзамировщика мертвых, Инпу (по-гречески его имя Анубис), представляли в виде шакала, бога Птаха — в образе человека, а Осириса — в виде ожившей мумии.

Человеческое лицо и львиное тело имел загадочно улыбающийся Сфинкс, божественный символ достоинства фараона. Его гигантское, высеченное из единой глыбы изображение и сегодня еще лежит около пирамид в Гизе. Когда здесь добывали камень для постройки пирамид, между двумя разработками осталась скала таких размеров, что из нее получилась скульптура длиной в 57 и высотой в 20 метров.

Сфинкс в Гизе — одна из достопримечательностей Древнего Египта.

Он изображен с платком на голове, хотя людей простого звания обычно изображали с не-

Изображение прирученных журавлей в жертвенной камере гробницы эпохи V династии.

Главным перевозчиком тяжестей у древних египтян был осел. Известняковый рельеф эпохи V династии.

Сфинкс возле пирамиды Хефрена в Гизе.

Бронзовая статуя быка Хапи из собрания будапештского Музея изобразительных искусств (Поздний период).

покрытой головой, людей знатных — в париках. Знать, причем не только мужчины, но и женщины, острым кремнёвым ножом обривала голову наголо. Бороды же брили в большинстве своем даже деревенские бедняки, и если мы видим на каком-нибудь изображении мужчину с окладистой бородой, то это, конечно, может быть египтянин, но всего вероятнее — чужеземец. На изображениях египетских вельмож, в первую очередь фараонов, часто видна треугольная, козлиная бородка, но ее подвязывали для украшения.

Широко было принято подкрашивать глаза, втирая в кожу вокруг них зеленый порошок из размолотого малахита. Но употребляли и черную краску. Малахит защищал глаза от и сейчас еще частых в Египте заразных глазных болезней, но египтяне, конечно, приписывали это не окиси меди, содержащейся в малахите, а чудодейственной мощи камня.

Драгоценные камни, амулеты египтяне носили также для защиты от насылающих порчу сил. Ведь они верили в то, что мир населен добрыми и злыми духами, среди которых нерешительно жался, топтался, спотыкался всю свою земную жизнь человек.

ОТ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ДО НОВОГО ЦАРСТВА

В наиболее тяжелое время, что наступает перед разливом Нила, нагрузил один крестьянин своих ослов деревом, каменной солью, содой, известняком, специями и целебными травами, голубями и прочими птицами, мехом барса и волчьими шкурами и отправился из Соляного оазиса в Египет, чтобы в долине Нила все это выменять на зерно. Жене и детям на пропитание оставил он только две корзины ячменя; из того немногого, что сверх этого было, напекли ему хлеба, наварили пива на дальнюю дорогу. Дорога эта была неизбежной и отправляться нужно было как можно скорее, чтобы не погибнуть с голоду вместе с семьей.

Только вот в пути он задержался, к тому же не по своей воле, а из-за самодурства мелкого местного богача, Джехути-Нехета, которому

захотелось заполучить ослов этого крестьянина, и он постелил перед ним на дороге полотнище. Джахути-Нехет знал, что путник попал теперь в ловушку: не может свернуть с дороги ни направо, ни налево, потому что с одной стороны находилась его ячменное поле, а с другой — оросительная канава. Когда путник приблизился к полотнищу, Джахути-Нехет закричал на него: «Не трогайся с места, земледelec! Ты что, хочешь наступить на мою одежду?» А когда тот, за неимением выхода, пошел было по ячменю, закричал снова: «Земледelec, мой ячмень — это для тебя дорога?»

Пока они спорили, один из ослов начал есть ячмень. Только этого и нужно было Джахути-Нехету! Схватил он осла, протестующего крестьянина высек тамарисковым прутом, забрал у него и остальных ослов и не отдал обратно, хотя крестьянин десять дней просил и молил его.

Произошло это в полные смуты времена, наступившие вслед за падением Древнего царства. Что было крестьянину делать? Пошел он жаловаться правителю области. «Великий правитель дома, — приблизился крестьянин к вельможе. — Великий среди великих! Господин всего, что есть и чего нет!»

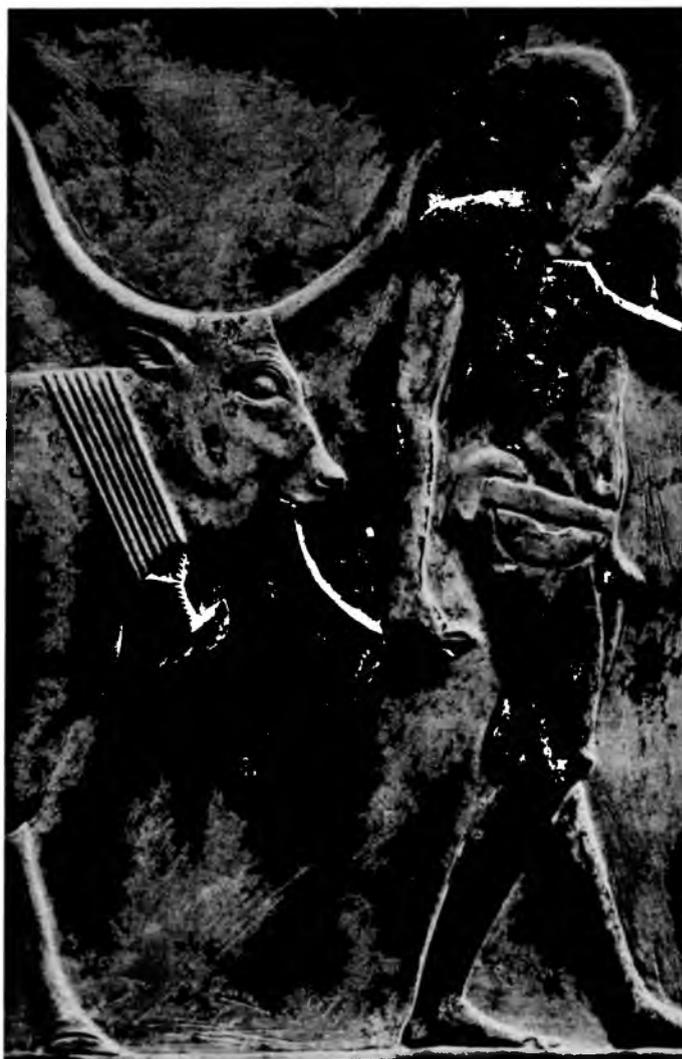
Рассказывал он, рассказывал о причиненной ему обиде, девять раз ходил он к правителю добиваться правосудия, но все казалось ему, что напрасно. На самом же деле правитель уже с самого начала склонялся на его сторону и втайне позаботился о том, чтобы снабдили крестьянина продовольствием, более того, приказал начальнику крепости в Соляном оазисе помочь семье крестьянина. Но только и дальше позволял крестьянину звать о помощи, чтобы послушать его красочные речи и, записав их на папирусе, доставить удовольствие фараону.

Не сердило его и то, что смертельно расстроенный крестьянин (в голове которого, как видно, мелькнула мысль и о том, что Джахути-Нехет грабит путников не на свой страх и риск, а в интересах правителя) говорил ему и такие слова: «Господин, жаждущий даров, первый среди тех, кому место в тюрьме, образец для грабителей, обирающих нуждающихся, способный обокрасть и разбойника! Известное дело: ты человек ученый, мастер своего дела, во всем ты совершенен, но ведь не для того, чтобы грабить!.. Для всех ты мерило правды, ты — обманщик всей страны, садовник подлости.

поливающий свой сад злодеяниями... Вот, стою я здесь, молю тебя, а ты и не слушаешь!»

Эта история, дошедшая до нас даже на двух свитках папируса, в записи кончается тем, что крестьянин получил обратно не только отобрабанных у него ослов, но и все имущество Джахути-Нехета и даже его самого в качестве слуги. Но так ли произошло на самом деле? Пока продолжался внутренний распад страны, наверняка редки были случаи, когда грабитель был наказан, а награжден бедный крестьянин. И редко встречался такой правитель, который не грабил и обирал, а шел дорогой справедливости.

На рельефах гробниц правдиво изображалась повседневная жизнь простых людей. На данном рельефе, например, изображен пастух с парализованной в колене ногой, ведущий быка.

Страна все-таки выбралась из хаоса. В период правления XI династии весь Египет опять целиком оказался под властью одного фараона, и так возникло единое Среднее царство.

И вновь возвысились фараоны до «великих богов»?

Титул «божественный» принадлежал им и дальше. Как и прежде, были они Перворожденными Золотыми Горами. На веки веков живущими, но власть их уже не могла сравниться с властью их предшественников, строителей гигантских пирамид. Даже самых сильных, самых жестоких из них.

В эпоху расцвета Древнего царства казалось, что постепенно удастся весь народ в стране заставить работать на фараона и вельмож, загнать в такие «хозяйства», где кроме пахарей, садовников, виноградарей, пастухов, рыбаков и охотников находилось достаточное число производящих все нужное ремесленников. В больших хозяйствах имелись горшечники, плотники, кузнецы, дубильщики, ткачи, плетенщики цыновок, хлебопеки, пивовары, повара, прачечники, а также изготовители шлифованных каменных орудий с острыми кремневыми наконечниками и лезвиями (хотя почти каждый порядочный египтянин был сведущ в этом древнем мастерстве).

Так вот казалось, что сельские жители вынуждены будут постепенно привыкнуть, приучиться к этому направляемому писцами порядку, где заботились, правда, и о них, но лишь как о слу-

гах, челяди, как об участниках никогда не прекращающихся работ. Для этих хозяйств примером словно бы служило строительство пирамид, на котором хорошо снабженная армия работников трудилась в отрядах по пять, пятьдесят и пятьсот человек. В больших или меньших «хозяйствах» распределяли людей по таким же строго организованным отрядам, в которых так же строго распределяли между ними работу.

Так длилось некоторое время, пока не пошатнулся в стране порядок и не началось неповиновение, ну и пока склады были в достаточной мере заполнены, чтобы каждый в срок получал свою долю продовольствия и одежды. Но когда раздача все чаще запаздывала, голодных, оборванных работников уже и хлопанье бича не могло заставить трудиться с необходимым усердием.

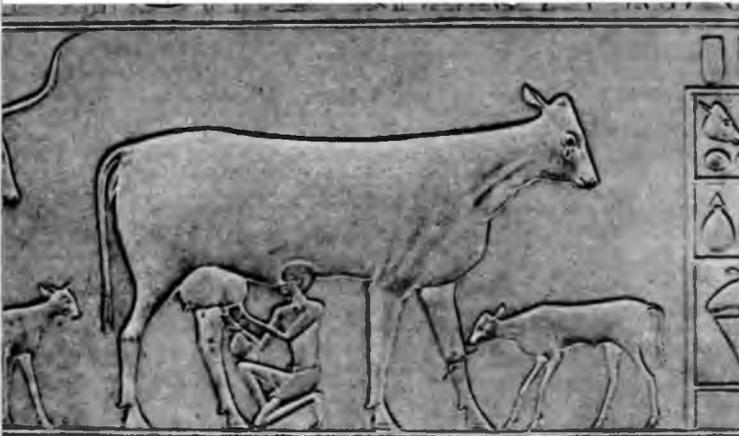
Нам известно, например, письмо военного начальника из эпохи VI династии. Он руководил отрядом каменотесов в той каменоломне, где изготовляли и шлифованные известняковые плиты для облицовки пирамид. Работники его, не получив одежды, отправились в столицу, в Менфер. Но и тогда прошла целая неделя, прежде чем им удалось добиться причитающейся им казенной одежды и справедливого ее раздела. Работа тем временем, конечно, стояла.

Такие помехи случались все чаще и чаще, а к тому времени, когда пало Древнее царство, распалось и большинство «хозяйств». Земледельцы стали сами себе хозяевами; ремесленники, кто только мог, заводили собственные мастерские. Но и это не приносило им особого счастья или достатка, потому что число насильников и обирал не уменьшалось.

Поскольку мелких производителей стало больше, в более мирные периоды рынки заполнялись шумной толпой. Не только крестьянин из Соляного оазиса нес на рынок свое добро, но и многие другие. Так как денег еще не было, торговля была меновой. Тот, кто хотел получить за свое зерно сандалии, должен был отыскать продавца, торговавшего сандалиями и нуждавшегося в зерне.

Зерно, наряду с золотом и серебром, служило главной валютой. Богачи, вельможи заполняли доверху огромные закрома, зернохранилища, чтобы в голодные годы продавать зерно нуждающимся по грабительским ценам или давать в долг под ростовщические проценты. А голод-

Доение коровы. Рельеф на саркофаге царицы Кавит. На другом изображении усопшая, но продолжающая жить Кавит уже пьет выдоенное для нее молоко. Эпоха XI династии, переход к Среднему царству.

ные годы — с тех пор как вследствие порчи оросительных сооружений много пахотной земли стало бесплодной: одни участки высохли, другие заросли тростником — повторялись все чаще.

Хватало забот и ремесленникам. Вот одна из дошедших до нас жалоб: «Для ремесленных работ не достает самых разных материалов, нет работников; враг разграбил мастерские».

Было самое время усилить централизованную власть. И один из верховных сановников XII династии, Амени, так прославлял себя в надписи, высеченной на стене его скальной гробницы (1900-е годы до н. э.): «Многие годы был я правителем области Газелла. Я обеспечил все надлежащие царскому дому подати... Я внес все причитающиеся царскому дому налоги, ни одному ведомству не остался должен. И со все возрастающим усердием служила мне область Газелла».

Я не насиловал девиц; не обижал вдов; не сгонял крестьян с земли; не прогонял, не выслушав, пастухов; не забирал у начальников пятерок людей из-за неуплаты подати. В моей области не было нуждающихся; в мое время не было голодающих. Когда наступили неурожайные годы, я заставил вспахать все земли области Газелла до границ ее на севере и юге. Население выжило; люди были снабжены продовольствием, не было там голодающих. Вдовы получали так же, как замужние женщины. Раздавая, я не делал разницы между большими и малыми».

Царские налоги, конечно, давили на народ. Но все же лучше было жить под властью таких правителей, которые охраняли порядок и не давали народу умирать с голоду.

Египет уже был густо населенной страной; из стран того времени здесь жило больше всего людей, миллионы черноволосых, смуглых, стройных и мускулистых мужчин, женщин, детей. Так что если смерть принималась здесь за жатву, она снимала обильный урожай. Но пока что она не очень забиралась в гущу народа. Люди умирали в небольшом числе, как обычно. Жили, работали, тоже как обычно.

На заре своего существования Египет, подобно Шумеру, был землей чудес: одно изобретение следовало за другим, от календаря, насчитывавшего 365 дней, до иероглифов и важных геометрических законов; от большой грузоподъемности кораблей из папируса до нилометра, при помощи которого точно определяли уровень воды в Ниле и предсказывали ожидае-

Как живой, предстает перед нами древний плотник, раскалывающий доску.

мый урожай; от саней, употребляемых строителями пирамид для перевозки камней, до окон, дверей и до сводчатых перекрытий. Но позднее различные нововведения встречались все реже. Люди жили и трудились, как их отцы, деды, прадеды, прапрадеды, праотцы, и в ходе столетий почти не меняли привычных способов повседневной работы. Мало кто сменил отшлифованные кремнёвые орудия на медные и бронзовые; правда, кремнь было легко найти в каменоломнях на высоком берегу Нила, а за медью и оловом надо было идти гораздо дальше, и добыча их была гораздо труднее.

Только в самом конце существования Древнего царства распространился в Египте гончарный круг, который уже давным-давно ис-

пользовали в Передней Азии. И только после падения Древнего царства начали догадываться египтяне, что изогнутый лемех легче прямого входит в землю, а зернотерку легче вертеть стоя, чем сидя на корточках: не требуется для этого ничего другого, как наклонный лоток, и тогда мука аккуратно ссыплется в подставленный под него сосуд.

Но ткачи все еще сидели, согнувшись в три погибели, подтянув под себя ноги, перед низкими, горизонтальными ткацкими станками; кузнецы, пока хватало у них дыхания, раздували огонь в горне ртом через простую трубку, вместо того, чтобы раздувать его мехами; крестьяне не знали применявшихся уже в других землях водоподъемных сооружений... Много лишнего пота было пролито на земле Египта, отчизны традиций, где полагалось во всем чтить, ценить древнее, старомодное.

Ведь свет и так полон неустойчивости! Пошатывался временами даже трон фараона. Власть имущие пытались будущее посредством прорицателей и видели людей «насквозь» с помощью доносчиков.

Как велик был царивший в душах людей страх, показывает история Синухета. Этот сановник сопровождал в военном походе в Ливию старшего сына фараона, Сенусерта. Возвращаясь, они получили известие, что божественный фараон вознесся в небо (попросту говоря, умер). Сенусерт, оставив войско, поспешил в столицу. Синухет же испугался: а вдруг в отсутствие наследника трона в столице разразился мятеж? А вдруг позарятся на его жизнь? И он предпочел опасности, связанные с бегством: прятался в зарослях, пробирался по канавам, спал на межах, пугался при виде каждого мужчины, потом все-таки попросился на везущий грузы корабль, добрался до восточного рукава дельты, оттуда пешком пошел дальше, днем сидел в кустах, ночью продолжал свой путь, пока наконец не пробрался через восточные оборонительные рубежи царства. Томясь от жажды в пустыне у Горьких озер, вода которых непригодна для питья, он встретился с кочевниками, пасшими свои стада. Они могли бы его убить, продать в рабство, но вождь племени, который побывал в Египте, узнал знатного беглеца, дал ему воды, подогрел молока, а потом помог ему попасть в Финикию и Сирию. И там Синухет узнал: Сенусерт вступил на трон, незачем ему было убегать. Но вернуться обратно он уже не мог: имя его стало синонимом предатель-

Бог Птах обнимает фараона XII династии Сенусерта I. Эта династия привела Среднее царство к расцвету. С именем Сенусерта связан и шедевр древнеегипетской литературы — «Повесть Синухета»: история сановника, в страхе за свою жизнь бежавшего из становища фараона, скитавшегося по разным странам, но на склоне жизни вернувшегося в Египет.

ства. Спустя десятилетия, когда Синухет был уже глубоким стариком, в знак милости позволили ему провести последние годы жизни на родине и оттуда сойти в Город Вечности, где жаждал он покоиться.

Долина Нила была гораздо более закрытым и легче обороняемым местом, чем Междуречье, т. е. Месопотамия. Египтяне стремились отгородиться от стран «девяти луков» и придирчиво проверяли, кого они впускают на территорию царства. Но в то же время они нуждались во многих товарах, которые могли получить только из-за границы. Из лежащих на юг от Египта африканских стран — сначала главным образом путем грабительских набегов, позже путем поборов — добывали они золото, полудрагоценные камни, слоновую кость, благородные

породы деревьев. С расположенными на островах Средиземного моря странами и Азией преимущественно торговали, хотя, когда удавалось, облагали данью живущие там народы, особенно палестинские и сирийские города и царства, до которых было легко дойти сухопутному войску. Так египетские воины, послы, служащие, писцы, купцы, мореходцы иногда попадали в другие страны. Мелко сидящие, с низкими носами египетские корабли заходили в финикийский город Гублу (по-гречески — Библ) еще до правления Мены, первого фараона I династии. Потом они бывали здесь все чаще и чаще, так как строительство в Менфере и других местах, а также рост числа судостроительных мастерских требовали все больше и больше ливанского кедра. Тем временем наряду с изготовлением древних папирусных судов египтяне научились строительству деревянных кораблей с бортами. Сначала они не осмеливались строить суда длиннее 20—30 метров. Позднее уже не были редкостью корабли и пятидесятиметровой

Сначала лошади наводили на египтян только страх, но позднее помогли им завоевать еще большую власть.

длины. Египетские корабельные плотники переняли необходимые приемы мастерства у кораблестроителей Гублы, но и те, в свою очередь, многому научились у жителей Кеме, не в последнюю очередь — письму.

Но такие мирные и взаимно полезные связи не были обычными между Египтом и другими народами. «Я забрал у них женщин, увел их подданных, дошел до колодцев, убил у них быков, срезал ячмень и поджег его», — высечено по приказу Сенусерта III (правил около 1849—1884 гг. до н. э.) на камне на лежащей далеко на юге границе с Нубией, а к этому еще добавлено: «Клянусь жизнью моего отца, я говорю правду, и нет никакой похвальбы в том, что выходит из моих уст!»

С тех пор как Египет вновь сплотился, окружающие его народы упоминали имена фараонов снова со страхом. Так длилось до тех пор, пока с востока, из Азии, на Египет не обрушилась новая опасность. На боевых, запряженных лошадьми колесницах ворвалось в страну войско гиксосов, и в один приступ свалили они пешего великана из долины Нила.

Так пало Среднее царство (около 1700 года до н. э.).

Вначале завоеватели только разрушали, жгли, грабили дворцы, святыни, храмы, гробницы, убивали мужчин, уводили в рабство женщин и детей, угоняли скот, т. е. делали то же самое, что в большинстве случаев и египетские войска, когда они вторгались в чужие страны. Но научились гиксосы и править: из них вышли фараоны XV и, вероятно, XVI династий. Теперь им служили чиновники, писцы, надсмотрщики, сборщики податей, палачи. Гиксосы, несмотря на то, что были они варварами, как видно, покровительствовали ученым; один из пространных папирусных свитков со сведениями по математике был написан как раз в период владычества гиксосов.

Чужеземное господство длилось почти сто пятьдесят лет. Наконец, на юге, в окрестностях Фив, где оставалось небольшое египетское царство и где в узкой долине Нила легче было преградить путь гиксосским колесницам, началась борьба против пришельцев. Затем захватчиков удалось изгнать из укреплений в дельте, после чего Египет вступил в эпоху Нового царства.

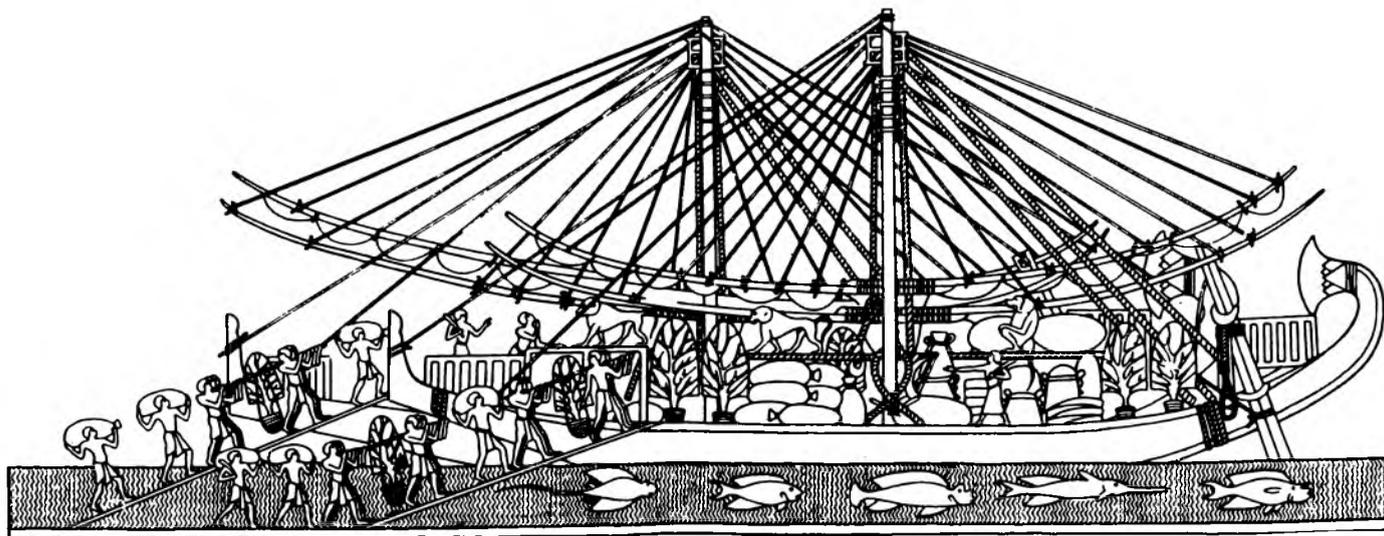
КТО СПАСЕТ ЕГИПЕТ?

После изгнания гиксосов страна в долине Нила на некоторое время стала более сильной, чем когда бы то ни было раньше. Египту не только не надо было ни от кого обороняться, он сам попирал соседние народы, используя уже не одно лишь пешее войско, но и воинов на колесницах. Небольших по размеру лошадей, унаследованных от гиксосов и полученных путем разведения, сначала использовали только в военных целях, причем весьма успешно. Но и пешее войско было оснащено значительно лучше прежнего: лучники были вооружены составными луками, бьющими гораздо дальше, и стрелами с бронзовыми наконечниками, латники, копейщики вместо кинжала — острым мечом и топориком, чтобы в рукопашной схватке могли они не только колоть, но и бить, и рубить. Строже стала и дисциплина: отряды, если надо, в бой шли строем со знаменами, под звуки труб и барабанную дробь. Воины складывали в свои сумки правые руки погибших противников: этим каждый воин удостоверял, скольких человек он убил, приводили и пленных. За такие заслуги военачальник давал золотые и серебряные награды: кому нагрудную цепь, кому браслет, кому «льва», кому «муху». Самые храбрые получали в награду и землю, сверх той, что полагалась каждому воину, и рабов, чтобы не испытывать недостатка в рабочей силе.

Но содержать такую армию, причем содержать хорошо — было дорогим удовольствием; оплачивалось оно лишь тогда, когда приносило пользу, при частых и победоносных войнах. Но воины не чурались и работы: они возделывали свою землю, а кроме того в мирное время их можно было использовать при вырубке и перевозке камня, на строительстве.

Почти два века большие беды обходили Египет. Владения египетских фараонов простирались далеко на запад и восток, на юг и — через территорию Палестины и Сирии — на север. Включали они в себя десятки народов, было кого обкладывать данью. Хатшепсут, фараон-женщина, осмелилась послать свои галеры к южному берегу Красного моря, в страну Пунт, на теперешний Сомалийский полуостров, откуда они вернулись нагруженные золотом, слоновой костью, барсовыми шкурами, ценной древесиной, благовонными травами и курениями, смолой, маслами для умащивания тела, не говоря уже о рабах, взрослых и детях, об обезьянах и гончих псах. Но участники этой экспедиции все же взяли с собой кое-какие товары — кольца, ожерелья, топоры, кинжалы, чтобы переманить к себе часть жителей, сделать их своими помощниками на неизвестной, таящей опасности земле. В большинстве же случаев участники походов только грабили и опустошали все, что попадалось им по пути. Чаще всего войско отправлялось в поход в период

Парусные корабли царицы Хатшепсут нагружают сокровищами страны Пунт. На основе храмового рельефа.

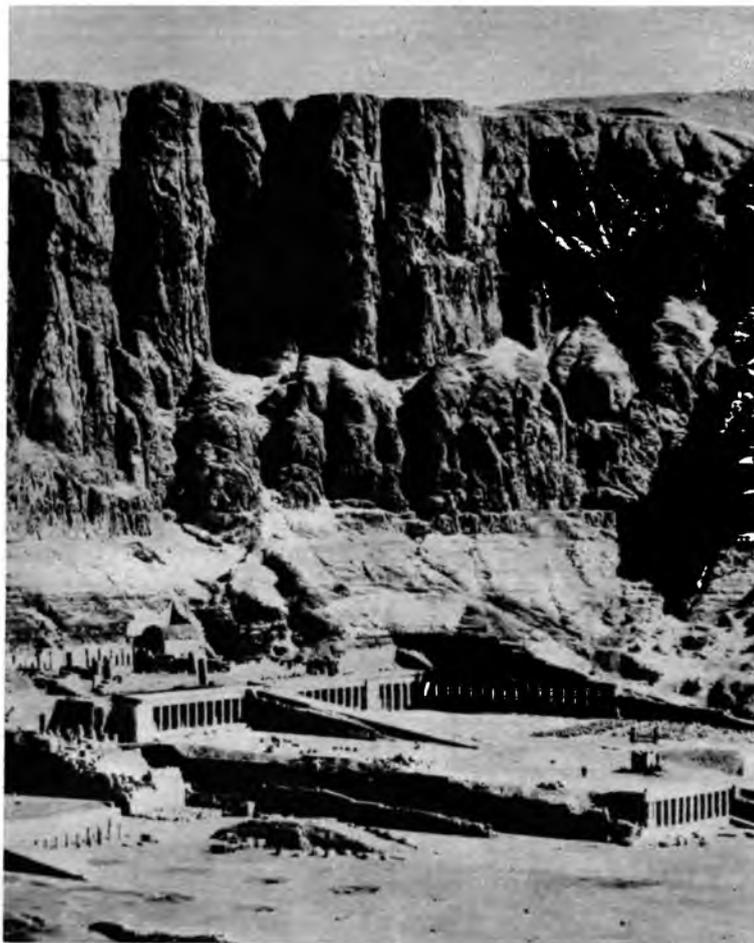

жатвы и молотьбы, чтобы найти на полях созревшее зерно или уже полные гумна, амбары, чтобы не нужно было посылать армии припасы с родины. Остался ли у побежденных хоть кусок хлеба? До этого войску дела не было. Как и до того, чем будут побежденные платить наложенную на них дань.

Самым воинственным фараоном был Джехутимес III, более известный под именем Тутмоса (около 1525—1491 года до н. э.). Он взошел на трон еще ребенком; подросши, в течение двадцати лет возглавил пятнадцать походов вне старых границ Египта. В память о своем первом сирийском походе он высек пространную надпись на стене как раз тогда строившегося храма в Карнаке. Из этой надписи нам известно, что после того, как Джехутимес победил в битве под Мегиддо, в двадцать первый день первого месяца зноя, он заставил сжать все зерно на окрестных полях, и кроме того зерна, которое сжали и обмолотили для самих себя его воины, он получил еще 207 300 мешков. Увел он тысячи рабов, угнал лошадей, коров, коз, овец, забрал с собою брошенные на поле боя боевые колесницы, панцирные доспехи, луки, шесты для шатров, одежду, захватил в качестве добычи золото, серебро, мебель правителя, статуи, посуду, а потом милостиво позволил ближним и дальним владыкам поднести себе дорогие подарки, так как при вести о падении Мегиддо бросились они к Тутмосу с дарами, чтобы откупить свои страны от опустошения. Правитель Ретена послал ему даже свою дочь в сопровождении 30 рабов и рабынь вместе с предметами из золота и лазурита, кроме того, отдельно 65 рабов, 124 лошади, 749 быков, 5703 козы, 823 кувшина благовоний, 1718 кувшинов медового вина, много драгоценной древесины, слоновой кости, золотые и серебряные блюда, золотой топор, выложенный лазуритом, десять украшенных золотом боевых колесниц и прочее.

Все это однако не помешало Джехутимесу при первом же представившемся ему случае ворваться в Сирию, захватить Ретен и опустошить его. После этого Джехутимес дошел до Евфрата и даже перевез туда на запряженных быками повозках целый небольшой флот. Одну часть войска с его помощью переправил на другой берег, а другую спустил вниз по реке и разграбил лежащие на берегах реки города и селения.

Вел он много войн и на юге, раздвинув границы своего царства до четвертого порога Нила.

Построенный террасами храм царицы Хатшепсут. Хорошо видны крутые скалы, вздымающиеся над заливной долиной Нила.

Покоренных правителей Передней Азии он оставлял на тронах, но строго взимал наложенную на каждого из них ежегодную дань. Чтобы правители были более послушны, их сыновей и дочерей он держал в качестве заложников при своем блестящем дворе в Фивах.

Но сын его, Аменхотеп II имел много хлопот с бунтующими азиатами, а они еще больше — с ним. Уже в свой первый поход он увел из государств Передней Азии 100 тысяч пленных, а семерых убитых правителей повесил за ноги на носу своего «соколиного корабля». Одних вельмож он вздернул на зубцах стен своей столицы, других — в знак предупреждения — на стенах Напаты, столицы южной части завоеванной страны, «чтобы во всех странах и в пус-

Остатки храма бога Амона в Карнаке, близ Фив.

тынях нубийской земли на веки вечные запомнили триумф владыки».

В это время посылали дары фараону, чтобы не навлечь на себя его гнев, даже правители Ассирии, Вавилонии, Митанни и Хатти. Повелитель Египта вполне был достоин того, чтобы его называли Могучим Быком, Повелителем Крепкого Царства, Могущественным, Восходящим в чудесном сиянии, Родным Сыном бога солнца Ра, Дающим вечную жизнь.

Славу Нового царства по сей день провозглашают роскошные храмы, дворцы, гробницы, огромные статуи, главным образом, в окрестностях Фив.

Это был второй золотой век Египта; со времени строительства пирамид не создавали жив-

шие там строители, ваятели, резчики, живописцы, каменотесы и косторезы, золотых и серебряных дел мастера, ювелиры столько замечательных творений, как в эту эпоху.

На какое-то время в стиснутом оковами традиций Египте повеяло свежим ветром. Многие стали делать по-иному, чем раньше: догадались, что пламя в плавильных печах, в кузнечных горнах можно раздуть не только ртом через трубку, но и ножными мехами; из песка пустынь, добавив к нему соду, можно получать стекло; воду из оросительных каналов можно подавать на поля кожаными ведрами, укрепленными на водоподъемном сооружении — шадуфе; землю обрабатывать более совершенными орудиями; выращивать ранее не известные растения, чечевицу, например; скрещивать строптивых по природе ослов с лошадьми и полученных от этого скрещивания более ручных и более сильных мулов использовать для перевозки грузов...

Однако железо все еще было в Египте такой редкостью, что иногда изготовленные из него ювелирные изделия и украшения оправляли в золото. Медь тоже была недешевой, бронза и того дороже, поскольку олово приходилось доставлять из дальних стран, поэтому все еще оставались в употреблении орудия с кремневыми лезвиями.

Но и так египтяне собирали большой урожай с возделываемых земель. Они распахали много новых земель, особенно в дельте, где еще имелись поддающиеся осушению болота. Так что население могло умножаться. Было чем кормить, пусть не до отвала, и рабов, приведенных из других стран.

Мы знаем, что работавшие в одной из каменоломен египетские солдаты получали в день около 1,8 кг хлеба, а к нему — жареное мясо и овощи. Рабов, наверняка, кормили хуже, но все же достаточно хорошо для того, чтобы они могли работать.

Из среды рабов тоже выходили каменотесы, перевозчики камня, саманщики, строительные работники, кузнецы, ткачи и другие ремесленники.

Некоторым выпадала более счастливая судьба: они становились слугами в домах знати или даже виночерпиями или опохальщиками фараона. Другие — самые незадачливые — попадали гребцами на галеры; но большинство рабов занималось обработкой земли, крестьянской работой.

Одним из важных изобретений эпохи Нового царства было водоподъемное сооружение, похожее на наш колодец с журавлем: воду, необходимую для полива садов, доставали из каналов кожаным ведром.

Таким народом рабов жили в долине Нила, как следует из Библии, сыновья Израиля, пока по указанию бога Иеговы, явившегося Моисею, Моисей не вывел свой народ из Египта, родины рабства, и после сорока лет скитаний в пустыне евреи наконец-то дошли до земли обетованной, до Ханаана.

Так ли это произошло на самом деле? Похоже, предание говорит правду. Египетские надсмотрщики за работами, наверняка, так обращались с подвластными им чужеземцами: надменно и жестоко. Характерно также и то, что скитающиеся в пустыне, мучимые голодом израильтяне вспоминают о египетских котлах с мясом, о рабовладельческом строе, при котором каждому полагалось определенное государством казенное питание.

Но прочный порядок родины рабства постепенно распадался так же, как распались «хозяйства» фараонов эпохи Древнего царства.

Первым признаком распада были распри между сторонниками двух верховных божеств — Амона и Атона.

С тех пор как расположенные в Верхнем Египте Фивы стали столицей страны, самые прекрасные храмы строились для почитавшегося там бога солнца Амона, ему приносилось больше всего жертв, его жрецам — больше всего даров, главным образом, рабов и земель-

Фараон Аменхотеп III.

Фараон Эхнатон с семьей поклоняется солнцу.

ных владений, и со временем здесь сосредоточилось больше всего богатства и власти, которые почти были равны фараоновым.

Фараоны и дальше называли себя сыновьями Ра, как это делали их предки, но это жрецов Амона не беспокоило. Они считали, что Ра — это просто другое имя их собственного бога. И часто новое верховное божество государства называли двойным именем — Амон-Ра.

Но вот на небосклоне Египта засияло третье

божество солнца, Атон, и он уже не ужился со своими предшественниками.

Култ Атона ввел фараон Аменхотеп IV, правивший приблизительно с 1400 года до н.э. и принявший позднее имя Эхнатон, что означает «Угодный Атону». Он правил всего семнадцать лет, но за это время дал стране не только новое верховное божество, но и новую столицу. Очевидно, он хотел освободиться от жрецов Амона и фиванской знати, в руках которых сосредоточилось чересчур много власти. Вместе с поддерживавшими его вельможами он покинул город своих отцов и на север от него, на полпути между Фивами и Мемфисом, заложил новую столицу, Ахетатон. Здесь он основал новый царский двор и центр культа бога Атона.

Сияющий диск солнца египтяне и раньше называли *атон*. Теперь самому сверкающему, пылающему диску солнца — как олицетворению живого божества — воздавалось то поклонение, которое раньше назначалось Ра и Амону, изображавшимся в разных обликах. И теперь уже жрецы Атона получали те сокровища и милостиво пожалованные вознагражде-

Нефертити, жена Эхнатона. Раскрашенная скульптура из известняка. Найдена в Ахетатоне.

ния, которые прежде щедрой рукой раздавали фараоны жрецам Амона.

Уже одного этого было вполне достаточно для того, чтобы растревожить страну, в особенности Верхний Египет. Дело усугублялось тем, что фараон покровительствовал сановникам, вышедшим из низов, в противовес тем, кто унаследовал ранг и богатство от предков. Поддерживал он их для того, чтобы ему было на кого опереться.

Ко времени смерти Эхнатона (или как полагали египтяне, его воссоединения с солнцем, от которого он произошел) Амон казался побежденным. Статуи его были разбиты, имя его отовсюду соскоблено, выцарапано, стерто, чтобы и память о нем исчезла навеки.

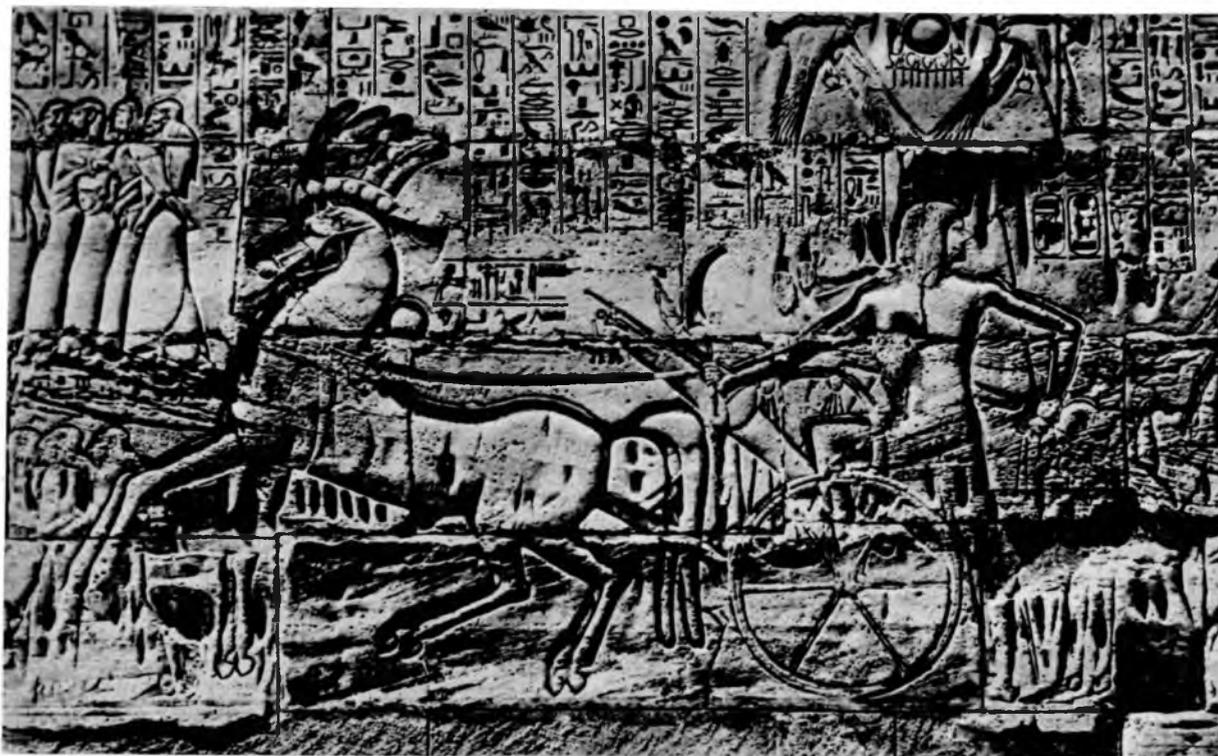
А он все-таки воскрес. Наследник Эхнатона

фараон *Тутанхамон* уже был вынужден изменить свое имя на *Тутанхамон* в знак того, что царствует он по милости Амона, а не Атона. А после его ранней смерти — Тутанхамон не дожил и до двадцати лет — споры вокруг престолонаследия окончательно лишили власти приверженцев Атона.

Тутанхамон умер, не оставив наследника, и его вдова, по совету своих приближенных, решила взять себе в мужа, а Египту в фараоны одного из сыновей царя Хеттии, государства, расположенного в Малой Азии. «Муж мой умер, сына у меня нет, — писала она царю хеттов Суппилулиуму. — А у тебя, говорят, много сыновей. Если ты дашь мне одного из них, будет он мне мужем. Что же мне, раба, что ли, своего брать в мужа и почитать его?» Поскольку же

Уменьшенная копия корабля Тутанхамона.

Преемник Хоремхеба фараон Сети I отправляется в поход. В левом углу видна группа пленных хеттов.

хетты колебались, в новом письме она заверяет их царя: «Почему говоришь ты, что, может быть, я хочу сделать тебя посмешищем? Я не писала ни в одну другую страну. Лишь к тебе обратилась я с письмом. О тебе говорят, что много у тебя сыновей. Дай же мне одного своего сына, пусть будет он мне мужем, а Египту царем!»

Выбранный для этого хеттский царевич отправился в путь в сопровождении блестящей свиты, с роскошными дарами, но до столицы Египта дойти ему не удалось: в дороге он был убит египтянами, сторонниками древних традиций.

И пришла армия мстителей. Командовал ею сам Супхилулиум, и хетты наголову разбили посланную против них армию никем не возглавляемой страны. Беззащитный стоял перед хеттами Египет. Люди уже его спасти не могли.

И тогда его спас бог Амон. Он наслал на победоносную армию хеттов такой мор, что она не только не смогла вторгнуться в Египет, а и на родину вернулись лишь жалкие ее остатки.

Но может, это не Амон сотворил чудо, просто среди войска распространилась, косила людей

страшная заразная болезнь — чума? Люди, жившие в те времена, в это простое объяснение не поверили бы. В каждом важном повороте их личной и общей судьбы видели они волю более могущественных, чем они сами, существ.

Как бы там ни было, одному бывшему любимцу фараона еще удалось вступить на трон под предлогом родства с фараонами XVIII династии, вымершей с Тутанхамоном, но его преемника, Хоремхеба, царем провозгласили уже фиванские жрецы Амона на храмовом празднестве.

Теперь отовсюду соскребали, выцарапывали, стирали имя Атона и так успешно, что его культ не воскрес никогда.

Но и Фивы уже не смогли добиться былого могущества. Слишком далеко находились от них те страны Азии, с которыми в последние века так сблизился Нижний Египет. Защищаться, торговать, посылать и принимать послов, вступать в союз с одними против других, на этих нападать, с теми мириться — все это было легче царству, фараонова резиденция которого была далеко на севере, в дельте. Где уже был вращаю-

щийся вокруг самого себя мир прежнего Кеме? В Ахетатоне (теперь на его месте город Эль-Амарна), так называлась столица, построенная Эхнатоном, хотя она служила центром страны всего лишь несколько десятилетий, нашли в развалинах целый «архив»: на клинописных глиняных табличках сохранилась дипломатическая переписка владык Египта с различными странами Азии. *Аккадский* язык к тому времени стал международным языком всего Ближнего Востока, и в Египте имелись писцы, которые умели читать всевозможные клинописные глиняные таблички, откуда бы они ни приходили, и составлять на них ответы тоже по-аккадски и клинописью.

Вернувшись к культуре Амона фараонам, естественно, и в голову не могло прийти держать двор в Ахетатоне. Они переселились еще дальше на север. Сначала местом их жительства был древний Мемфис, пока третий преемник Хоремхеба не построил в дельте новую столицу, которую назвал по своему имени — Пер-Рамсес, что значит «Дом Рамсеса». Но цари новой — XIX — династии нередко навещали и южную столицу и, пока хватало у них сил и средств, воздвигали в Фивах и их окрестностях огромные храмы.

Вначале и сил, и средств хватало. Рамсесу II (царствовал примерно в 1301—1235 гг. до н. э.), строителю новой столицы, еще удалось отвести вновь нависшую над Египтом опасность хеттского вторжения: с одним из царей Хеттии он сразился в Сирии, под городом Кадеш, а дочь его преемника взял в жены. Но во время правления последующих фараонов бедствия сгущались. Возобновились старинные распри между Севером и Югом, между дельтой и речной долиной. Вновь разгорелось соперничество между жрецами Амона, Ра и Птаха, и хотя жрецы становились все богаче и могущественнее, им всегда было мало и земель, и рабов. Да и размножились в стране трутни, и не столько даже настоящие вельможи, сколько ленивцы, которые, имея всего несколько человек или несколько десятков рабов, уже не хотели больше сами работать, а желали только наслаждаться жизнью. И хотя в Египте в это время жило больше людей, чем когда бы то ни было раньше, рабочих рук все-таки часто не хватало. Крестьяне жаловались, что сельский староста учитывает даже только что вышедшего из лона матери ребенка, т. е. тут же записывает его, чтобы знать, когда можно будет потом послать за ним, если

Фараон Рамсес II в обществе бога Амона-Ра и богини Мут.

потребуют у него воинов или работников. Даже хромого уведят в привратники, слепого — кормить быков, переписывают и тех, кто сведущ в каком-нибудь мастерстве, «кто знает, как применять свои руки».

Но армии работников не раз оставались без продовольствия и денежного содержания. В 29-й год правления Рамсеса III работники «западного города» — огромного кладбища вблизи Мемфиса — ворвались даже в поминальный храм Рамсеса II, чтобы высказать свои жалобы писцу Хеднехету и верховному жрецу святилища: «Гонимые голодом и жаждой, пришли мы сюда. Нет у нас одежды, масла для умащивания, нет рыбы, нет овощей. Пошлите сказать

Вход в скальный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле, на юг от 1-го нильского порога. У входа стоят двадцатиметровые каменные колоссы, каждый из которых изображает фараона. Вследствие строительства Асуанской плотины и подъема уровня воды в Ниле несколько лет назад этот храм пришлось перенести на другое место.

В эпоху Нового царства переживала расцвет египетская живопись. Раскрашенные барельефы на стенах гробниц постепенно вытесняются росписью на плоской поверхности. Достоинства изображений нового типа хорошо показаны на групповой сцене из гробницы в Фивах.

об этом фараону — Жизнь, Благо, Здоровье! — нашему милостивому господину!»

После этого они получили месячное содержание, но в следующие месяцы задержки повторялись и им приходилось выступать вновь и вновь, чтобы добиться хоть части того, что им причиталось. И тогда уже они не только кричали «Мы голодны!», но и обличали правителей: «Большие злодеяния совершают наместники фараона!»

Страна разлагалась. Фараоны уже настолько не доверяли собственному народу, что окружали себя телохранителями из средиземноморских пиратов. (Этот пиратский народ назывался сардана, позднее по нему получил название остров Сардиния.) Позже умножилось число наемников и в войске: их мечи и копья должны были бы защищать, спасать от неожиданных бедствий становившийся все более беспомощным Египет.

Нападали на Египет «народы моря» — племена, втянутые в орбиту древнего переселения народов с севера на юг, нападали ливийцы, нападали сирийцы, а когда из следующих один за другим Рамсесов умер и одиннадцатый по счету, Новое царство стояло уже на пороге своего конца. Около 1050 года до н. э. Египет распался на две части: на юге правили жрецы Амона, на севере — фараоны из вождей ливийских наемников. Позднее фиванские жрецы призвали эфиопского царя, чтобы он спас раздираемое на клочки царство, но правление эфиопской династии тоже плохо кончилось: в 671 году до н. э. на Египет напало конное войско ассирийцев. Сначала оно разграбило южные города, среди них и Мемфис, а потом захватило и разрушило Фивы.

После падения ассирийского царства для Египта наступило более спокойное столетие, так называемый саисский период, когда правили фараоны-египтяне, хотя и они опирались на чужеземных — теперь уже греческих — наемников. Но в 525 году до н. э. Египет был покорен персами.

Но если уже ничего другого, то устраивать пышные погребения Египет и в то время еще умел. Большинство дошедших до нас мумий было захоронено именно в эти последние века Древнего Египта.

Старые верования еще были живы, каждый, кто только мог, старался купить себе вечную жизнь: строил себе гробницу, считающуюся вечной, куда его, в деревянном или каменном

Стенная роспись в Фивах, изображающая танцовщицу-акробатку.

саркофаге, должны были поместить после телесной смерти. Постепенно страна превращалась в одно огромное кладбище. Причем это было кладбище не только людей, но и животных. Своих священных быков, ибисов, кошек и других животных эти странные сыны находящегося в упадке Египта готовили к переходу в потусторонний мир с такой же тщательностью, как и людей. Их точно так же бальзамировали, закатывали в пропитанные смолой полотняные бинты и хоронили.

И так продолжалось это и тогда, когда через какое-то время владычество персов сменило трехвековое эллинско-македоно-греческое господство. И многое другое шло по-прежнему, хотя из Кеме тем временем стал Египет, из Менфера — Мемфис, из Васета — Фивы, из Юну — Гелиополь, из Божественных Золотых Гор — Гор, из олицетворяющего Нил быка Хапи — Апис, а из самих египтян — мало уважаемые туземцы.

Униженный народ древней страны упрямо придерживался родимых обычаев уже хотя бы только потому, что этим отгораживался от севших ему на шею надменных чужеземцев. Еще во времена персидского господства Геродот писал: «Не найдется такого египтянина или египтянки, которые поцеловали бы эллина в губы или воспользовались бы его ножом, вертелом или котлом, они не прикоснулись бы даже к мясу чистого быка, если его нарезали эллинским ножом».

Портрет сановника эпохи XIX династии. Из собрания будапештского Музея изобразительных искусств.

Но все же многие из образованных египтян научились греческому языку, а греки — египетскому, и через их посредство страна с трехтысячелетней культурой передала развивающимся народам Европы много тайн, которыми владели египетские врачи, математики, философы и другие ученые.

ЦАРСТВА КОЛЕСНИЧИХ И ВСАДНИКОВ

ПОБЕДА БЫСТРЫХ

Пешеход, в кровь стирающий ноги в пути, сперва сел на корабль и только потом на повозку и на коня.

Не боялся он, что утонет в воде? Что двухколесная без рессор повозка вытрясет из него душу при тогдашнем бездорожье? Что вместе с повозкой понесут его заартачившиеся в упряжке лошади? Или встанет на дыбы верховой конь и сбросит с себя седока; и тому надо радоваться, если он шею себе не сломает.

Как же было не бояться смертному человеку? Но были смельчаки, которые ладили себе плот, челнок, судно и отправлялись в плаванье. А другие запрягали в повозки лошадей и похлопывали кнутами: быстрее, быстрее! Или верхом на конях скакали в дальние земли и, когда требовалось, бешено неслись в атаку на вражеское войско.

Древнейшие корабельщики Индийского океана — тильмуны, жители долины Инда — проделывали путешествия, кажущиеся теперь невероятными. Они знали, когда надо было поднимать парус, если хотели плыть по морю. Шумеры долгое время плавали лишь по рекам, но зато хорошо знали характер рек-близнецов Тигра и Евфрата: где и когда целесообразно плыть на кораблях, снабженных веслами, и парусами, а когда разумнее связать добытые в далеких горах деревья в плоты и пустить их по течению.

У шумеров были, правда, куланы, которых они запрягали в боевые колесницы.

Но кулан не мог сравниться с распространившейся позднее настоящей лошадью ни силой, ни проворством, ни выносливостью. Так что в дальние края, как видно, на куланах в путь не пускались, и на суше шумеры могли преодолевать лишь расстояния, посильные собственным ногам и ногам нагруженных, ведомых на по воду ослов.

Египет, растянувшийся узкой полосой длиной в тысячу километров, смог так быстро объединиться в единую страну лишь потому, что по водам Нила открывалась свободная дорога вплоть до первого порога. Благодаря этому царские корабли доходили до любой точки страны, а на кораблях ехало царское войско, заставлявшее местных правителей подчиняться власти Египта. Собранные в амбарах номов подати — зерно, лен и другие продукты — тоже легко было доставить в резиденцию фараона. Томас Манн в романе «Иосиф и его братья» так описывает движение на Ниле в более позднее время: «...сделанные из грубого или тонкого, дорогого полотна паруса скольких кораблей надувал ветер и сколько весел боролось с течением! Воздух разносил над поверхностью воды человеческие голоса, приветствия и шутки корабельщиков, выкрики шестовщиков, сидевших на выдающихся вперед рострах и предупреждавших о водоворотах и мелях, гиканья-предостережения рулевым и рейщикам, выкрикиваемые корабельщиками, скорчившимися на крышах кают. Было видимо-невидимо заурядных баркасов, походивших на челн Тота, но попадались

Шумерский корабль. Оттиск печати.

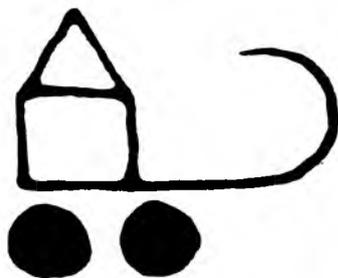

Шумерская боевая повозка. Увеличенная деталь с мозаики из царских гробниц города Ур. Около 2500 г. до н. э.

и стройные, изящные ладьи, обгонявшие «Выделяющегося скоростью» или плывшие ему навстречу: выкрашенные в синий цвет, с низкой мачтой, широким белоснежным парусом, надувавшимся красивым изгибом, со штевнем в форме лотоса и прелестным домиком вместо каюты. Попадались и храмовые ладьи, с багряными парусами и расписными носами, благородные галеры знати, с двенадцатью гребцами по

Одна из пиктограмм первоначального шумерского письма: первое известное изображение повозки на колесах. До 3000 г. до н. э.

каждому борту, с роскошным сооружением на корме, в которое вели поставленные между двух колонн двери. На крышу этих сооружений можно было погрузить багаж вельможи и колесницу, в роскошных ковровых стенах сидел сам высокородный, сложив руки на груди, как бы застыв в красоте и богатстве, не глядя ни направо, ни налево. Встретились они и с погребальным кортежем, состоявшим из трех следующих гуськом друг за другом и связанных один с другим кораблей. На последнем из них, белом баркасе без паруса и весел, лежал на носилках на львиных лапах раскрашенный Осирис, головой вперед, в кругу причитающих».

Движение было оживленным, а скорость судов, даже стройных изящных галер, еще сравнительно невелика. Для плавания нужно было время и терпение, особенно если надо было плыть против течения, со стороны моря или Мемфиса на юг.

В том, что именно Верхний Египет покорил дельту, а не наоборот, вероятно сыграло свою роль и направление течения Нила. Корабли южан, шедшие с воинами вниз, легче и быстрее

достигали дельты, чем корабли северян верхних частей долины. Но и спустя полторы тысячи лет, при изгнании гиксосов, фиванцы добились преимуществ благодаря движущимся вниз по течению кораблям: они смогли перевезти по реке на север все нужное им войско, а также оружие и продовольствие для него. Правда, в открытом поле египтяне так и не осмеливались выступить против войска колесничих, у них было достаточно сметки для того, чтобы нападать на прибрежные крепости и лагеря гиксосов не с суши, а с воды, со стороны речных рукавов.

Аккадцам в их набегах на шумеров помогало также то, что они жили выше, на взгорьях. Они могли перерезать не только торговые пути, ведущие в горы Малой Азии, Сирии, Ливана, откуда везли металл и дерево, но и, более быстро спускаясь по течению рек-близнецов Тигра и Евфрата на своих кораблях, легче могли захватывать шумерские города.

Все первые значительные государства земного шара, все первые организованные общества возникали вдоль больших судоходных рек — Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ. Так было пока не наступило время держав на колесницах и малых и больших государств-мореходов.

В глубине суши народы, еще не севшие на повозку и коня, обитали ли они на низменных равнинах или в горах, жили поделенными на племена. Чаще всего они селились вблизи рек, потоков, озер, вырытых ими колодцев, но не скученно, а на расстоянии примерно дня ходьбы друг от друга. Если племя могло, оно изгоняло другое с приглянувшегося ему места с более сочной травой, лучшей водой. Союзы, в которые входило бы более двух-трех племен, были большой редкостью, не встречалось державы, подмявшей под себя много племен, по той простой причине, что племена разделяли довольно значительные расстояния. Каждое жило изолированно, само по себе, как могло.

Так жили, например, племена марту, пасшие свои стада в простирающихся к западу от Шумера и Аккада степях, пока они не проникли в долину рек-близнецов, чтобы стать там впоследствии гражданами вавилонского государства.

А гутеи? А эламиты?

Они не проникали, а нападали. И здесь начинают появляться закорючки вопросительных знаков. Как могли объединить свои силы воинственные горные племена? Как сумели они

собрать со своих отстоящих далеко одно от другого поселений столько способных носить оружие мужчин, что могли нападать даже на расположенные близ воды густонаселенные города?

Куланов держали и шумеры, но если они их держали, значит откуда-то их однажды достали, у кого-то научились их разводить, приручать? Размышляя об этом, в первую очередь следует предположить, что этому они научились у живущих в горах на севере и северо-востоке от Шумера эламитов, гутеев.

Позднее с гор пришли и *касситы*, их наезды и набеги, продолжавшиеся в течение двухсот лет, сломили силу вавилонской империи Хам-

Ассирийский всадник. Рельеф, найденный в развалинах Ниневии. VII век до н. э.

Ассирийские боевые колесницы на колесах со спицами; всадник, стреляющий из лука, сидя верхом на коне. Алебастровый барельеф из Ниневии. VII век до н. э.

мурапи. А относительно того, что касситы были настоящими коневодами, нет никаких сомнений.

Первый свой большой набег они осуществили в 1741 году до н. э. Около 1700 года до н. э. заполнили Египет гиксосы. Около 1600 года — совершенно неожиданно — напали на вавилонян хетты, опустошив их страну, когда те и не предполагали, что и со стороны Малой Азии может напасть на них жадный до золота и серебра народ коневодов, в то время как они на восточной границе пытаются задержать касситов.

Да, лошади прочно заняли свое место в истории человечества. В середине первого тысячелетия до н. э. народ, занимающийся разведением лошадей, ворвался уже и в Индию, покорив себе местных жителей. Они называли себя *ария*, т. е. благородный. Тогда же племя, вооруженное боевыми колесницами с запряженными в них лошадьми, появилось и в Китае. Это племя (*шанг*, по другим источникам — *ин*), подчиняя своей власти все больше земель, сплотилось в сильное, единое, целое ядро позднейшей Невесной Империи.

Сначала во всей Азии грозными боевыми средствами служили легкие повозки на двух спицевых колесах с конской тягой. Повозка имела щит, за которым укрывались два-три человека. Один из них погонял лошадей, а другой — или двое других — вели вооруженную

Боевая колесница хурритов. Оттиск печати. До 1500 г. до н. э.

Оттиск печати из Митанни. Изображенный на ней человек сквозь длинную трубку потягивает напиток из стоящего у его ног сосуда.

тусы. Среди разных других предметов нашли глиняные таблички с клинописным текстом в почти тысячу строк, написанным поселившимся в столице чужеземцем «Киккули из Земли Митанни». Весь текст посвящен тому, как разводить и приручать коней.

В написанных на табличках советах предписывается семимесячный срок приручения, а среди специальных выражений, связанных с коневодством, попадаются выражения древнеиндийского происхождения, т. е. относящиеся к языку того народа, из которого именно в это время вышли арии — благородные — далекой Индии.

Видно уже в то время мир был тесен!

Но Киккули пришел не из Индии, а из Митанни, и вряд ли был он арием, скорее хурритом. Предки его за несколько столетий до описываемого времени, вероятно, встретились на иранском плоскогорье и одно время совместно жили с позднейшими завоевателями Индии.

Или они встретились на север от Ирана, в травянистых туркестанских степях?

Достоверно лишь то, что предком домашней лошади — на это указывает все ее строение — было степное животное. Паслись эти животные большими дикими табунами, а если вспугивала их стая волков или группа людей, с громким стуком копыт и ржаньем уносились они вдаль.

По-видимому, сначала человек ловил оставших от кобыл жеребят, но приручение их шло с большим трудом. Потребовалось долгое время — жизнь многих поколений, пока человек научился всем приемам приручения.

Кто начал первым приручать лошадей? Хурриты? Или индоиранские племена, ставшие позднее ариями? Или и они уже переняли это у других?

Обнаруженные кое-где скудные находки указывают на еще более отдаленные времена. И все еще остается нерешенным вопрос: где и у какого племени превратилась дикая лошадь в мчащегося с повозкой боевого коня, участника войн, решавшего исход сражений? Весьма возможно, что у хурритов.

Пожалуй, тайна победы гутеев, горных пле-

мен, низвергнувших первое аккадское царство, кроется именно в лошадях; ведь есть ученые, которые думают, что гутеи тождественны хурритам.

Энлиль послал их с гор,
нахлынули они на землю, как саранча,
за роем рой.
Как натянутые охотничьи сети,
стояли на поле их мечи,
ничто не спаслось из их рук,
никто не спасся из их рук...

Уже и тогда они были народом, державшим лошадей? Шумерские сказания об этом не говорят, но из них можно догадаться, что гутеи были быстрее тех, кого они преследовали.

Позднее хурриты спустились со своих гор на запад и, основав государство Митанни, стали на тогдашнем цивилизованном Ближнем Востоке главными мастерами в деле разведения лошадей и ведения войны с боевых колесниц (хотя, невозможно в этом оспаривать и заслуги касситов).

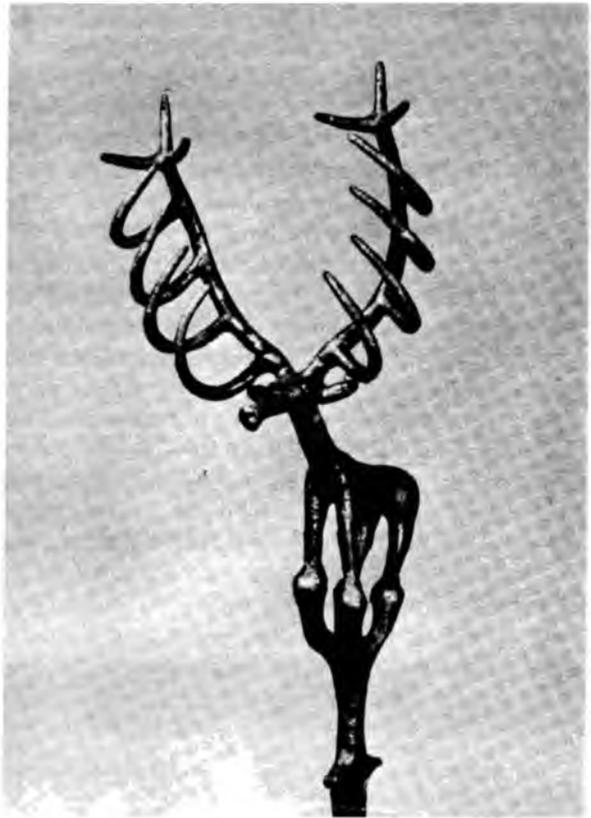
Некоторые даже считают, что за греческим названием «гиксосы» скрываются именно хурриты, хотя и думают, что не одни они были участниками азиатского союза племен, напавшего на своих боевых колесницах на Египет.

Египтяне называли гиксосов «правителями пастухов», и хурриты в эту эпоху в большинстве своем действительно были скотоводческими племенами, живущими в пустыне, хотя они покорили и земледельческие народы, главным образом, в верхнем течении рек-близнецов.

На столетия утвердились они здесь, хотя худшее место найти было трудно: это была проезжая дорога, по которой текли, спасаясь один от другого, кочевые народы, место, в котором сталкивались интересы египтян, хеттов, ассирийцев и вавилонян.

Хурриты смогли все-таки выстоять только благодаря своим прекрасным лошадям. Они стремились завоевать сердца своих соседей, посылая им лошадей в подарок. Так, например, один из их царей, Тушратта, писал тогдашнему фараону: «Вот, посылаю тебе боевую повозку, двух лошадей, одного юношу и одну девственницу из добытых в Хатти трофеев. А еще в подарок посылаю тебе, брату моему, пять боевых повозок, пять конских упряжек».

Проворный конь и легкая, прочная повозка были одним из самых ценных имуществ тех

Ритуальная статуэтка из Малой Азии периода до завоевания ее хеттами. XXI—XIII века до н. э.

времен. Даже в письмах своих владыки так приветствовали один другого: «Да будет благо дому твоему, женам твоим, сыновьям твоим, верховным твоим сановникам, отборным твоим воинам, коням твоим, боевым твоим повозкам и сердцу страны твоей!» Некоторые цари похвалялись: «Все у меня благополучно; дома мои, жены мои, сыновья мои, верховные мои сановники, кони мои, боевые мои повозки и сердце страны моей, — все в отличном состоянии».

Кони и повозки из такого перечисления выпасть не могли! Тот, кто испытывал в них недостаток, не мог быть сильным мира сего.

В Митанни и коней, и повозок хватало. Около 1500 года до н. э. царство хурритов простиралось от Средиземного моря до иранских гор.

Хурритов? Или митаннийцев?

Многие считают, что за этими двумя названиями скрываются два народа, или, по крайней мере, что хурритами, происхождение которых до настоящего времени не выяснено, правила верхушка индоиранского происхождения. По-

мимо древнеиндийских слов, связанных с коневодством, в пользу этого предположения говорят и другие аргументы. Например, в договорах между Митанни и Хатти встречаются имена многих почитавшихся в Индии божеств, да и имена знатных мужчин указывают на их родство с индийскими племенами.

Столица царства Митанни, Вашшуканни, лежала на берегу Хабура, единственной большой реки, текущей между Тигром и Евфратом, но не в низовьях ее, не в холмистых степях, вблизи устья, где расстились хорошие пастбища для конских табунов, а на севере, в верховьях реки, в горах, где можно было успешнее оборонять ее.

Отсюда послал Тушратта другое клинописное письмо фараону: «Ты был в очень большой приязни с моим отцом. Теперь же, когда друзья стали мы с тобой, эта наша дружба в десять раз больше той, что связывала тебя с моим отцом. И теперь я говорю своему брату: дай мне, брат мой, в десять раз больше, чем ты дал моему отцу! Пошли мне, брат мой, много золота,

пошли мне, брат мой, несметное количество золота, пошли мне, брат мой, больше золота, чем ты послал отцу моему!»

Выходит, царь хурритов попрошайничал? Нет, пожалуй, шантажировал. Хотел посмотреть, боится ли его в какой-то мере фараон и можно ли рассчитывать на его родственную помощь против других. Ведь как-никак Тушратта был шурином фараона, сестра его была одной из фараоновых жен.

Цивилизованному Египту Митанни, должно быть, представлялась довольно дикой страной. Диким был и народ, и земля, на которой паслись не только табуны, стада и отары, но и водились львы, страусы, газели, дикие буйволы, слоны. Львы, правда, уменьшались в числе так быстро, что охотиться на них разрешалось только самому царю и тем, кому он давал позволение.

Но несколько не была лучше и соседствующая с Митанни на западе гористая страна Хатти, народ которой постепенно так хорошо научился у хурритов разведению и приручению лошадей, что с боевыми колесницами и другим войском смог выступить против своих учителей. Хетты одержали победу (это произошло около 1400 г. до н. э.), и начиная с этого времени звезда Митанни начала закатываться. С востока напали на Митанни бывшие подданные страны, ассирийцы, которые тем временем тоже научились у хурритов искусству ведения войны при помощи боевых колесниц. И, наконец, с Аравийского полуострова, как раз тогда начавшего превращаться в засушливую пустыню, двинулся поток арамейцев, которые смели с лица земли не только Митанни, но и хурритов.

По крайней мере, в районе травянистых холмистых степей. Потому что в северных горах, на южных склонах Кавказа, в окрестностях соленого озера Ван, в последующие столетия возникла и окрепла новая страна, Урарту. жители которой были отважными наездниками, а по происхождению в большинстве своем хурритами. Они уже сражались не только на колесницах, но и верхом, в седле, и выращивали жеребцов, славившихся и в дальних землях. Один из царей Урарту поставил плиту с надписью на том месте, где он, сидя на коне, прыгнул в длину на 22 локтя, т. е. на 11 метров 20 сантиметров.

Хеттские воины на боевых повозках. Базальтовый барельеф из Каргамыша.

МОГУЩЕСТВЕННЫЕ ХЕТТЫ

«Вот идет побежденный владыка хеттов, вместе с царями из других стран, которые идут с ним, которых он силой ведет с собой из тех стран, что на территории хеттов... Вооружены они войсками, воинами на боевых колесницах, оружием, больше их, чем песчинок на берегу. Смотри, вот стоят они, готовые к битве, под Старым Кадешем».

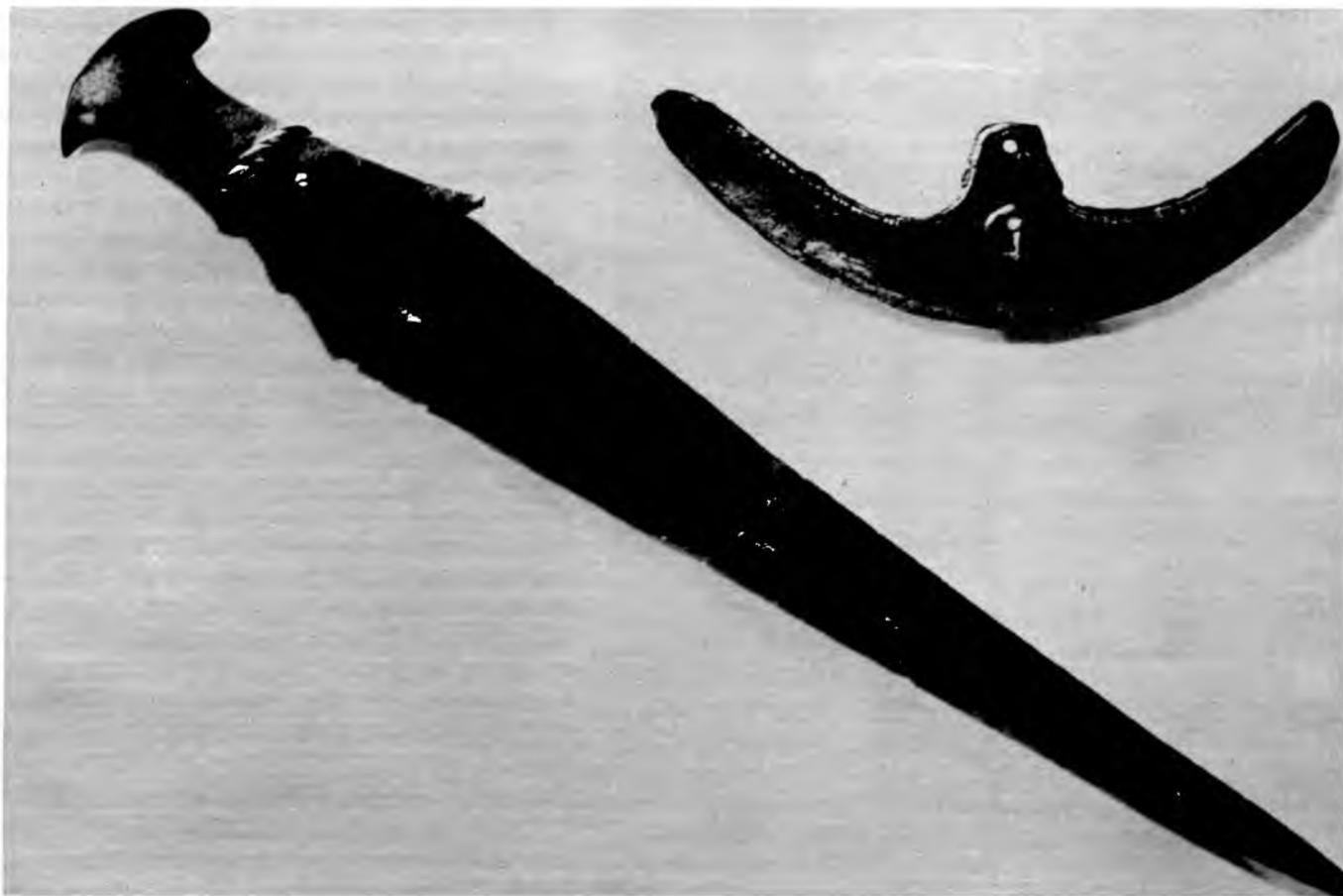
Так рассказывали фараону Рамсесу II двое пленных из сторожевого отряда хеттской армии перед битвой у города Кадеш, в Сирии. Фараон был ошеломлен. Ведь ему донесли, что царь хеттов Муваталлу со своим войском отсиживается в окрестностях Халпы (теперешнее Алеппо) и не осмеливается продвигаться на юг, боится идущих на север войск фараона.

Фараон немедленно созвал военный совет. Но было уже поздно.

«В то время, как его царское величество совещался с сановниками, побежденный, презренный владыка хеттов приблизился со своим войском, воинами на повозках и сопровождающим его множеством чужеземных народов. Они переправились через находящийся на юге от Кадеша канал, прорвались между отрядов его царского величества, которые, находясь в походе, об этом не знали. Отряды и воины на боевых повозках его величества бежали от них на север, где находился его величество. Тогда вражеские отряды побежденного владыки хеттов окружили свиту его величества, находившуюся подле него...»

Отчет об этом походе был написан в Египте, во славу фараона, поэтому называется в нем царь хеттов презренным, побежденным, даже тогда, когда как раз одерживает победу. В действительности же не был он побежденным ни до, ни после битвы у Кадеша, которая, после

Малоазиатские меч и секира из бронзы. XVIII век до н. э.

того как фараону посчастливилось вырваться из окружения и даже хватило сил перейти в наступление, кончилась чем-то вроде ничьей. После этого враждующие стороны заключили соглашение, т. е., по словам египетских писцов, великодушный, милостивый Рамсес II, «продвигаясь к югу, протянул руку в знак мира».

Кадешская битва была одной из самых крупных попыток государства хеттов и Египта померяться силами. Хетты, судя по дошедшим до нас сведениям, нападали 2500 боевыми повозками, «с различными воинами бесстыдной страны Хатти и многих ее союзников из Арадоса, Педеса, Кешкеша, Ируна, Киззувадана, Хереба, Икерета, Кадеша, Реке. По трое стояли на повозках воины...».

Откуда было у Хеттского царства столько союзников? Как могло оно повести столько чужеземных народов в поход и битвы?

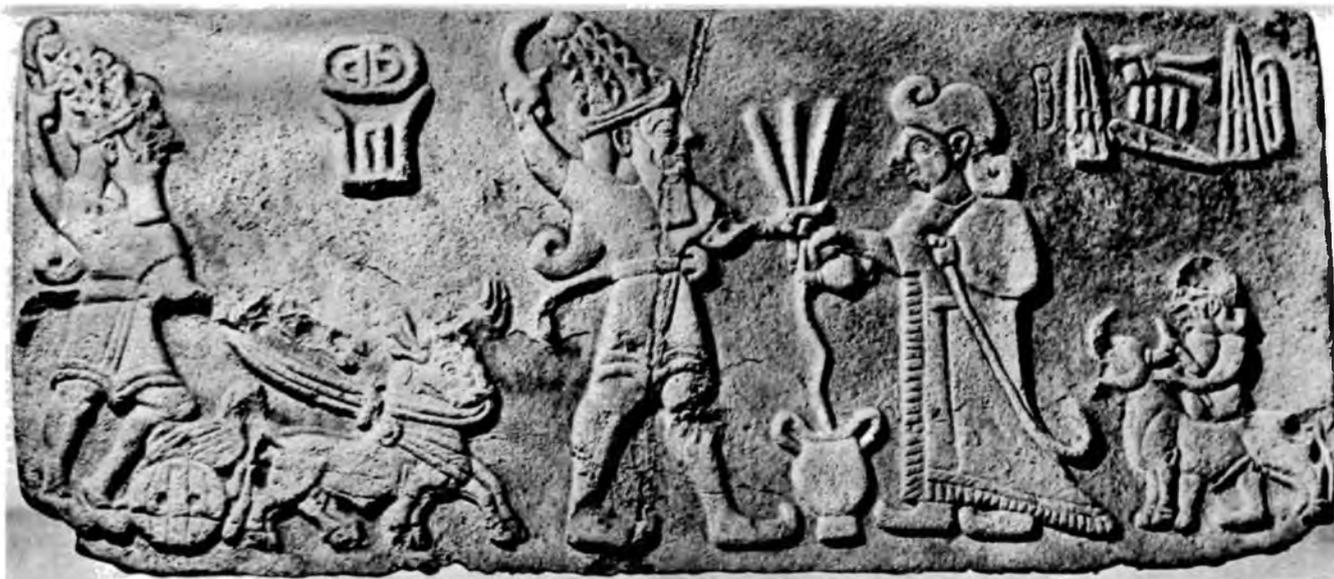
Мы могли бы добавить, что население самой «бесстыдной страны Хатти» говорило на многих языках, состояло из разных народов. Даже свободное население, не говоря уже о рабах, захваченных в военных походах!

Если бы Хеттское царство продержалось всего нескольких поколений, это не вызвало бы удивления. Но оно упорно держалось более тысячи лет, продолжая существовать даже после разгрома и в небольших государствах, возникших на его развалинах.

А ведь цари хеттов не были такими всемогущими «великими богами», как владыки Египта, Вавилона или Ассирии. Совет хеттской знати мог отдать в руки палача и самого царя, если он незаконно убил кого-либо из членов своей семьи. «Тот, кто причинит зло своему брату или сестре, — гласил закон, — отвечает за это своей царской головой. Тогда следует созвать совет. Когда дело закончится, он должен заплатить своей головой. Но не убивать в тайне. И не причинять зла ни дому его, ни жене, ни детям его. Если злодеяние совершит сын царя, пусть расплачивается за это головой, но ни дому, ни детям его зла причинять не следует. Сыны царя за различные злодеяния могут быть убиты, но не могут быть погублены их дома, земли, виноградники, гумна, их челядь, волы и овцы».

Этот закон был нужен для того, чтобы творящие суд знатные сановники не могли наложить руку на имущество владык.

Бронзовая статуэтка богини из подчинявшейся хеттам Сирии. XV век до н. э.

Царь Сулумели приносит жертву перед богом бурь. Резьба на базальте.

Дело в том, что власть в государстве хеттов принадлежала в первую очередь им: хеттским вельможам, первым среди которых был царь.

Высокородные, привилегированные, богатые, могущественные, малые и большие господа существовали и раньше. Но *собрание знати*, правящее коллективной волей, — такого, пожалуй, еще не было.

И это тоже было порождено разведением и содержанием лошадей. Те, кто сели на повозку, сразу же на три-четыре головы стали выше простых людей, ходивших пешком. Тот, кто был большим господином, стал еще большим, ибо у него хватало богатства держать свиту из вооруженных воинов на колесницах, с помощью которых он мог заставить подчиняться себе кого угодно в любых далеких землях. Жители долин платили хеттам дань зерном, соломой, шерстью, скотом, дровами, сообща на них работали: пахали, копали, возили, строили крепости, мосты, водопроводы, оросительные сооружения. Десятки тысяч людей подчинялись сотням, сотни тысяч — тысячам. Хетты были быстры на расправу всякий раз, когда где-то кого-то надо было наказать. Если вельможа отправлялся в поход, то дома всегда оставлял достаточное число воинов с боевыми повозками, чтоб было кого бояться безоружным земледельцам, было перед кем дрожать надрывающимся в тяжком труде рабам. А отправлялся он в поход часто: не только на непрерывные гра-

Развалины царских ворот в столице хеттов Хаттусе.

бительские войны против соседних стран, но и на собрания знати, где решались важнейшие вопросы, касающиеся общих дел. Территория самого Хеттского царства, без подчинявшихся ему стран, была не очень велика, члены *панка*, собрания воинов, или более узкого совета знати, *тулия*, могли съехаться за один-два дня.

Царь мог вершить приговор над знатными вельможами, лишь если собравшаяся на совет знать передала их в его руки: «Если кто поступает злоумышленно, будь то отец дома, будь то начальник дворцовых слуг, будь то начальник виночерпиев, будь то начальник телохранителей, будь то предводитель военных отрядов,

Хеттские офицеры из Каргамышского царства (VIII в. до н. э.). На столбе с правой стороны текст, написанный хеттскими иероглифами. Это своеобразное письмо, знаки которого выступали над поверхностью камня, сохранилось лишь в относительно поздних памятниках.

состоящих из знати, — должно их арестовать и передать в целях наказания», — записал в законе царь Телепинус. А состоящий из многих разделов хеттский свод законов предписывал: «Если кто воспротивится приговору, вынесенному царем, — у того уничтожат всю семью. Если кто выступит против приговора, вынесенного военачальником, тому отрубят голову».

Этот правящий совместно, по общей воле, дисциплинированный народ коневодов сплачивал воедино лоскутное Хеттское царство. Здесь не обращали внимания, кто на каком языке говорит, какому богу поклоняется, лишь бы платил подати, выполнял предписанные общественные работы.

Один из любимых героев хеттских сказаний — Уликумми, человек из горной породы диорита, которого в детстве посадили на плечи великана, держащего на себе мир, и рос он в воде быстрых морских течений. В день выросстал он на локоть, как столп возвышался он над морем, и наконец он уже головой достал до неба. И тогда боги объединились против него. Сначала попытались они приручить его пением, потом послали ветры, дожди, молнии, чтобы разбить его на куски. Но напрасно: непоколебимо стоял камен-

ный человек. Тогда семьдесят богов спустились в море, чтобы его свалить, но не смогли даже сдвинуть с места. Уликумми рос и рос дальше, как башня вздымался он ввысь, достиг он жилища богов и как легкое покрывало поднял небо. В высоту вытянулся он уже на девять тысяч миль. Тогда приготовился к новой схватке с Уликумми бог бурь. «Принесите-ка мне тот старый медный нож, — сказал он древним богам, — который в дни сотворения мира отрезал небо от земли! Я перережу им ноги Уликумми!»

Конец этой истории нам неизвестен, записи ее утеряны. Но лежащее на горах Хеттское царство в глазах соседних народов выглядело чем-то вроде великана, похожего на сказочного Уликумми. Они все ждали, что оно вот-вот свалится, а оно росло все выше и выше. И своим ростом оно было обязано не только лошадям и боевым колесницам, но уже и железу.

Олово плавится при температуре 232 градуса, медь — при 1083 градусах, железо — при 1530. Поэтому человек гораздо раньше чем железо научился плавить медь и, добавляя к ней олово, получать бронзу. Для этого достаточно было в качестве мехов простой трубки, а тому, кто раздувал древесный уголь — собственных лег-

ких. Выплавить из железной руды чистое железо уже было делом более трудным: для него требовалось сооружение для раздувания огня — меха, которые можно было бы приводить в движение руками или ногами. Мы не знаем, кто и как догадался, что красновато-коричневые, темно-серые или другого цвета тяжелые «камни» скрывают в себе железо, редкий небесный металл, который до того встречался лишь в виде упавших с неба метеоров и ценился дороже золота и серебра. Но, по-видимому, первооткрывателем или, по крайней мере, первым производителем железа было одно из племен Малой Азии. Известно, что жители горной местности Киззувадана первыми начали строить железоплавильные печи и из выплавленного металла ковать оружие и орудия труда. Вскоре выяснилось, что новое боевое оружие и орудия труда более крепки, прочны, чем бронзовые, и что делать их легче, дешевле, к тому же можно в большом количестве. И все же внедрялись они довольно медленно. Кузнецы Киззувадана не спешили делиться своими секретами с другими, а у господствовавших над ними царей Митанни, а затем Хеттского государства хватало ума самим пользоваться преимуществами, даруемыми железом. Торговать железом могли только доверенные царские люди, и когда отправлялись посольства в чужеземные страны, в качестве царского дара брали с собой несколько выкованных из железа предметов. В гробнице фараона Тутанхамона, например, наряду с множеством золотых и серебряных изделий археологи нашли 19 предметов из железа. Но и спустя сто лет после смерти Тутанхамона владыки Египта и Ассирии напрасно понукали хеттских царей, все равно они не получали от них столько железа, сколько им хотелось. «Что касается железа хорошего качества, о чем ты писал мне, — отвечал, например, на одно такое письмо царь Хаттусили III (около 1275—1250 г. до н. э.), — в настоящее время на наших киззуваданских складах хорошего железа нет. Погода в данный момент не благоприятствует изготовлению железа. Оно еще не готово, однако как только будет изготовлено, pošлю тебе. А пока что посылаю тебе одно железное лезвие для меча».

Подлинной причиной этого вежливого отказа вряд ли была нехватка железа. Хеттские войска всегда имели в достатке железное и стальное оружие. С ним отправлялись они во все новые и новые грабительские походы, на охоту за

людьми. «Когда я, Солнечное Светило, покорил всю страну Арзаву, — читаем мы в одной из царских годовых записей, — привел я в царский дом в качестве добычи людей, всего 66 000 человек. А сколько людей и скота всякого захватили военачальники, воины и колесничие — и сосчитать было невозможно».

Однако около 1200 г. до н. э. звезда Хеттского государства закатилась: страну наводнили «народы моря», кочевые племена неизвестного происхождения, жертвой которых несколько позже едва не стал и Египет. Вероятно, к тому времени многоязычную, многоплеменную державу ослабили и внутренние распри.

Но прозябавшие на развалинах хеттской державы небольшие царства еще долгое время славились как производители железа. Ассирийцы даже еще в 800 годах до н. э. нуждались в них.

КУПЦЫ, ВОИНЫ, ТИРАНЫ

Страну, которая когда-то была известна как *Ашшур*, мы называем унаследованным от греков названием *Ассирия*. Но важно не имя, а то, что дали эта страна, этот народ миру.

Несколько цитат, показывающих, как восхваляли себя ассирийские цари.

«Воинов его я заколол 4 раза по 3600 человек: тех, кто остался в живых, я, выколов им глаза, взял в плен».

«Жители города Хиримм, моего заклятого врага, были зарезаны, ни один из них не остался в живых. Трупы их, повешенные на столбах, стеной окружали город».

«34 сильных города, а также небольшие города, которым и числа нет, я осадил, захватил, опустошил, разрушил, сравнял с землей, предал огню. Дымом от пожаров, как страшным ураганом, покрыл я свод широкого неба».

«Я засыпал вражеских воинов дождем стрел, превратив их тела в решето... Я перерезал им глотки, как баранам. Как нить, перерезал я их драгоценную жизнь. Как бурный поток, разлившийся от дождей в пору созревания, так текла по широкой земле их кровь, пролитая мной. Горячие кони моей упряжки шли в потоке их крови, как по реке. Колеса моей боевой колесницы, давящей все злое и плохое, купались в их крови и испражнениях. Трупы их воинов, как трава, завалили поле. Срезав как огурцы их детородные члены, в ничто превратил я их детородную силу. Руки им я отрезал».

«Оставшееся население... я перебил. Разрубленным мясом их тел я накормил собак, свиней, волков, стервятников, птиц небесных и рыб в пресноводном море».

«Царь Аравии, Уайте... попал ко мне в плен. Вознеся свою руку, которую я привык поднимать для покорения своих врагов, и взяв в нее по приказу бога Ашшура и богини Нинлилы свой кривой нож, я располосовал ему лицо, приказал надеть на него узду, посадил его на собачий ремень и держал его в клетке у восточных ворот, находящихся в центре Ниневии, у ворот, имя которым «Ворота шествий народов».

«Арму... в ходе битвы попал ко мне в руки живым. В Ниневии, в городе моих владений, содрал я с него кожу».

Три последние цитаты принадлежат царю Ашшурбанипалу (669—633 г. до н. э.). Но этот же самый царь основал в Ниневии самую большую библиотеку тогдашнего мира, собрал в ней — в оригиналах или копиях — всю шумерскую и аккадскую литературу, которую тогда

«Я, Ашшурбанипал, владыка Вселенной, царь Ассирии, которого бог Ашшур и богиня Нинлил наделили исключительной властью».

еще можно было отыскать, религиозные тексты и другие древние записи. Ему главным образом мы обязаны тем, что сохранился эпос о Гильгамеше и другое бесценное наследие древних народов Междуречья. Этот кровожадный зверь, это чудовище, сдиравшее с людей кожу, был начитанным человеком, занимавшимся исследованием глубин прошлых времен.

Страну его другие народы называли львиным логовом, а столицу ее, Ниневию, городом крови. Пока жил Ашшурбанипал, никто, от Элама до Египта, от Вавилона до Урарту, не осмеливался безнаказанно выступить против него. А когда он умер, потребовалось лишь два десятилетия, чтобы навсегда распалась ассирийская держава и мидийские завоеватели сравняли Ниневию с землей.

Погребенной под руинами, а позже под песком оказалась и прославленная библиотека. Много табличек разбилось, но много и сохранилось. По крайней мере такую пользу принес человечеству народ бога Ашшура.

Это произошло в конце 600-х годов до н. э. Для Ассирии это были ее последние дни, львиное логово, имевшее за собой полуторатысячелетнее прошлое, созрело для гибели.

Первоначально это было скорее гнездо конных пастухов и купцов. Когда в Шумере в основном жили еще шумеры, территорию позднейшей Ассирии населяли хурриты. Здесь, в самом верховье Тигра, было в достатке камня, меди, дерева. Связав деревья в плоты, их сплавляли в Аккад и Шумер. Нагруженные камнем, медью плыли отсюда по реке такие кожаные корабли, которые много позднее видел и описал Геродот: «Корабли, которые плывут по реке к Вавилону, все круглые и сделаны из кожи. Жители Армении, лежащей на север от Ассирии, рубят ивы, делают из них остов судна; остов обтягивают распяленными толстыми кожами. У изготовленных таким способом водных средств передвижения нет ни кормы, ни носа; они круглые, словно щиты. Дно их застилают тростником, кладут на этот настил товары и так спускают их на воду... Каждое судно берет с собой живого осла, а те, что побольше, даже и нескольких. Когда корабельщики, прибыв в Вавилон, выгрузят свои товары, то остов своих кораблей и тростник они продают, а кожи нагружают на ослов и так возвращаются в Армению. Поступают они так потому, что течение реки столь стремительно, что вверх по течению плыть невозможно».

Конная охота Ашшурбанипала. Рельеф из царского дворца в Ниневии. VII век до н. э.

Шумеры в то время даже основали на территории позднейшей Ассирии город-государство.

У них научились торговать жившие здесь хурриты? Или торговать начали не шумеры, а поселившиеся среди них аккады, которые вместе с родственными им племенами амореев со временем размножились здесь так же, как в Шумере?

Этого мы не знаем. Но знаем, что уже в XIX веке до н. э. во множестве двигались по дорогам хитроумные купцы города Ашшур, что они закладывали поселения, торговые базы далеко за рубежами своей страны, вблизи более крупных чужеземных городов, чтобы продавать там свои товары. В Малой Азии продавали они, главным образом, ткани, выделанные в Междуречье, покупали же серебро, медь, свинец, кожи, шерсть и т. п.

Повсюду в этих поселениях имелось доверенное лицо ашшурского совета, взимавшее пошлины за торговые операции. Метрополия была и далеко, и близко: власть ее распространялась на всех купцов, где бы ни продавали они свои товары.

Далеко распространялась власть метрополии, так как жители ее относились к тем уже

ранее занимавшимся коневодством народам, которые покорили казавшиеся ранее неодолимыми расстояния. Из 1700-х годов до н. э. дошли до нас письма ассирийского царя, «владыки вселенной» Шамшиадада, аморея по происхождению, к сыну, Яшмахададу. Молодой царевич управлял «хозяйством» захваченной в Северной Сирии провинции, лежавшей километрах в пятистах на запад от его родного города. Из писем выясняется, что не в последнюю очередь занимался он коневодством и приучением лошадей к хождению в упряжке, в боевых колесницах. Для колесничих он устраивал временами большие соревнования: это были, вероятно, первые в мире конские бега. Но проходили колесничие и через более серьезные испытания, например когда надо было степные пастушеские племена целиком, от мала до велика, со всем их скотом согнать в одно место, чтобы иметь возможность пересчитать их и наложить на них поборы. Без лошадей, без боевых колесниц это вряд ли оказалось бы выполнимым, но и с их помощью операция часто проходила нелегко: кочевые племена предпочитали бежать на край света, только бы не попасть в сети грабителей.

А ведь сколько народов еще попало в сети сидящей на конской колеснице Ассирии!

Древние ассирийцы еще не были так бесмысленно жестоки. Доказывает это и одно из писем Шамшиадада. Он предостерегает сына, чтобы тот не отбирал у одного степного племени земель, лежащих вдоль Евфрата, и не разделял их между своими подданными. «Не раздавай никаких земель, лежащих на берегах Пуратту. По древнему обычаю, человеку причитается то, что принадлежало ему и раньше. Не нарушай никаких межей. Земли же умерших и убежавших, измерив их, дай тем, у кого земли нет!»

Но по мере роста могущества Ассирии все меньше становились терпение и мудрость ее правителей.

Хурриты постепенно растворились в массах аккадов и амореев, говоривших на своеобразном ассирийском диалекте. Но традиции коневодства в стране сохранялись, и когда распалось царство Митанни, а могущество Вавилона ослабло, настало время ассирийцев. Они начали раздвигать свои границы на восток, запад и север. Предавали огню и мечу города, посыпая солью то место, где они когда-то стояли; в каждой покоренной стране они набирали мешок

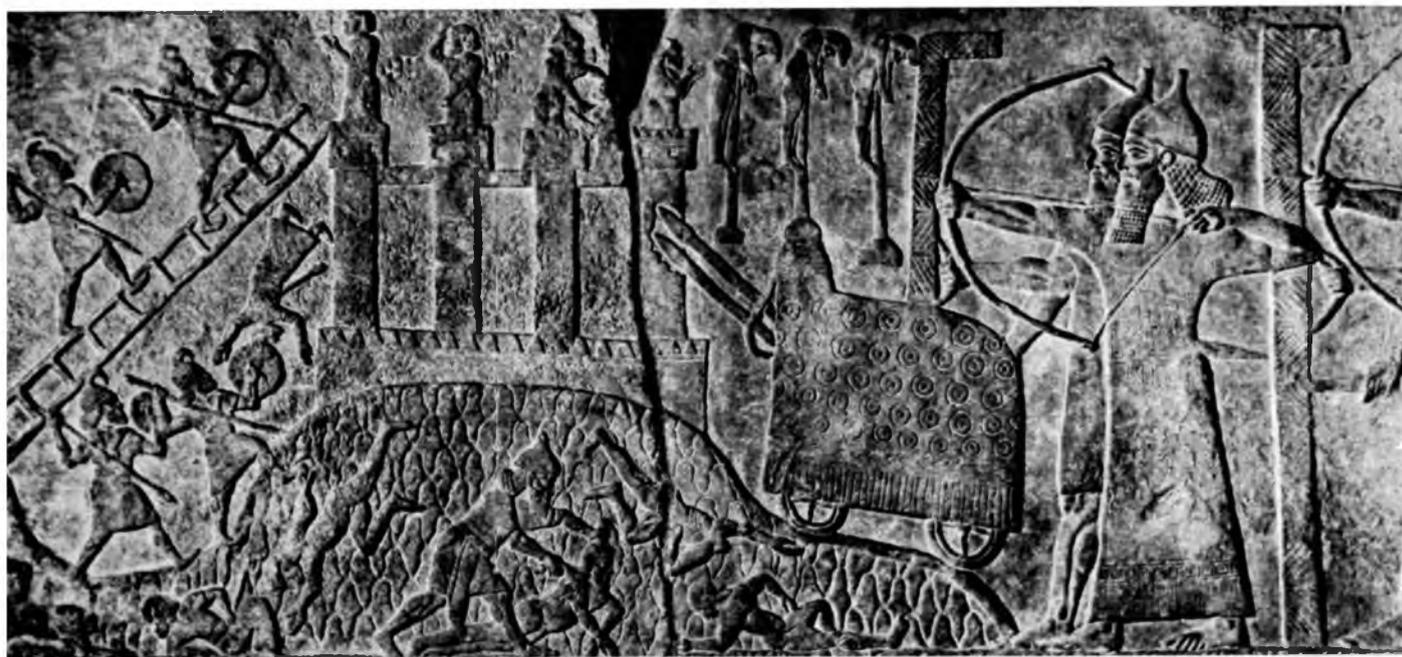
земли, везли ее на родину и высыпали у ворот города Ашшур в знак того, что он всегда будет господствовать над этими землями. Они накладывали дань, забирали рабов, угоняли стада овец, а врагов своих убивали, как баранов.

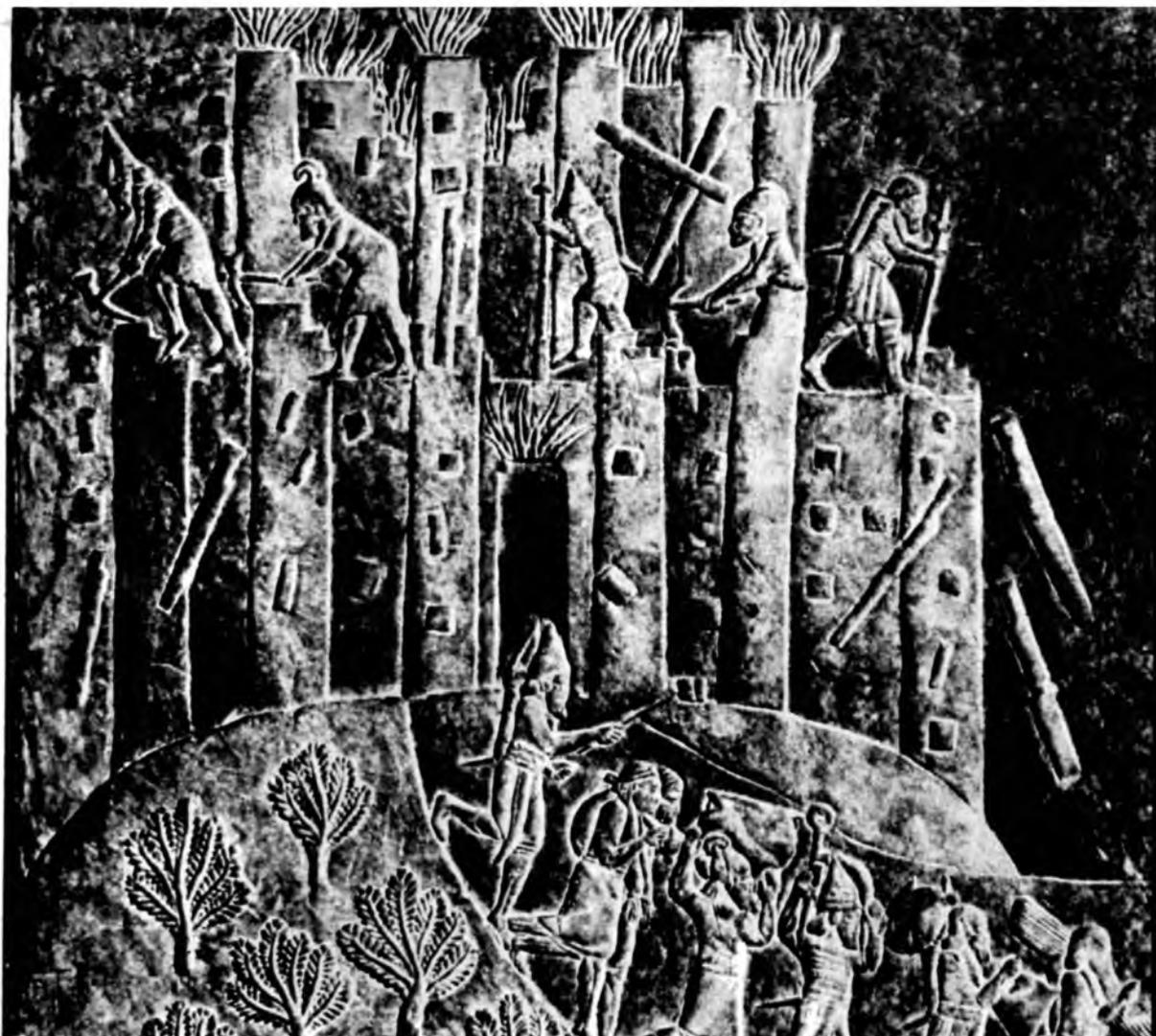
Или в те времена все завоеватели поступали подобным образом?

Возможно. Но ассирийцы были более талантливы в ведении войны и поэтому с большим успехом убивали, грабили, захватывали добычу.

Разводить лошадей, сражаться на повозках научились уже и другие народы. Несущиеся верхом, быстрые как молния малочисленные отряды, легко одолевающие небольшие препятствия, первыми начали использовать в сражениях не ассирийцы, хотя они были одними из первых, кто использовал всадников не только как разведчиков, посланцев, наездников, но и как настоящую конницу, посылая их в битву для неожиданного нападения с тыла на боевой строй пеших воинов, вооруженных копьями, щитами, луками, или для преследования спасающихся паническим бегством. И железным оружием были вооружены не только ассирийцы, хотя и здесь им удалось достигнуть некоторого преимущества перед другими народами.

Ассирийский царь Тиглатпаласар III (745—727 г. до н. э.) осаждает неприятельский город. Заслуживает внимания стенобойное орудие на колесах, находящееся справа. Одержавшие победу ассирийцы не щадили ни одной живой души.

Разрушение города Хаман. Ассирийские завоеватели поджигают дома, ломают стены и угоняют остатки населения в рабство.

Ассирийцы были по-настоящему великими в военном искусстве. Например, в искусстве осады крепостей: в конструировании осадных сооружений, орудий и прочих подобных средств, в их перевозке, быстрой сборке, приведении в действие, благодаря чему не раз противник не успевал еще ничего заметить, как ассирийцы уже были по ту сторону оборонительных стен. Они превосходно умели строить огражденные военные лагеря, крепости, мосты, чинить дороги, чтобы идущие вперед отряды было легко снабжать всем необходимым; передаваемыми ночью огненными знаками они быстро посы-

лали сообщения, хоть на тысячу километров, а когда продвигались по незнакомой местности, всегда были у них надежные лазутчики, проводники.

И ко всему этому присоединялась *молва* о них. Что они щадят, не убивают жителей городов, сдающихся им добровольно, но там, куда врываются силой, путем осады, не милуют даже младенцев. Лучше поэтому склониться пред ними, заплатить сначала одноразовую дань, в большинстве своем много повозок серебра, а потом и тяжелые ежегодные подати. Лучше позволить увести часть мужчин, женщин, детей

в рабство, цвет юношей — в солдаты... лучше, чем погибнуть всем до последнего человека, стать пищей стервятников, воронов, гиен.

Так раздвигала свои границы ассирийская держава, особенно после того, как утихли волны переселения арамейских народов; так, наконец, проглотила она и Египет; так со временем становилась она все деспотичнее, все более ненасытной, все более кровожадной и жестокой.

Покорять народы, разбивать войска, осаждать города было легче, чем долгие годы держать в узде, в постоянном трепете столько народов стольких стран.

Ассирийцы по-настоящему были спокойны лишь в отношении мертвых. Эти уже не бунтуют, не замышляют против них ничего плохого.

Даже тех, кого оставляли в живых, они обычно угоняли из родных мест. Исключение составляли совсем неимущие бедняки, которых и они не боялись. Целые народы угоняли они в далекие края, не раз в цепях и колодках, голыми, в чем мать родила. Идущих конвоировали всадники, которые пиками закалывали падав-

ших от голода и жажды, отстающих из-за усталости или болезней, чтобы не задерживали они остальных. Тех, кто выживал в этих тяжелых переходах, поселяли в качестве рабов среди других народов, часто разделив на маленькие группы. Тогда уже не надо было опасаться, что они осмелятся бунтовать, убьют своих надсмотрщиков и скроются. Ведь все равно они не смогли бы добраться до дому живыми.

На некоторое снисхождение могли рассчитывать только народы, группы, племена, доказавшие на деле, что являются «людьми Ашшура»: не только выплачивают полностью тяжелую дань, но еще и помогают душить любые брожения.

На них опирались те ассирийские гарнизоны, которые из специально в этих целях построенных крепостей строго следили за всеми закоулками державы и ревниво охраняли порядок.

И все же порядка и спокойствия не было: то здесь, то там вспыхивал огонь мятежа. Страдала от внутренних распрей и сама метрополия, Ассирия. Две партии, купцов и воинов, враждовали между собой, и каждая старалась перетянуть царя на свою сторону.

Иудеи, захваченные в плен в городе Лакис, молят о пощаде. Рельеф из дворца Синахериба в Ниневии. Начало VII века до н. э.

Купцам по прошествии некоторого времени уже ни к чему были разрушения и уничтожения. Им нужны были мирные провинции, цветущие города с ремесленниками, вырабатывающими хорошие товары, усердными виноградарями, садовниками, возделывающими оливы, смоковницы и финиковые пальмы, чтобы и они могли наживаться подле богатеющих городских жителей.

Воины хотели только грабить. Снова и снова и все больше и больше. Главным образом, грабить города, ведь именно в них находились золото, серебро и другие сокровища.

Воинам было безразлично, что города сотнями превращаются в пепел, в развалины. Они беспощадно уничтожали не только население, но и вырубали виноградники и плодовые сады, только бы не дать жизни возвратиться в обрушившиеся стены.

Воины знали на опыте: горожане — главные мятежники. Сельские жители покорнее склоняют головы перед вооруженной властью.

Воины не боялись, что уменьшится число поддающихся грабежу городов. Нападут они на новые страны!

Купцов это не утешало. Даже бесчисленное множество сокровищ, притекающих в царство, не могло заставить их забыть о том, что за это не желающее иметь конца опустошение однажды наступит расплата.

Воины достигли своей цели: царь оставил Ашшур, древний большой торговый центр, и основал новую столицу. Достигли они и того, что он отобрал привилегии у самых больших ремесленных и торговых городов Междуречья.

Воины пожарили деньги. Военачальники не могли позволить, чтобы купающиеся в золоте и серебре Вавилон, Сиппар, Ниппур и другие страны не платили бы налогов.

Вавилон еще и тогда был центром мира. Населяли его ремесленники, торговцы, банкиры, ученые, жрецы. Сами ассирийцы всему, от умения читать и писать до математики более высшего порядка, от различных ремесел до различных волхований, в сущности, научились у Вавилона. Этот город и относящуюся к нему Вавилонию вначале и не терзали так, как другие города и провинции. Когда удалось объединить их с Ассирией, некоторое время им позволили и дальше жить по-своему, не неся особых тягот.

Но затем ассирийцы все-таки восстановили вавилонян против себя. В царствование Синахериба (705—680 гг. до н. э.) между ассирийцами

и вавилонянами шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Этот царь, по его собственным словам, был «защитником права», человеком, «который любит справедливость, оказывает благодеяния, подряжается в помощь слабому, который всегда поворачивается к добру, совершеннейший герой, смелый муж, первый среди царей, тот, кто разбивает своих противников и поражает молниями зло...».

Ассирийский царь Саргон II, который, помимо прочего, разрушил и Израильское царство (722 г. до н. э.), поставил перед входом в свой дворец в Дур-Шаррукине крылатых быков с человеческими лицами. Каменные чудовища весом в 21 тонну каждое хранятся сейчас в Париже, в Лувре.

Вавилон был знаком скорее с его молниями, чем с добротой. В первый раз Синахериб захватил и разграбил Вавилон в 702 г. до н. э. Кроме золота, серебра и драгоценных камней «я захватил 208 000 человек, взрослых и детей, женщин и мужчин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, волов и овец без счета, с огромной добычей вернулся я в страну Ашшура», — гласит одна царская надпись. Во второй раз Вавилон попал ему в руки в 689 году до н. э., но уже ценой долгой осады. Чтобы наказать вавилонян за сопротивление, Синахериб приказал своим войскам вывезти в Ассирию скульптурное изображение бога Мардука, затем повелел открыть шлюзы каналов и затопил город водой, а оставшихся в живых жителей расселил по отдаленным провинциям.

Но державе не хватало Вавилона. Напрасно с такой заботой строил и украшал Синахериб свою столицу, Ниневию (он постановил даже, что тех, кто строит не по правилам и нарушает прямую линию улицы, следует сажать на кол на крышах их собственных домов), ничто не могло возместить «ворот бога», Бабили. Ассирийские купцы не могли обойтись как без тысяч различных товаров, вырабатываемых ранее ва-

С одним маленьким узелком на плечах отправляются переселяемые жители на новые места. VII век до н. э.

вилонскими мастерами, так и без богатых грузов, доставляемых в Вавилон со всех концов света на кораблях и караванами.

Лишь только Синахериб умер (заговорщики убили его в храме, когда он молился), Вавилон вновь начал отстраиваться. Сам новый царь Ашшурахиддин, сын Синахериба, переселил обратно в Вавилон угнанных оттуда одиннадцать лет назад жителей, конечно, тех из них, кто еще был в живых. «Проданных в рабство, — говорится в посвященной этому событию царской надписи, — находящиеся в кандалах и оковах я собрал и вписал в число жителей Бабили. Я вернул им имущество, забранное у них в качестве трофеев. Голым дал одежду и направил их шаги на дорогу, ведущую в Бабили. Жить в этом городе, строить дома, ухаживать за посадками, рыть каналы — к этому поощрял я их сердца. Вернул я им утерянную свободу».

Доброе сердце вынудило к этому Ашшурахиддина? Скорее мудрое благоразумие. Он не оставил без внимания пожелания купцов, хотя продолжал и грабительские походы, и принудительное переселение народов державы. «Те, кто, пытаясь спасти свою жизнь, бежали на середину моря, не избежали моих сетей, не спасли своей жизни. Быстроногих, решивших взобраться высоко в горы, я выловил, как птиц, и отрубил им руки... Тех, кто жил у моря, по моему указу переселили в горы, тех, кто жил в горах, — к морю».

Ашшурахиддин захватил и северную часть Египта, дельту. Мемфис он, будто бы, взял за полдня, подкопав стены, сделав в них проходы и вознеся осадные насыпи. Потом разграбил его и поджег. В Египет он назначил «царей, правителей провинций, полномочных доверенных лиц, надсмотрщиков портов, посланцев» и определил ежегодный налог — 180 килограммов золота и 9 тонн серебра. Но египтяне, по видимому, сочли налог слишком тяжелым, потому что через два года Ашшурахиддину пришлось вновь выступить в поход против них, но в пути он заболел и умер.

Его сыном и преемником был уже упоминавшийся выше Ашшурбанипал, великий основатель библиотеки, который в нижней части некоторых табличек похвалялся тем, что его, царя Вселенной, боги Набу и Ташмету наградили огромными ушами и ясным взором, т. е. сделали так, чтобы он слышал и видел всю мудрость. Умение писать сделало его «самым вы-

Побежденные арабы, спасающиеся верхом на верблюде (из дворца Ашшурбанипала в Ниневии).

дающим из писцов». С гордостью он пишет: «Из предшествующих мне царей никто не овладел этим искусством».

Но все его знания и мудрость не мешали ему разделять безумства его предшественников. Карательные и грабительские походы продолжались и дальше, ассирийские войска в долине Нила дважды доходили до сказочно богатого Васета (Фив), на востоке трижды захватывали и грабили столицу Элама, Сузу. Воевали ассирийцы и с финикийскими городами, и с горными жителями Азербайджана, и со степными племенами Аравии, а также со вновь восставшим против них Вавилоном, с которым и Ашшурбанипал никогда не мог жить в мире дольше пятнадцати лет, хотя в нем правил его собственный брат, Шамашшумукин.

В Сау, по-гречески — в Саисе, и других городах Египта завоеватели «убили и взрослых, и детей, всех до последнего человека. Трупы повесили на столбах, кожу с них содрали и пове-

сили на городских стенах». Но все же Египет вскоре отпал от Ассирии. В Эламе трупами казненных пленников, «как кустами шиповника и лопухами», завалили все окрестности Сузы, кровью их окрасили воду реки Улаи. Даже кости древних царей Элама выкопали из могил и увезли в Ассирию, вместе со всеми сокровищами дворцов и храмов, с толпами угоняемых в рабство жителей, стадами скота. В Аравии спасающихся от ассирийского оружия загнали в горы и поставили стражу у каждого водоема и родника, чтобы они или погибли от жажды, или, дойдя до того, что стали пить кровь и мочу своих верблюдов, — сдались бы. Вавилон вынудили встать на колени голодом, а потом, когда Шамашшумукин сам поджег свой дворец и погиб в огне, а город сдался, продолжали без пощады убивать тех, кого еще не унесли голод, бедствия, мор.

Ассирия казалась такой могучей, как еще никогда. Народы трепетали перед ней, покоренные

Спасаящиеся бегством эламиты (из дворца Ашшурбанипала в Ниневии).

цари бородами мели землю, целуя ноги Ашшурбанипала.

Однако спустя одно поколение Ниневия уже была грудой развалин. Поверженный Вавилон вновь поднял голову и после смерти Ашшурбанипала сначала отпал от державы, а потом организовал против нее союз с участием становящегося все более могущественным иранского народа, мидийцев, который навсегда сокрушил мощь ассирийцев.

Теперь уже их резали, как овец, сгоняли в кучу, как скот, угоняли в чужие земли, принуждали к тяжелому рабскому труду. Те, кто остался на родине, смешались с толпами переселившихся с запада арамейцев. Еще долго называли страну Ассирией, но сами ассирийцы исчезли гораздо раньше, чем те народы, которые они угнетали, терзали, уничтожали огнем и мечом.

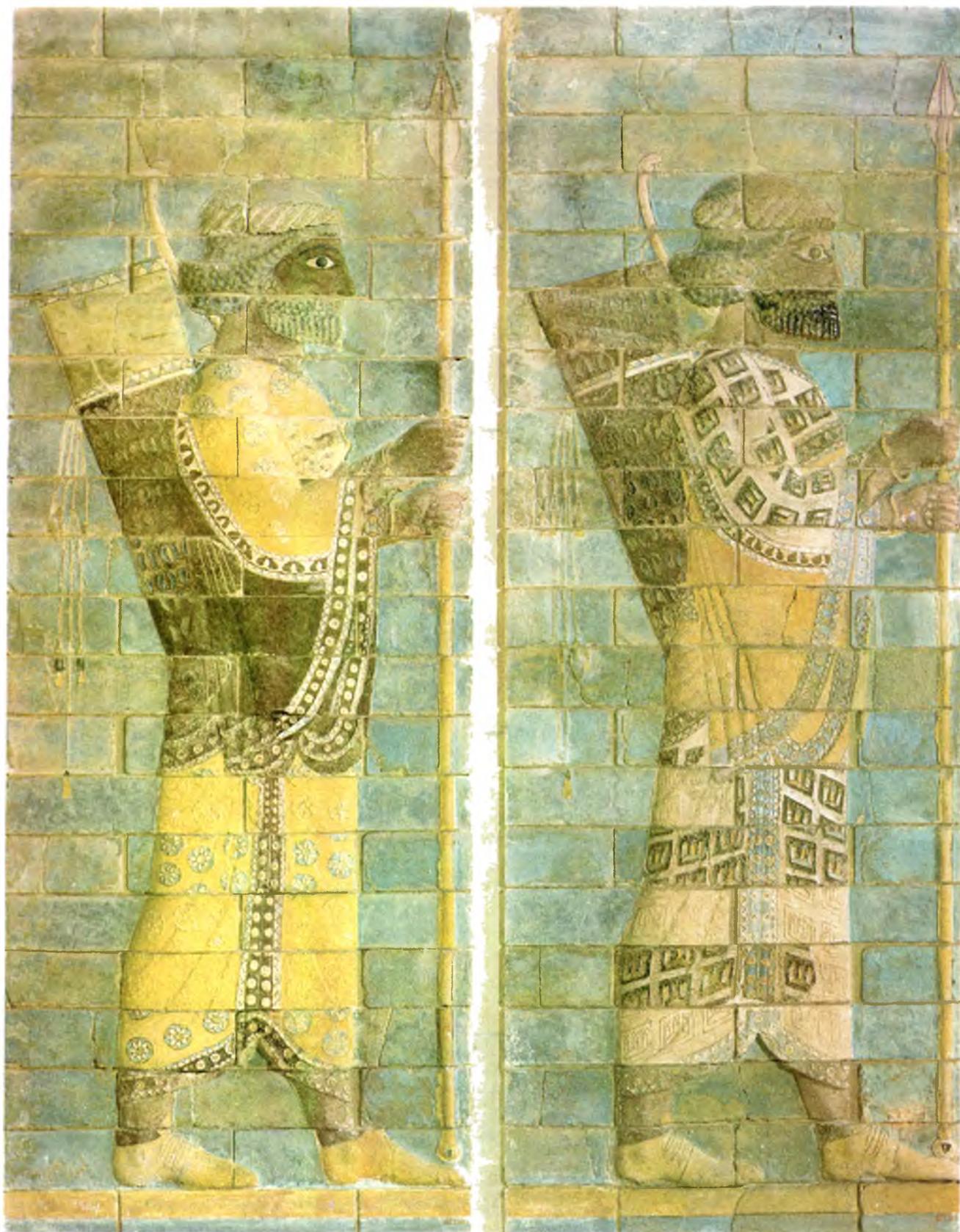
СОКРОВИЩА ДАРИЯ

Богатства ассирийской державы поделили между собой вавилоняне и мидийцы. Поделили они между собой и саму Ассирию: Ашшур достался Вавилонии, развалины Ниневии — Мидии. Граница шла от Персидского залива до северо-восточного уголка Средиземного моря таким образом, что Междуречье, Сирия, Финикия, Палестина и Аравия подчинялись царству куп-

цов, Вавилону, а северо-восточная, горная часть — новой державе всадников, Мидии.

Вавилон жаждал прочного мира. Он не хотел стать новой Ниневией, городом крови, львиным логовом. Сокровища свои он хотел умножить не грабежами, а трудом своих ремесленников, торговлей своих купцов и налогами, из года в год все более усердно собираемыми с народов державы. Самым горячим желанием правителей Вавилона было отстроить вновь достойным их главного бога, Мардука, образом знаменитый башенный храм, Вавилонскую башню, которая уже «устарела и стала разрушаться». Как писал один из них: «От господина моего, Мардука, получил я повеление поставить основание храма на груди подземного мира, вершину же его поднять до небес».

До тех пор пока вавилонянам удавалось жить в мире с мидийцами, воевали они немного. После раздела Ассирийского царства скифы и другие конные народы северных степей — иранские, кавказские, малоазиатские горные племена и мелкие царства, которые доставляли ассирийцам так много хлопот, теперь причиняли их мидийцам. Вавилону надо было в основном заниматься только своими подданными, не слишком жадно сосать их кровь, не толкать их к мятежам, ну и еще следить за Египтом, чтобы не появилось у него желание раздвинуть свои границы в сторону Азии и разжигать с этой

Персидские копыеносцы. Мозанчный рельеф из облитного кирпича из дворца персидских царей в Сузе. До 500 г. до н. э.

целью недовольство среди палестинцев, финикийцев, сирийцев.

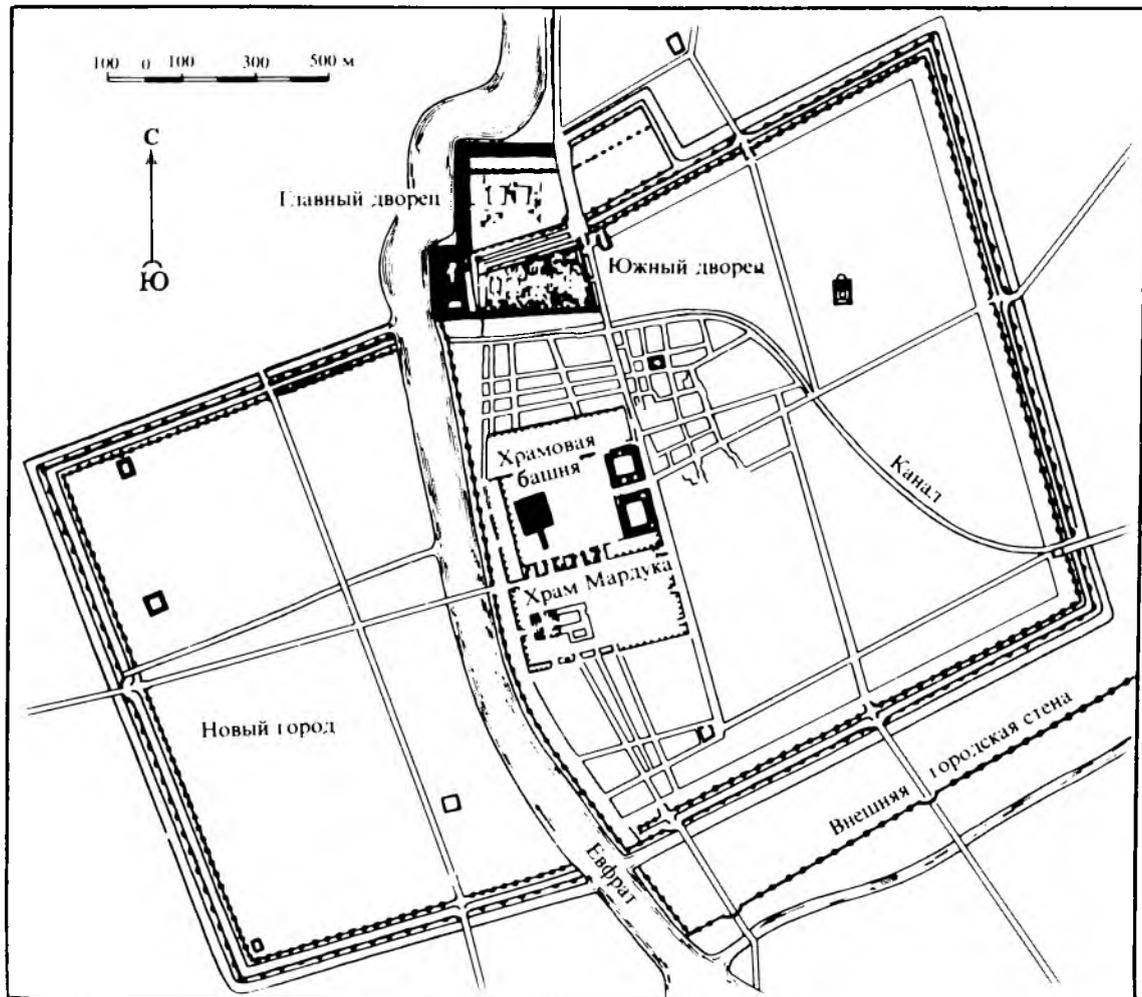
Царь Набу-кudurри-уцур, более известный по библейскому его имени Навуходоносор, из-за брожений в Египте дважды вел в этой местности войны, дважды захватывал Иерусалим (в 597 и 586 гг. до н. э.). Он разграбил город, превратил храм в развалины, разрушил крепостные стены и оба раза увел большое число иудеев в плен, к «рекам вавилонским».

Согласно много позднее возникшей и записанной легенде, он увел и Даниила, которого воспитывал при своем дворе как знатного юношу и который впоследствии стал толкователем снов, прорицателем, одержимым видениями пророком. Когда однажды царь увидел обеспокоивший его сон, только Даниил смог его разга-

дать. А привиделся царю истукан, «голова которого была из чистого золота, грудь и руки — из серебра, чрево его и бедра — медные, голени — железные, ноги частью железные, частью глиняные». Потом «без содействия рук оторвался от горы камень, ударил по истукану, по железным и глиняным его ногам и разбил их. Тогда все сразу раздробилось: железо, глина, медь, серебро, золото и сделалось как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, стал великою горою и наполнил всю землю».

Подобно истукану из царского сна распалась через некоторое время и златоглавая держава Новая Вавилония. Не просуществовала она после падения Ассирии и ста лет. Пророк Даниил будто бы и тогда еще жил при дворе, уже

План города Бабилу (Вавилона)

глубоким старцем. На пиршестве царя Белшарусура, по Библии — Валтасара, в самый разгар пира появилась человеческая рука, начертанная на выбеленной известью дворцовой стене напротив лампы таинственные слова: «Мене, текел, перес». Даниил сумел разгадать их: «Мене — исчислил бог царство твое и положил конец ему; текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; перес — разделено царство твое и дано мидянам и персам».

Дальше в Библии рассказывается, что еще той же ночью Валтасар был убит и Дарий захватил страну. Из греческих источников мы знаем, что персы захватили Вавилон внезапным ночным штурмом, но перед тем они уже свергли и подчинили себе мидийское царство. Но тогда царем персов был Куруш (Кир по-гречески, Кир по-русски), а не Дарий. Согласно преда-

Персидский и мидийский телохранители. В одежде их видны характерные различия (из дворца персидских царей в Персеполисе).

ниям, Кир отвел воду текущего через город Евфрата в специально вырытые для этого каналы, чтобы через сухое русло реки пробраться со своими войсками за считавшиеся неприступными крепостные стены Вавилона. Кир знал, что в эту ночь в городе состоится празднество, будут пить, веселиться и никто не будет находиться в боевой готовности. Ему удалось застать вавилонян врасплох, забраться в царский дворец, а потом с отрядами всадников захватить и весь город. Узнав о случившемся, на рассвете сдалась персам и стража крепостных стен.

Так ли это было, мы не знаем, известно лишь, что захват Вавилона обошелся без большого кровопролития; Кир с гордостью заявляет в надписи на глиняном валике, что сам верховный бог Мардук отдал ему в руки черноголовых. «Без боя и борьбы открыл он ему дорогу в Вавилон... Все жители Вавилона, вся шумерская и аккадская земля, сановники и наместники склонились перед Киром, целовали ему ноги, радовались его власти, сияли счастьем их лица».

Как бы то ни было, Вавилон был повержен (в 538 г. до н. э.), и персы стали властителями такой державы, которая со временем превзошла ассирийскую: на востоке ей принадлежал весь Иран и даже часть Индии, на западе она покорила себе и Египет, и не на несколько лет, а с небольшими перерывами в общей сложности почти на два столетия.

Как и мидийцы, персы были иранским конным народом, но жили они не в окрестностях сегодняшнего Тегерана, а дальше на юг, в горах и на плоскогорьях восточного берега Персидского залива. Некоторое время персы сражались в качестве вассалов в войнах, которые вели мидийцы, потом положение переменялось, и уже мидийцы по велению персов шли, когда было нужно, в бой. Но, конечно, вместе с персами в военные походы ходили не одни только мидийцы, но и другие народы. Персы и мидийцы, вместе взятые, включая женщин, детей, стариков, вряд ли составляли более миллиона человек, сами они не могли бы выставить столько воинов, чтобы господствовать от Индии до Египта.

Хотя господствовали они не только с помощью оружия. Создатель державы — Кир — уже в первый год своего правления дал позволение вернуться на родину угнанным в плен народам, в том числе переселенным в Междуречье иудеям. Приказал он также вернуть всем

Гробница создателя персидской державы Кира II Великого. Пасаргады.

священным городам захваченные Вавилоном в качестве военной добычи и в Вавилоне хранившиеся изображения богов, золотые и серебряные сосуды для жертвоприношений, чтобы каждый народ беспрепятственно мог поклоняться своим кумирам, а жрецы каждый день просить в своих молениях долголетней жизни царю.

Ассирийцы, и в некоторой степени и вавилоняне, старались обезглавить народы: лишить их религиозных, светских и военных вождей, сделать так, чтобы не было у них людей высокого и низкого ранга, не было ни своих судей, ни своих грамотеев, ни ремесленников, ни горожан. Послушный нищий народ должен оставаться без вождей, беспомощным, беззащитным, тогда не надо опасаться, что он выйдет из повиновения. Более того, он даже будет благодарен завоевателям, так как получит дома, земли, виноградники, оливы, колодцы, воинов своей разбитой и угнанной в плен армии.

Правда, много раз угоняли в плен и бедняков, но все-таки обычно уводили тех, у кого было какое-то имущество.

Если бы ассирийцы и вавилоняне поступали умнее, то эта политика «держать сторону бедняков» могла бы принести полезные плоды.

А так она приносила только распад и разруху, гибель городов, вымирание целых провинций, особенно во время ассирийского владычества.

Персы мыслили по-иному. Пусть каждый народ поклоняется своим богам и чтит своих господ. Пусть будут у него свои жрецы, начальники, своя знать, свои богачи, и пусть они помогают облагать налогами простой народ, привилегированные — непривилегированных.

По крайней мере, Кир сразу так начал свое правление. Он знал, что в Вавилоне самый большой вес имеют слова жрецов, поэтому с подобающим смирением поклонялся он великому Мардуку и заботился о благополучии всех храмов и святилищ. Но столь же щедрым был он и позднее: не возражал против того, что и местные храмы, местные власти наживаются, собирая в свою пользу налоги.

Так возникла эта огромная держава.

О Кире мы, собственно говоря, достоверного знаем мало, но известно, что войска свои он

учил, главным образом, сражаться врукопашную. Мидийцы больше доверяли своим стрелам, Кир — рукам и мечам своих воинов. Он и всадников учил: если обстоятельства требуют, всадники должны спешиться и сражаться на земле. Но берег своих воинов: «Он приказал, например, изготовить боевые колесницы нового типа, более широкие, более крепкие, чем прежние, и запрягать в них по четыре, шесть, иногда даже по восемь лошадей. На осях с обеих сторон были прикреплены железные сабли длиной в два локтя, другие же, под осями, острием к земле, чтобы возникшие так врывались бы в ряды неприятеля».

Строили персы и башенные повозки, менее подвижные, но, пожалуй, еще более грозные, в которые запрягали восемь волов. Повозки были в несколько этажей, с брустверами, с высоты которых двадцать воинов сеяли смерть в боевых рядах неприятеля. Память о вооружении персов до нас донесли шахматные фигуры: о катящихся на колесах башнях — ладья, или тура, о всадниках — конь, о воинах на колесницах — офицер. Однако большинство выступавших в поход воинов и дальше сражались в пешем строю, поэтому и на шахматной доске больше всего пешек.

Египет был завоеван только в 525 г. до н. э. царем Камбизом. Это было уже после того, как его отец, Кир, погиб в степях в окрестностях Аральского моря в борьбе против тамошних конных племен.

По словам Геродота, Камбизу помогли и арабы: наполнив бурдюки из верблюжьей шкуры водой, они принесли ее в пустыню, чтобы идущему в Египет войску было что пить. Так персам удалось проникнуть в долину Нила, и там — после победоносной схватки — овладеть сначала Менфером (Мемфисом), а потом и Сау (Саисом). Египетское войско перешло на сторону персов, а военачальник египтян, Уджагорресент, который славился и как врач, позднее снискал себе такие заслуги в глазах больного эпилепсией Камбиза, что своими советами смог уберечь сыновей своего народа от многих бед, нашедших на него «по причине страшного урагана, который разразился во всей стране». А больной царь становился все более невменяемым. Он отправился в ливийскую пустыню, чтобы захватить и далекий Карфаген, потом, когда ему удалось вернуться лишь ценой огромных потерь, двинулся вдоль Нила в сторону Эфиопии. В тылу у него вспыхнули мятежи,

в ответ на которые он казнил не только своего пленника фараона, но и — в тайне — своего младшего брата Бардию, опасаясь, что персы провозгласят его царем. Но вскоре и с ним покончила гангрена, которую он получил вследствие ранения.

Тогда на трон вступил мидийский маг, Лжебардия, который снова хотел возвысить мидийцев над персами. Для того, чтобы привлечь на свою сторону поработанные народы, он, по словам Геродота, провозгласил, что на три года все освобождаются от уплаты податей и несения военной службы. Но правление мага длилось лишь девять месяцев: семь знатных персов организовали против него в заговор и убили его в одной из мидийских крепостей.

Одним из семи заговорщиков был знаменитый впоследствии царь Дарий (522—486 гг. до н. э.). По-видимому, он добыл царство хитростью: согласно преданиям, однажды на рассвете все семеро выехали на конях с условием, что царем, избранником великого бога Ахурамазды, будет считаться тот, чей жеребец заржет первым. Первым заржал жеребец Дария, но лишь потому, что в ночь перед выездом конюший умело подготовил его, и конь уже знал, когда надо подать голос.

Или решение было принято по другим причинам? Все равно. Ведь настоящее большое испытание Дарию пришлось выдержать лишь после того, как он стал царем. В течение одного только года, чтобы осилить своих врагов, он должен был победить в девятнадцати битвах. После того как был убит мидийский маг, Дарий сначала покориł взбунтовавшихся эламитов, потом одолел в тяжелой борьбе вавилонян. Но пока он боролся с этими последними, от него отпала сама персидская метрополия, затем вновь восстали Мидия и Элам, подняли мятеж ассирийцы, египтяне, горные и степные конные народы Центральной Азии. Казалось, вся держава распадается. Но Дарий, одолев Вавилон, поспешил в Иран, расправился с вождями взбунтовавшихся мидийцев — кого посадил на кол, кого повесил, мидийских воинов забрал в свое войско, быстро послал воинов в помощь своему отцу, сражавшемуся в Парфии, одного из своих военачальников отправил в соседнюю Бактрию, другого — в Персию, и вскоре ему удалось повсюду расправиться с недовольными. Лагерь его приверженцев все возрастал, и хотя вавилоняне между делом опять попробовали отделиться от державы, подавить их теперь было

уже легче. Их вождей — по преданиям, около трех тысяч человек — посадили на кол, после чего все остальные провинции подчинились Дарию уже без борьбы

В высеченной на крутой Бехистунской скале надписи на трех языках — древнеперсидском, нововавилонском и эламском — подробно, в деталях рассказывается об этом потомкам, а затем говорится так: «Царь Дарий провозглашает: то, что я сделал, я сделал по воле Ахурамазды, всего за один год. Ты, позднее читающий эту надпись, можешь убедиться в том, что я сделал, и не считаешь это ложью... Царь Дарий провозглашает: жившие прежде цари за всю свою жизнь не совершили того, что я, по воле Ахурамазды, совершил всего за один год».

В другом месте Дарий называет себя уже не только царем, великим царем, но и царем царей. Но гордится Дарий и тем, что власть не вскружила ему головы, что он остерегается впасть в безрассудный гнев, который превращал его предшественника, Камбиза, в дикого зверя: «Я по натуре не неистов. Если я даже и гневаюсь, владею собой всей силой своей воли. Я строго управляю тем, что во мне происходит».

Перед Камбизом приходилось дрожать даже самым близким ему людям. Говорят, будто бы у одного из них он доверительно спросил, каким человеком считают его персы. «Мой повелитель, — ответил тот, — во всех отношениях они отзываются о тебе лишь похвально, не нравится им лишь то, что ты пьешь больше, чем надо». Царь вспылал: «Ах, так! То есть, по мнению персов, я пьяный безумец!» — Потом продолжал так: «Посуди сам, правду ли говорят персы или болтают, как глупцы. Вон стоит в преддверии зала твой сын. Если моя стрела попадет ему в самое сердце, то ясно, что персы болтают попусту». С этими словами он натянул свой лук и послал стрелу прямо в сердце юноши. Отец не только не осмелился издать стон, но еще и рассыпался в похвалах, чтобы спасти хотя бы свою жизнь: «Мой повелитель, я думаю, что сам бог не стреляет так превосходно».

Дарий был разумнее. Его принципом было: «Прежде чем поступить, я прибегаю к помощи разума и принимаю решение, так делаю я и тогда, когда вижу бунт, и тогда, когда бунта не вижу».

С гордостью упоминает Дарий, что все что он делает, делает открыто, чтобы все видели и слышали. «В этом моя сила, помимо моего разума и способностей к размышлению».

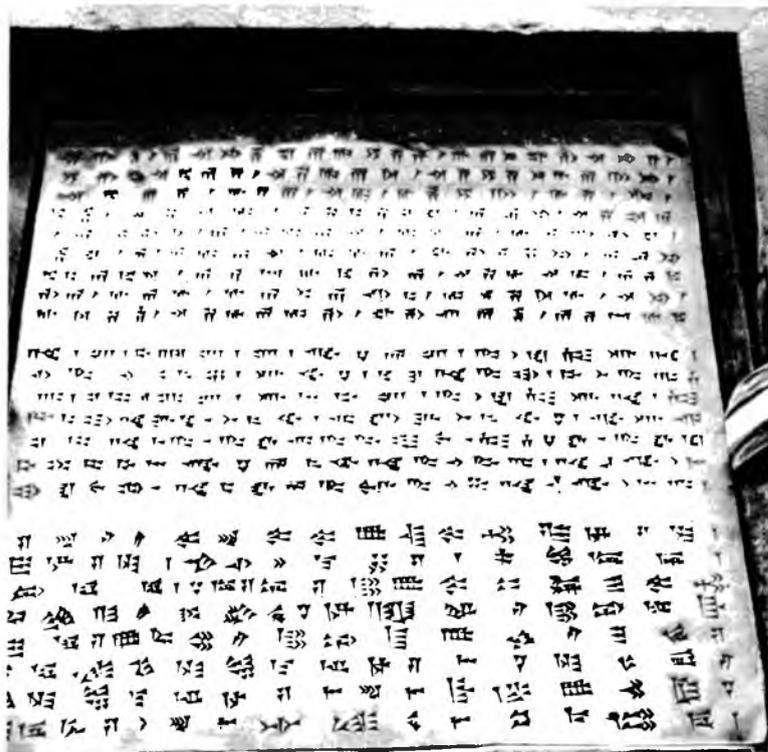
Изображение Дария во Дворце сокровищ в Персеполесе.

Конечно, и Дарий был деспотом, он не мог быть иным, являясь владыкой такой державы. Так, он казнил одного из семерых своих соучастников по заговору против мидийского мага, по слухам, только потому, что тот намеренно нарушил строгий церемониал, принятый при царском дворе. Но если верить похвальбам Дария, то он сделал это не в слепом гневе, а по трезвому размышлению.

Действительно, когда могущество его окрепло, Дарий правил так рассудительно, как очень немногие из подобных ему деспотов. Свою державу он разделил на двадцать провинций — сатрапий, во главе которых стояли

Золотая клинописная таблица времен Дария.

Дарий, сидящий на троне. Изображение на пилона «стоколонного зала» царского дворца в Персеполесе.

сатрапы. Им подчинялось все, кроме размещенных в провинциях войск: ни начальники горных крепостей, ни командиры гарнизонов в низинах не были им подвластны. Пятерых верховных военачальников Дарий выбрал из своих самых близких доверенных людей и над сатрапами тоже назначил главных должностных лиц из придворных. Это были «глаза и уши» царя. Военачальники и сатрапы в провинциях зорко следили друг за другом, чтобы ни один из них не возомнил о себе слишком много и не осмелился бы поднять мятеж. Местное же население Дарий держал в подчинении благодаря тому, что воинов из одной сатрапии посылал на службу в другие сатрапии, а на их место присылал чужеземный гарнизон, который местным жителям вряд ли удалось бы склонить на свою сторону, ведь воины и языка-то их не понимали.

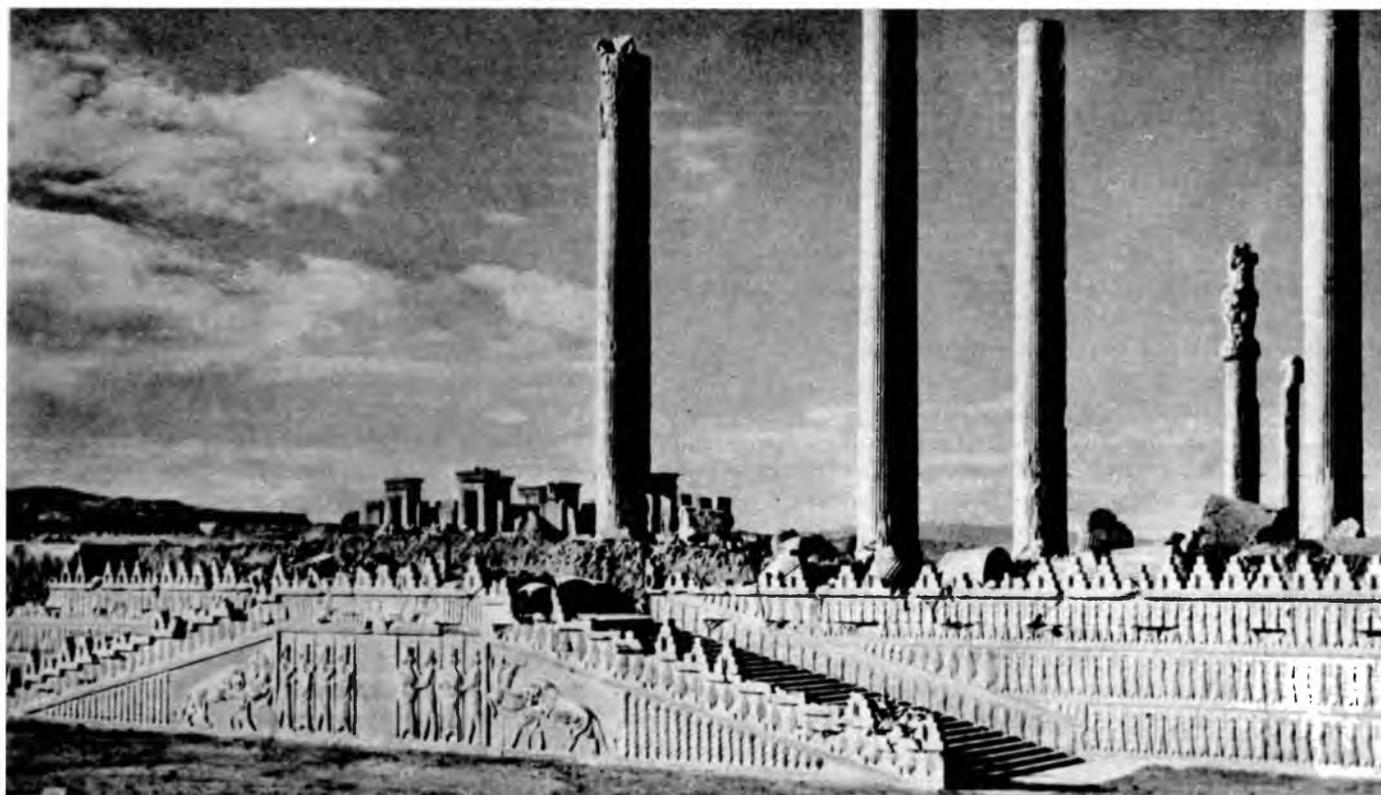
Державу пересекала сеть благоустроенных проезжих дорог, имелась надежная, быстрая почтовая служба. «Персы так умело организовали передачу вестей, — пишет Геродот, — что никто в мире не может превзойти их гонцов. По их словам, сколько дней требуется на весь путь, столько людей и лошадей стоит в готовности у дороги, на расстоянии дня езды друг от друга. И этим гонцам ни дождь, ни снег, ни жара, ни мрак не препятствуют в том, чтобы с самой большой скоростью промчаться выделенный им отрезок пути. Первый всадник передает порученное ему второму, второй — третьему, и так весть идет из рук в руки...»

По этим дорогам везли в царскую резиденцию ежегодно собираемые в сатрапиях подати, часть их, правда, использовали на месте на военные и прочие цели. Но и так оставалось достаточно, ведь полный годичный налог державы составлял 2500 центнеров серебра и 94 центнера золота, но кроме того, некоторые народы платили налог зерном, благовонными курениями, эбеновым деревом, слоновой костью, белыми конями, юношами, девушками, кастрированными детьми. Все золото, входившее в ежегодный налог, платила Индия, большую часть серебра — 262 центнера — Вавилония. Собранные в сокровищницу благородные металлы расплавляли и лили в глиняные кув-

Развалины жилого дворца Дария.

Колонны и лестницы в руинном городе Персеполесе.

«Воины в трауре». Персеполис. V век до н. э.

шины, когда же металл застывал, сбивали с золотых и серебряных болванок черепки. Чеканили из них монеты (как это уже делал немного раньше легендарно богатый царь Лидии Крёз). На золотых монетах был изображен сам Дарий, и греки называли эти монеты *дариками*. Серебряные монеты имели право чеканить и сатрапы, а медные — даже крупные города. Несметные богатства Дария вошли в поговорку. И сегодня еще о расточителях, транжирах, мотах говорят: «Он может промотать даже сокровища Дария». А о том, что кому-нибудь очень дорого: «Он не променяет этого и на сокровища Дария».

Дарий умел обращаться с деньгами. Двор его утопал в роскоши, но и воинов своих он содержал всегда хорошо, в особенности испытанные конные отряды. Чем бы стала без них его славящаяся изобилием держава? О себе Дарий писал с гордостью: «Я всем всадникам всадник». Ха-

рактерно и то, что в тексте одной из надписей он упоминает о своей державе, как «о великом царстве, в котором водятся хорошие лошади, в котором живут дельные люди». Хорошие лошади у него стояли на первом месте.

Большое разочарование постигло Дария, лишь когда он выступил против Греции, и в 490 г. до н. э., направляясь против Афин, граждане которых осмелились помочь греческим городам Малой Азии, поднявшим восстание против персов, на кораблях перевез свое конное войско. Высадившиеся на берег под Марафоном персидские всадники столкнулись с храбрыми пешими воинами, которые вместо того, чтобы смешать ряды и броситься в бегство, умело перерезали боевым лошадям персов поджилки и валили всадников на землю. Нападающие в конце концов были оттеснены обратно на свои корабли: на поле битвы осталось 6400 персов и только 192 афинянина.

И это еще был только пролог той великой борьбы, которая происходила после смерти Дария, в правление его сына Хшайаршана, по-гречески — Ксеркса. Персы собрали тогда все свои силы. Геродот, наверняка, неизмеримо преувеличивает, когда говорит о пятимиллионной армии, наполовину состоявшей из воинов и наполовину из вспомогательных отрядов корабельщиков, конюхов, возничих, строителей дорог и мостов, мастеровых, поваров и другого обслуживающего персонала. Достоверно лишь то, что на Грецию шла огромная армия. Через Геллеспонт, пролив между Европой и Азией, меньшую ее часть перевезли корабли, а большая пешим строем прошла по двум понтонным мостам.

Оба эти моста были построены по приказу Ксеркса, более того, говорят, будто перед ними он уже построил два других, но они были разрушены сильным штормом. Услышав о бедствии, царь «впал в неистовый гнев и приказал нанести Геллеспонту триста ударов бичом, а море заковать в кандалы... Такое наказание наложил Ксеркс на море, но приказал также отрубить головы всем надсмотрщикам над мостостроителями».

Семь дней и семь ночей потребовалось для того, чтобы вся персидская армия смогла пройти через повторно возведенные мосты, на этот раз достаточно крепкие. На доски сначала положили настил из хвороста, на него насыпали землю, хорошо ее утрамбовали, а потом по обеим сторонам моста поставили плетёный за-

СТЕПНОЕ БЕДСТВИЕ

Царь царей Дарий был побежден не только греками в Марафонской битве. В травянистых степях, простирающихся на север от Черного моря, нанесли ему поражение скифы. Дарию надоело, что грабительские отряды скифов, налетающие на резвых скакунах, постоянно угрожают его державе, и он решил задушить их в их собственном гнезде. Дарий отправился по следам врага в тянущиеся без конца и края степи, но вступить в схватку с кочевниками ему никак не удавалось. Ведь у скифов не было городов, которые надо было бы защищать. Свои жилые повозки с женщинами и детьми они отсылали глубоко в тыл, угоняли туда же большую часть своих стад, а все способные носить оружие мужчины скакали перед носом продвигающихся в глубь страны персов, но в схватку с ними не вступали. Чтобы замедлить продвижение неприятеля, скифы забрасывали землей колодцы и источники, поджигали за собой пастбища, а между тем заманивали персов все дальше, иногда в качестве приманки жертвуя одним-двумя стадами, в надежде в конце концов изнурить персидскую армию и одолеть ее. Дарий чуть ли не в последнюю минуту, когда казалось, что персам уже пришел конец, сообразил, в чем дело, и приказал отступить.

Но не он первый проиграл в борьбе со степными кочевниками. Мы уже видели, что основатель персидской державы, Кир, погиб во время войн со скифами. Уже и ассирийцы имели много хлопот с народом, который они называли *искузами*, а греки — *скифами*.

С самого раннего детства приучались скифы к степной, кочевой жизни, чтобы потом выносить все ее превратности. Часто они прежде чем ходить уже научались ездить верхом, если не на коне, то на козле, за рога которого могли крепко держаться. Детей рано сажали на спину длинногривых, низкорослых степных лошадей, а когда они начинали привыкать передвигаться в мире не на двух слабых человеческих ногах, а на четырех сильных конских, им давали в руки лук. Даже ноги скифов принимали форму конских боков, а стрелять на скаку из лука они умели почти без промаха. Можно сказать, что скифы совсем разучились ходить пешком: едва выйдя из кибитки, сразу же вскакивали они на коня. Табун обычно пасся в некотором отдалении, а жеребят привязывали около кибиток, чтобы женщины могли тут же доить кобылиц, приходящих кормить жеребят. Потому что все степные народы пили молоко кобылиц, а еще охотнее — кумыс, кисловатый на вкус напиток из перебродившего кобыльего молока. Ели они также сделанные из этого молока масло и сыр.

Золотой барс, инкрустированный янтарем и эмалью, из Келермесского кургана на Кубани (СССР). Выполнен в характерном для скифских ювелиров «зверином стиле».

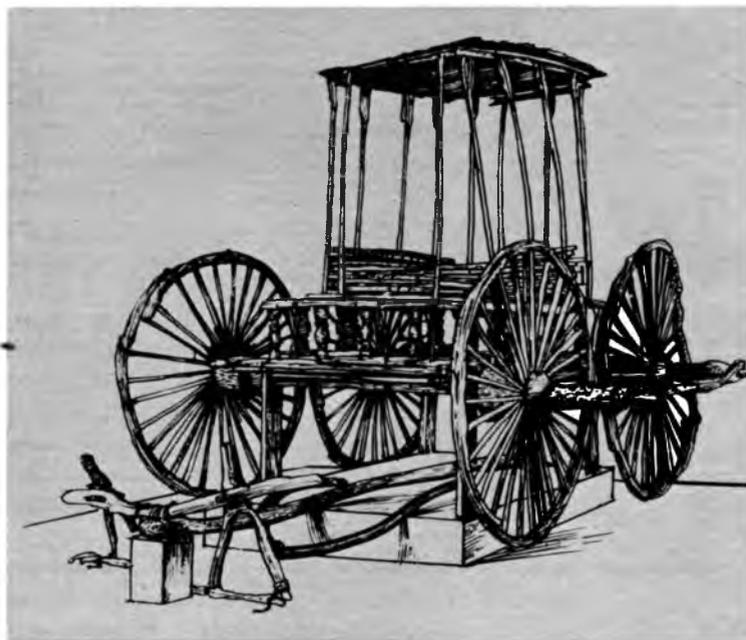
Золотой гребень с изображением сцены боя. Из скифского кургана высотой в 18 метров в Солохе, на север от Азовского моря. Степные конные племена первыми начали носить длинные штаны, похожие на современные брюки: в них было удобнее ездить верхом.

Доили они и овец, ведь кроме молочных продуктов и мяса они почти не ели ничего другого.

Роды объединялись в племена, но каждое племя жило на своей территории, размерами с небольшую страну, разрозненно, и мужчины собирались вместе лишь тогда, когда созывали их на совет или в поход. А воевать им приходилось часто, то с другими степными племенами или союзами племен, то с народами стран, лежащих по соседству со степями, от Китая до Европы.

Но чаще всего они сражались и убивали друг друга, чтобы завладеть пространством, более богатым водой, с более сочными пастбищами, особенно в засушливые годы, ведь каждое племя хотело, чтобы от голода и жажды гибли овцы не его, а соседнего племени. Какой беспредельно широкой ни была степь, хоть и простиралась она на тысячи километров, уже в первое тысячелетие до нашей эры в ней не было ни безлюдных мест, ни пастбищ, где не пасся бы скот. И как раз к этому времени, к 1000 году до н. э., стали высыхать и превращаться в пустыни такие большие степные пространства, как Такламакан и Гоби. Люди же и стада все умножались, так что степным племенам временами *необходимо* было вырваться оттуда в другие края.

Одним из выходов из создавшегося положения был захват пастбищ соседей. Такие кровавые стычки перемололи много племен, оттеснили некоторые племена в северные бескрайние леса (так случилось, например, с ближайшими родственниками венгров, племенами манси и ханты). Племена-победители часто объединяли оставшиеся степные народы в такие могущественные союзы, что уже могли не только совершать грабительские набеги на соседние земле-

Четырехколесная погребальная колесница из кургана скифского племенного вождя в Пазырыке, на Алтае. В таких жилых повозках скифы вместе с семьями кочевали многие тысячи километров. К четырехколесной повозке часто привязывали еще двухколесную тележку, в которой в закрытом сундуке скифы хранили свои ценности.

Скифский золотой олень из Костромского кургана (Краснодарский край) с характерными чертами «звериного стиля».

дельческие страны, но и вести захватнические войны.

Это вновь и вновь возрождающееся степное бедствие держало в постоянном страхе многие народы.

Способ ведения войны степных племен с самого начала был кровавым и жестоким. Геродот писал о скифах: «Когда скифский воин убьет своего первого врага, то пьет его кровь. Головы убитых в сражении врагов несет он своему царю, получает свою часть добычи лишь тогда, когда покажет хотя бы одну голову, иначе не получит он ничего. Кожу с черепа скиф снимает таким образом, что надсекает ее около ушей, потом стягивает ее с черепа. Волчьим ребром он счищает с кожи мясо, а потом разминает ее до тех пор, пока она не станет мягкой, похожей на платок. Тогда скиф вешает ее на поводья и гордо возит с собой. Потому что самым выдающимся считается тот воин, у кого больше всего платков из кожи».

Союзы скифы скрепляли кровью: вожди надрезали себе вену, собирали стекающую кровь в сосуд и по очереди пили из него. Измену, мя-

теж скифы считали смертным грехом. Если царь приказывал кого-нибудь убить, то не оставляли в живых не только сыновей этого человека, но и всех мужчин в семье, не причиняли зла только женщинам.

Благодаря этому скифы поддерживали в своих рядах такую дисциплину, что смогли противостать самым сильным государствам своего времени.

Например, первым большим степным неприятелем Китая был народ хун-ну, азиатские гунны, от которых, по-видимому, произошли появившиеся несколькими столетиями позднее европейские гунны племени Аттилы. За хун-ну следовало еще несколько подобных же захватчиков: даже Великая Стена длиной в десять тысяч ли, т. е. чуть ли не в четыре тысячи километров, не была достаточно надежной защитой от них. Одно время монголы подчинили своей власти не только Китай, но и Иран, Афганистан, Тибет и даже часть Индии. В Европе же, пройдя через Венгрию, дошли до Адриатического моря.

Так что на свой лад вмешивались в историю

Цветной войлочный ковер из Пазырыка. Хотя предметы, помещавшиеся в могилах здешних скифов, делались из не очень долговечного материала — шерсти, кожи, дерева, — вечная мерзлота сохранила их от гибели.

Скифская ваза из сплава золота с серебром. Курган Куль Оба, южное побережье Азовского моря. Находящийся на вазе рельеф, возможно, изображает удаление зубов.

человечества и степные народы. Но они не только уничтожали и разрушали: в течение долгого времени лишь благодаря им существовала какая-то связь между Дальним Востоком и Западом.

Большинство степных племен исчезло, рассеялось, так что и следа от них не осталось, разве что в письменных памятниках и в чревах степных курганов, т. е. насыпных могильных холмах.

Уже в скифскую эпоху существовал обычай хоронить знатных воинов вместе с любимыми слугами и лошадьми под огромными земляными насыпями. Обнаруженные в могильных курганах находки свидетельствуют о том, что степные народы не только были умелыми скотоводами, но и превосходными кузнецами, золотых дел мастерами, шорниками, изготовителями

луков, плотниками, колесниками, гончарами, не говоря уже о пряжах, ткачихах, изготовительницах войлока, создававших шедевры ремесла.

Но городов и даже деревень они почти не строили, хотя зимой в степи им бывало совсем не легко переносить вместе со своими стадами и отарами 30—40-градусные морозы, свободно разгуливающие дикие северные ветры.

Только некоторым из кочевых скифских племен удалось порвать с кочевым образом жизни, преодолеть его, избежать превращения в крошечный лесной народ или в рабов земледельческих народов, живших на краю степей.

К числу этих немногих относятся и позднейшие «потомки скифов» — венгры племени Арпада.

ВОСТОК—ЗАПАД

КИТАЙСКИЕ НАЧИНАНИЯ

Откуда попали в Китай первые домашние лошади? Откуда попали туда первые горшечники, работающие на гончарном круге, первые мастера, обрабатывающие бронзу?

Некоторые ученые в течение долгого времени настаивали на том, что — ниоткуда. По их мнению, китайцы все постигли сами, живя в своем особом мире, который отделяли от Западной и Южной Азии бескрайние степи и вздымающиеся до самого неба цепи гор.

Действительно, во многом китайцы были пионерами. Шелковичных червей, например, уже с незапамятных времен они разводили как домашних животных или, если это звучит лучше, как домашних червей. Из древнейших надписей мы знаем, что китайцы приносили жертвы духу этой полезной гусеницы, видимо, в надежде получить хорошие, полные коконы.

Надписи, о которых идет речь, были вырезаны или нацарапаны на лопаточных костях диких оленей и домашнего скота или на брюшных щитках панцирей черепах и служили для гадания. Вопросы задавались письменно: какая будет погода, какой ожидается урожай, предать ли огню во славу Неба, чтобы не запаздывал дождь, раба, сколько скота, сколько людей принести в жертву, когда отправляться в военный поход, можно ли рассчитывать на победу и т. д. Затем к гадательной кости прижимали раскаленный медный прут и по образовавшимся так трещинам читали ответ.

Китайское письмо тоже было оригинальным изобретением. Подобно шумерам и египтянам, и китайцы начали с пиктографии. Сначала они изображали на рисунке землю, воду, дом, небо, человека, дерево и многое другое, потом, как и в клинописи, эти рисунки постепенно превращались в постоянные знаки более простых очертаний.

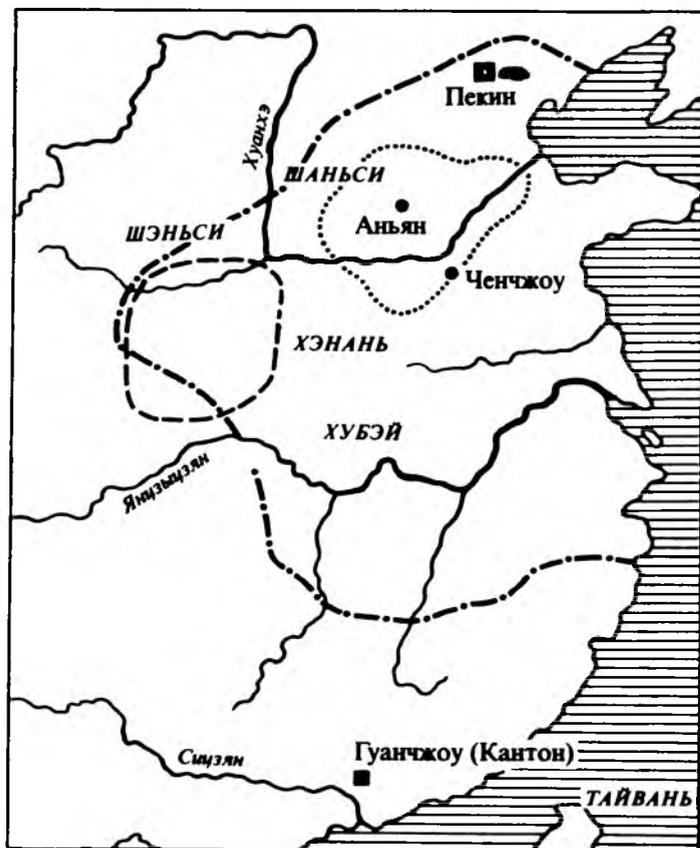
Но уже и первоначальные рисунки, по крайней мере, те из них, которые дошли до нас, выглядели довольно необычно, состояли из многих черточек. В предании говорится, что легендарный изобретатель этих рисунков, императорский чиновник Цан Чи, создал их, взяв за пример следы, оставляемые лапками птиц.

Самые древние письменные знаки рассказывают нам о многом. Знак раба, например, изображает женщину, поскольку в древности держали только рабынь, мужчин побежденного неприятельского племени убивали. Китайцы

начали рано разводить свиней, к тому же занимались этим женщины, остававшиеся дома, в то время как мужчины уходили охотиться. Пиктограмма «Свинья под крышей» первоначально значила «дом женщины» (позднее она превратилась в иероглиф «чия» — «семья»). Но, как видно из письменных знаков, были у китайцев не только свиньи, но и прирученные северные олени и слоны, были у них овцы, козы, буйволы, гужевой скот, обработанные земли, выкопанные колодцы, сады, фруктовые деревья...

Бронзовая фигура чудовища, пожирающего людей. Эпоха Шан. По-видимому, указывает на то, что в древности приносили в жертву людей.

Начало китайского государства.

Что и откуда достали китайцы, где и чему научились, сказать теперь уже трудно. Некоторых животных приручили и несколько видов растений вывели, очевидно, они сами. Но не были они отрезаны наглухо и от остального мира. Так, многие ученые считают, что китайский буйвол ведет свое происхождение от индийского буйвола. По тропинкам, ведущим сквозь джунгли Бирмы, пришел он в долину Янцзы, а оттуда на север, в долину Хуанхэ. Прирученный слон тоже дошел до китайцев, по-видимому, тем же путем. Лошадь же, вероятно, попала к ним с запада, через засушливые степи Средней Азии. А еще раньше той же дорогой, переходя от племени к племени, дошло до Китая умение делать глиняную посуду на гончарном круге.

Самое трудное — распутать тайну китайской бронзы. Для нее необходимы медь и олово, а богатые месторождения этих металлов находятся только в Южном Китае. Первые плавильщики бронзы жили на севере, в окрестностях Хуанхэ. Может быть, китайцы и этому мастерству научились у живших от них на север степных народов? Но откуда доставали они сырье для выплавки бронзы?

Ведь не следует забывать о том, что тогда еще не существовало великой Поднебесной Империи позднейших времен! Китай был всего лишь маленькой, лежащей вблизи реки Хуанхэ страной, которую сначала называли Шан, а позднее Инь. Но нигде больше, а только здесь жили тогда знающие письменность люди, только здешние жители умели выплавлять бронзу, ковать оружие, изготавливать боевые повозки, разводить и запрягать лошадей, систематически грабить более слабые племена, подчинять их своей власти и облагать данью, налогами.

И именно здесь около 1500 года до н. э. началась запечатленная в письме история Китая, и началась она довольно-таки кроваво.

Об этом свидетельствуют знаки-рисунки (пиктограммы) на гадательных костях: они говорят о членовредительстве, о лишении зрения, о закапывании живых людей в землю, о повешении, четвертовании, сжигании на костре. И если бы мы не поверили пиктограммам, нам пришлось бы поверить конкретным доказательствам, обнаруженным при раскопках на территории древ-

Могила воина, погребенного вместе с лошадьми и боевой колесницей. Эпоха Шан.

ней столицы, Аньяна, где были найдены массовые захоронения и склады при мастерских, выработавших костяные инструменты и орудия, куда свозили берцовые кости казненных, чтобы вырезать из них наконечники стрел, шпильки, шила.

Жертвы в большинстве своем были рабами, которых приносили в дар небесным силам и убивали при соблюдении торжественных церемоний. Кроме того, вместе с умершими царями — ванами — хоронили и многих их подданных, и мужчин, и женщин.

Ваны, стоявшие во главе всего государства, — тогда еще жили во дворцах, крытых соломой, и не купались ни в золоте, ни в серебре, в лучшем случае были у них в изобилии разукрашенная бронзовая посуда, блестящие шелковые ткани. украшения из жемчуга, раковин, полудрагоценных камней.

Цари считали, что ведут свое происхождение от ласточки: их легендарная праматерь понесла от яйца этой птицы цвета ночи. По словам старинной народной песни: «Небесный наказ был послан ласточке — спуститься на землю и создать страну Шан. Потомки ее жили на земле Инь и выросли большими».

Цари Шан правили, вероятно, примерно до 1050 г. до н. э. К тому времени уже и другие племена овладели секретами народа Инь и основательно вооружились бронзовыми топорами, кинжалами, секирами, копьями с бронзовыми наконечниками, боевыми повозками, запряженными двумя или четырьмя лошадьми. Племена чжоу удалось организовать в сильный племенной союз и свергнуть традиционную власть Инь. Царь племени чжоу занял неприязнительную столицу Аньян и вырезал на найденных там бронзовых жертвенных сосудах: «Царь Ву свергнул с трона династию Инь, и теперь он, а не владыка Инь совершает жертвоприношения богам».

Период Чжоу длился целых 800 лет. Страна тем временем все росла, на востоке она уже доходила до моря, а на юге границы ее перешли за реку Янцзы, но цари династии Чжоу не стали от этого более могущественными.

В государстве меньших размеров легче было заставить знатных правителей провинций по временам появляться — нагруженными богатыми дарами — в столице «Поднебесной Империи» перед царем и там получать причитающиеся им за их дела награды или наказания. Правители никогда не знали, вернутся ли они

Ритуальный сосуд, изображающий носорога. Эпоха Шан.

Жертвенный бронзовый сосуд. Поздняя эпоха Шан (около 1100 г. до н. э.): Треножные сосуды в Китае пользуются популярностью и сегодня.

Лежащие буйволы. Эпоха Чжоу, VIII—VII вв. до н. э.

живыми, но ехали ко двору, так как должны были ехать. Однако, по мере роста державы живущие вдали от столицы местные властители начали пренебрегать этой обязанностью, не показываясь при дворе, особенно если были у них на счету дела, из-за которых следовало бояться царя.

Кстати, правители провинций также приказывали своим сановникам являться в их резиденцию с подношениями, это был испытанный метод устрашения, особенно, если не появившимся при дворе, неповинуящимся действительно угрожало быстрое возмездие. Но если царское наказание запаздывало или вообще не осуществлялось, правители провинций (а число их все увеличивалось) становились все более независимыми.

Спустя несколько столетий после победы династии Чжоу предостережение из уст ванов во время аудиенции для верных им местных сановников: «Будь поддержкой своему государю против тех правителей, которые не являются ко двору», — звучало уже лишь как ритуал. Часто звучали и такие воззвания: «Я расширю твою землю, чтобы был ты опорой дома Чжоу».

Землю китайские монархи — ваны — давали не в вечную собственность: при каждом пожаловании земли речь шла лишь о том, кто и в скольких поселениях получит право наклады-

вать подати и собирать рекрутов. На одного правителя приходилось около 500 селений, т. е. 50—100 тысяч человек. Но полученное так же легко могло быть и утрачено, потому что законным собственником земли всегда оставался ван. По словам старинной песни:

Под этим бескрайним небом
Нет земли, что не принадлежала бы вану,
И во всей державе, до границ на море
Нет никого, кроме царских слуг.

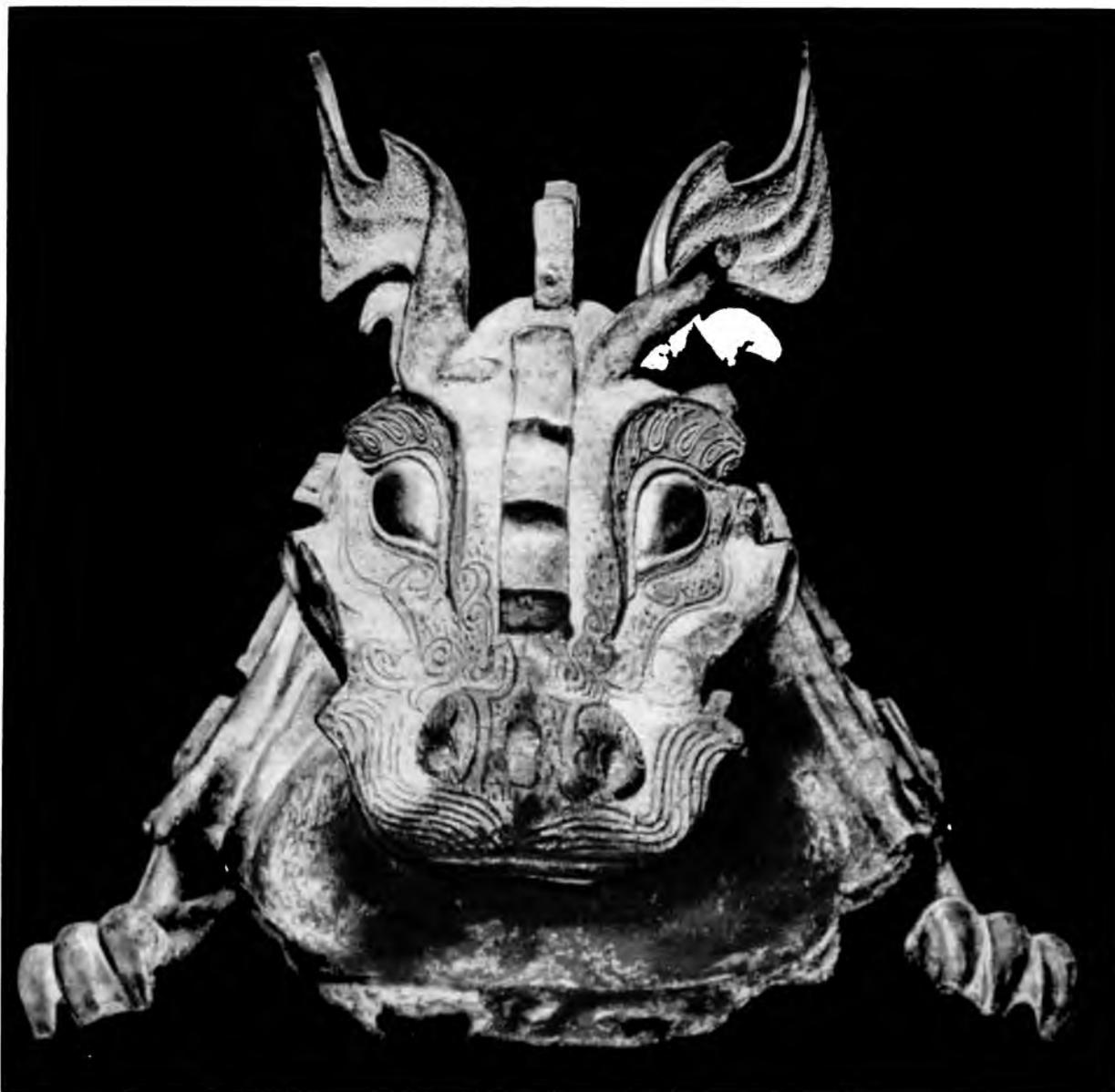
Но с ослаблением власти владык из дома Чжоу, а их уже тоже теснили степные кочевые племена, хун-ну и жуны, все больше провинций и подданных выскальзывало у них из рук. Правители, ставшие независимыми, часто нападали один на другого, то один из них, то другой старался подняться над соседями, ограбить, обложить данью другие народы. И тогда уже полетели по стране такие песни:

... все на земле рушится,
испытываем мы нечеловеческие муки,
едят нас поедом зловредные жуки,
нигде ни порядка, ни покоя, ни меры,
злодеи не наказаны,
добрые не вознаграждены.

Народ с тоской вспоминал о прошлом, которое теперь казалось ему прекрасным, все мечтали о старом добром времени. Нашлись образованные люди, которые выразили эти мечты. К числу их принадлежал Лао-цзы, автор «Книги дороги и добродетели», живший в VI веке до н. э. По его мнению, великие державы, обширные царства не нужны. Крестьян надо оставить в покое, пусть они живут своей старой, традиционной жизнью: «Пусть страна будет крошеч-

ной, а народ малочислен; сколько бы у них ни было орудий, пусть они ими не пользуются; люди пусть до самой смерти не уходят далеко от дому; если будут корабли, повозки, пусть никто на них не ездит; если будут панцири, мечи, пусть никто не воюет; вместо того, чтобы писать, пусть люди лучше вяжут бахрому и кисти; пусть будет нарядной их одежда, пусть будет мирным их жилище, пусть будут счастливыми их обычаи; и если они заглянут за рубеж сосед-

Фигура крылатого дракона. В течение тысячелетий дракон был постоянно возвращающимся мотивом китайского искусства.

ней страны и донесется оттуда кукареканье петухов, лай собак, пусть доживут люди до старости, до смерти, никогда не побывав на той стороне».

Начитанный, ученый человек, Лао-цзы был искренним приверженцем простой жизни и пренебрегал ученостью так же, как безрассудной роскошью:

Если не поднимут умников,
в народе установится порядок и мир;
если не будут больше нужны редкое и
дорогое,
прекратится ограбление народа.

Более молодой современник Лао-цзы, второй великий мудрец этого смутного времени — Кун-цзы (551—478 гг. до н. э.), известный в Европе под латинизированным именем Конфуций, искал выхода в другом направлении. Он мечтал о державе, управляемой преданными царю, образованными сановниками, главное стремление которых — благо страны и процветание народа.

Это тоже была утопия, но более плодотворная, чем восхваления неиспорченной простоты в духе Лао-цзы. Находившийся в состоянии разброда Китай, действительно, весьма нуждался в умных и добродетельных государственных деятелях. Страна не катилась в своем развитии назад лишь только потому, что тем временем в Китае открыли тайну выплавки и обработки железа. Оружие и прежде делали из металла — из бронзы, но железные орудия, начавшие широко распространяться, облегчили, сделали более эффективной повседневную работу как земледельцев так и в ремесленных мастерских. Постепенно стало легче строить дороги, оборонительные стены, плотины, оросительные и судоходные каналы. Оставалось только объединить созидательные силы общества и преградить дорогу силам разрушения.

Каким образом?

Конфуций не возлагал больших надежд на потомков древних знатных семей. Он хотел опираться на знать другого типа, на тех, кого благородными делами их знания, гуманизм и добродетели. Таких людей он поучал так:

«Учиться и не размышлять: напрасный труд; размышлять же и не учиться: опасность».

«Тот, в ком природные качества подавляют образованность, — дикарь. Тот, в ком образованность подавляет природные качества, — за-

урядный писец. Тот, в ком уравновешены образованность и природные качества, превращается в благородного человека».

«Встречаются и такие, кто поступает, не зная причин своих действий. Я так не поступаю. Я слушаю много всего, выбираю из этого хорошее и следую ему».

«Если ты сам стремишься к добру, тогда и народ будет хорошим».

«Если в течение ста лет государством управляли бы только добродетельные люди, они могли бы переделать даже самых злонравных людей, и мы могли бы отменить смертную казнь».

«Если возвысишь прямодушных и удалишь криводушных, тогда народ будет послушным. Но если возвысишь криводушных и удалишь прямодушных, тогда народ не будет послушным».

«Тот, кто возвысит прямодушных и удалит криводушных, способен добиться того, что и криводушные выпрямятся».

«Если у народа есть все, тогда и государь ни в чем не нуждается; но если нуждается народ, тогда и у государя не может быть всего».

«Тот, кто управляет государством, способным выставить тысячу боевых повозок, тот должен тщательно следить за службой, выполнять свои обещания, умерять свои расходы, любить своих людей и использовать народ только тогда, когда это необходимо».

И так далее. Сначала учение Конфуция было предназначено для узкого слоя общества, служило для поучения образованных людей, которые шли на государственную службу, но постепенно оно стало главной формирующей силой образа мышления образованных китайцев. Влияние учения Конфуция может быть прослежено до наших дней.

Со временем узкий слой конфуцианцев становился все шире, все более забирал в свои руки не только ежедневные дела управления, но и саму власть, лишая ее тех, кто считался знатью не по образованию и добродетели, а по рождению.

Или не образование и добродетель играли здесь главную роль, а то, что государь мог прогнать их в любую минуту? Что не только все их состояние, но и их жизнь и смерть зависели от того, сумеют ли они доказать, что являются полезными, нужными винтиками государственной машины?

Несомненно одно, ученые чиновники этих

Один из участков Великой Китайской стены в современном состоянии.

древних времен, являлись они последователями Конфуция или нет, закладывали основы для скрепления распадавшейся державы. И тем, что они мастерски владели приемами управления, и тем, что не позволяли растаскивать в разные стороны государство, дававшее им власть и доход, соответствующий их рангу

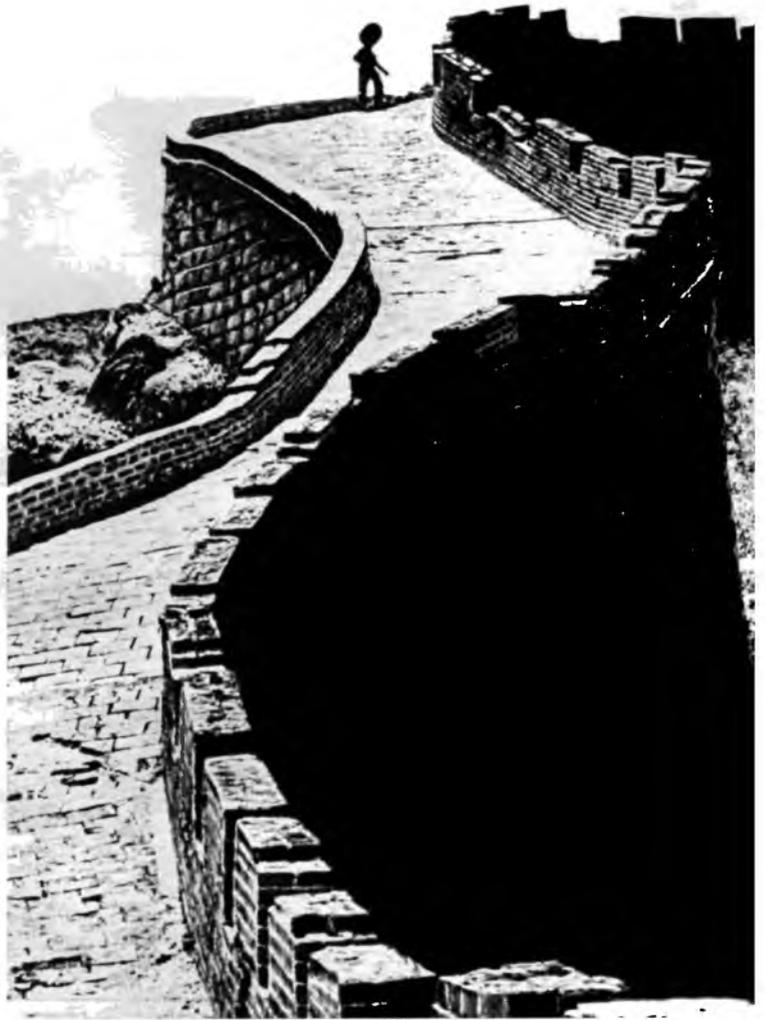
А чтобы меньше было соблазна, выпшедших из их среды правителей провинций не оставляли подолгу на одном месте. Поэтому не приходилось опасаться, что, вступив в сговор со своими подопечными, они впадут в смертный грех измены.

Но пока что Китай состоял из множества отдельных частей. В одной части сохранилась власть чжоуских ванов, оторвавшиеся же от нее или и прежде уже бывшие независимыми провинции постепенно образовали четыре других царства. Потом уже не пять, а семь царей боролись друг с другом, пока одному из них, правителю царства Цинь, не удалось взять верх над остальными. Победитель, Ин Чжэн (правил с 246 по 210 г. до н. э.), вместо титула «ван» взял себе титул «хуанди». И с этого времени он повелел называть себя так: Ши Хуанди, т. е. Первый Император.

Из названия Цинь в восточных языках образовалось название Чин, Чина, потом позднее в западных — Хина, Шин, Чайна (Chino, Chine, China), по-русски же государство называли Китай, по имени «китаев» — народа монгольского происхождения, жившего в северной части страны.

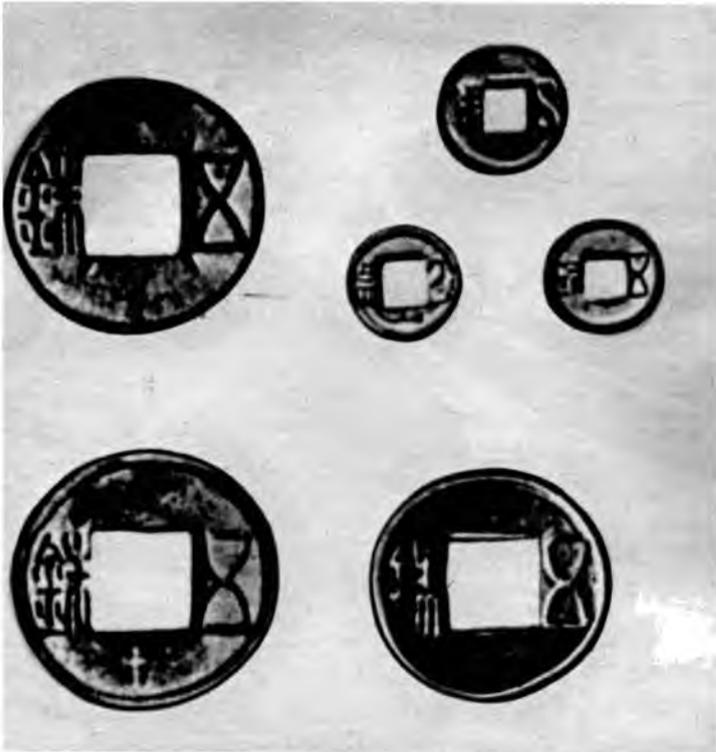
Это была уже настоящая и единая империя, с почти 50-миллионным населением, которое раньше — в зависимости от царства, где оно жило, — называлось по-разному. Теперь же по указу Ши Хуанди все они должны были называться *хошу*, т. е. черноволосыми. Новый император ввел единое письмо, единые меры, единую денежную монету.

Как Дарий в персидской державе, Ши Хуанди поставил во главе каждой провинции двух правителей: военного и гражданского и следил за ними с помощью своих верховных сановников. Он опоясал страну сетью дорог, оросительных и судоходных каналов, и он же начал строить на севере страны — для защиты от хун-ну — Великую Китайскую стену, достигавшую в среднем

Отдыхающий тигр. Период распада империи Чжоу. V — III вв. до н. э.

Китайские монеты времени правления Первого Императора Ши Хуанди.

10 метров высоты. Для ее постройки он отрядил два миллиона солдат, военнопленных и принудительно посланных работать местных жителей. Последних было больше всего: жестокие законы с необычайной быстротой умножали число этих государственных рабов, для отличия одетых в красную одежду. Даже за мелкие провинности уводили из дома всех мужчин семьи. Многие так навсегда и остались на гигантской стройке, ибо тела умерших замуровывали в Великую стену или в башни, стоявшие на расстоянии 60—100 метров одна от другой.

Новоиспеченному императору хватало врагов и по эту сторону стены. Для того, чтобы у недовольных не появились вожди, 120 тысяч человек из наиболее знатных родов по приказу императора было переселено в столицу, где за ними следили соглядатаи. Затем он приговорил их 460 образованных представителей к смерти и очень многих к принудительным работам, потому что, будучи последователями Конфуция, проповедовавшего почитание предков, они осуждали многие нововведения и пренебрежение к традициям. Все жители должны были

сдать бронзовое и железное оружие, а тот, кто осмеливался выразить недовольство тяжкими налогами либо по любому другому поводу, должен был радоваться, если отделялся тем, что ему отрезали нос или дробили колени, потому что распиливание надвое или четвертование были наказанием совсем не редким.

Но именно эта бессмысленная жестокость явилась одной из причин прекращения существования империи Цинь. Большому отряду солдат-новобранцев к определенному сроку нужно было попасть в назначенное им для службы место на северной границе. Они же вследствие долгой и тяжелой дороги опоздали и боялись, что из-за этого их приговорят к смерти. Тогда они взбунтовались и повернули обратно: терять им было нечего. Сначала к ним присоединились тысячи, потом сотни тысяч людей, вспыхнули и другие мятежи, и после яростной борьбы, в ходе которой будто бы погибла половина населения империи, власть захватил вождь крестьян Лю Бан.

И теперь уже он, бывший сельский староста, стал императором и основал новую династию и империю Хань.

Императоры из династии Хань (206 год до н. э. — 221 год н. э.) более умно продолжали то, что начал первый Хуанди. Они сделали государство всемогущим. Наголову разбили они выступивших против них ванов (тогда так называли уже не царей, а глав древних родов высшей знати) и управляли империей уже почти исключительно с помощью армии чиновников, которых позднее в Европе называли мандаринами. (В Китае их так не называли никогда.)

Экзамен на государственного служащего могли сдать и способные юноши простого звания. Кроме всего прочего они должны были в совершенстве знать учение вновь превозносимого до небес Конфуция. Так это оставалось до самого нового времени, вплоть до начала XX века...

Преувеличенное почитание традиций, вдолбленная в головы государственная философия позднее связали Китай миллионами пут, но общество эпохи Хань было еще подвижным и действенным. Империя все более сплывалась воедино, чиновники усердно выколачивали налоги. Никто, кроме государства, не имел права чеканить монеты, продавать соль и железо, и это приносило императорам большой доход. Но первое время богатство и власть императора усиливали и страну. Императоры вооружали большие конные армии, которые уже осмелива-

Известняковая статуя из Мохенджо-Даро, самого большого из известных нам городов цивилизации Инда, III тысячелетие до н. э. Первоначально была окрашена в красный цвет, но от него почти не осталось следа

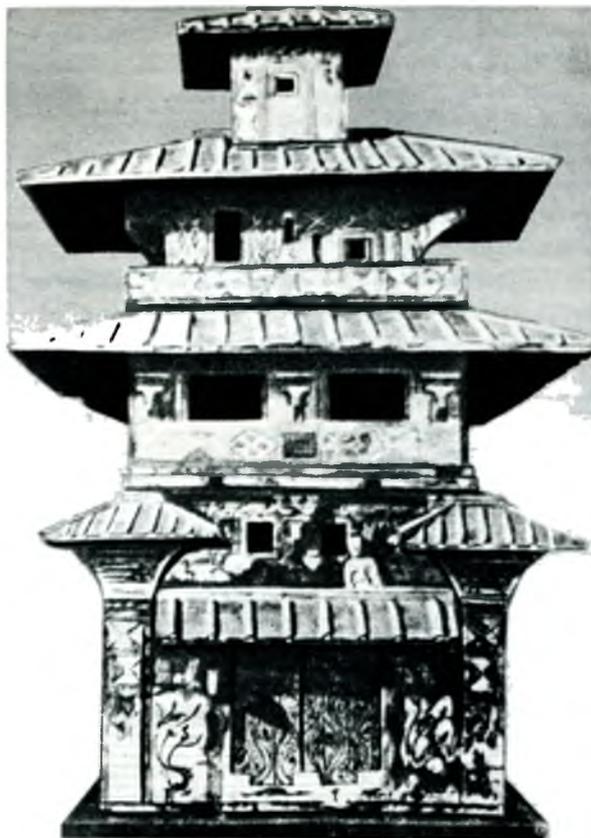

Бронзовая фигурка. Китай, ранняя чжоуская эпоха (XI—VIII в. до н. э.). В этот период в произведениях китайских мастеров уже часто появляется изображение тигра, «лесного демона», символизирующего силу и смелость

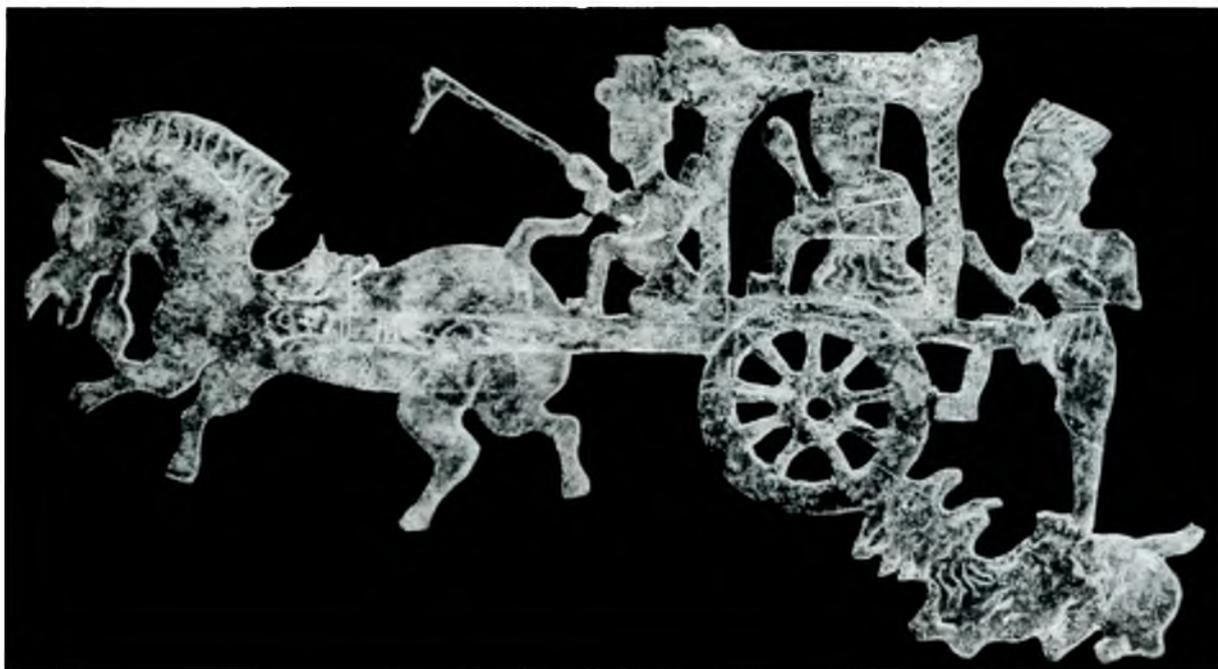

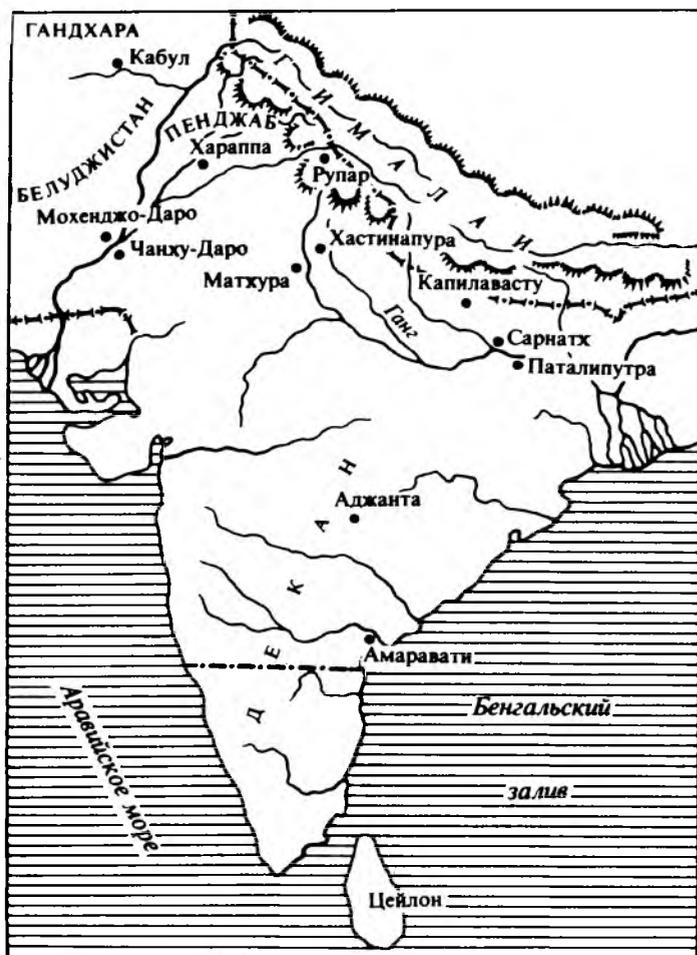
Дворец вельможи эпохи Хань (модель из цветной обожженной глины, найденная в гробнице в провинции Хунань).

лись преследовать хун-ну в самую глубь степей и, окружив их справа и слева, вынуждали вступить в открытый бой. Китайцы до тех пор изматывали их силы, пока остатки хун-ну не переселились дальше на запад, но китайцы и туда отправились против них в большой поход. Тем временем китайцы заняли и большую часть Средней Азии, вплоть до Кашгара, где их караваны, идущие по прославленной «шелковой дороге», уже могли продавать привезенный ими шелк и другие товары персидским, греческим, арабским и прочим купцам, которые снабжали знать Римской империи предметами восточной роскоши. В обмен китайцы получали рабов, изделия из стекла, драгоценные и полудрагоценные камни, пряности и благовония, т. е. тоже предметы роскоши, но, между прочим, познакомились они и с люцерной, фасолью, шафраном, виноградом, гранатами, орехами; все эти культуры они стали возделывать и сами. Еще больше радовались они породистым ло-

Сцена, вырезанная из пластинки цинка. Эпоха Хань.

Древняя Индия

шадям, которых захватывали, а позже покупали за деньги в далекой Фергане, и которые по крайней мере на голову были выше их степных лошадей и могли быстрее мчаться даже с всадником в тяжелых доспехах.

Но захватнические войны, возрастающая роскошь пожирала деньги и истощали силы народа. Снова начались разброд, бунты, жестокости и снова начались набеги степных народов. Китай все это пережил, но развитие его застопорилось. Это долгое отставание по сей день ощущают позднейшие поколения.

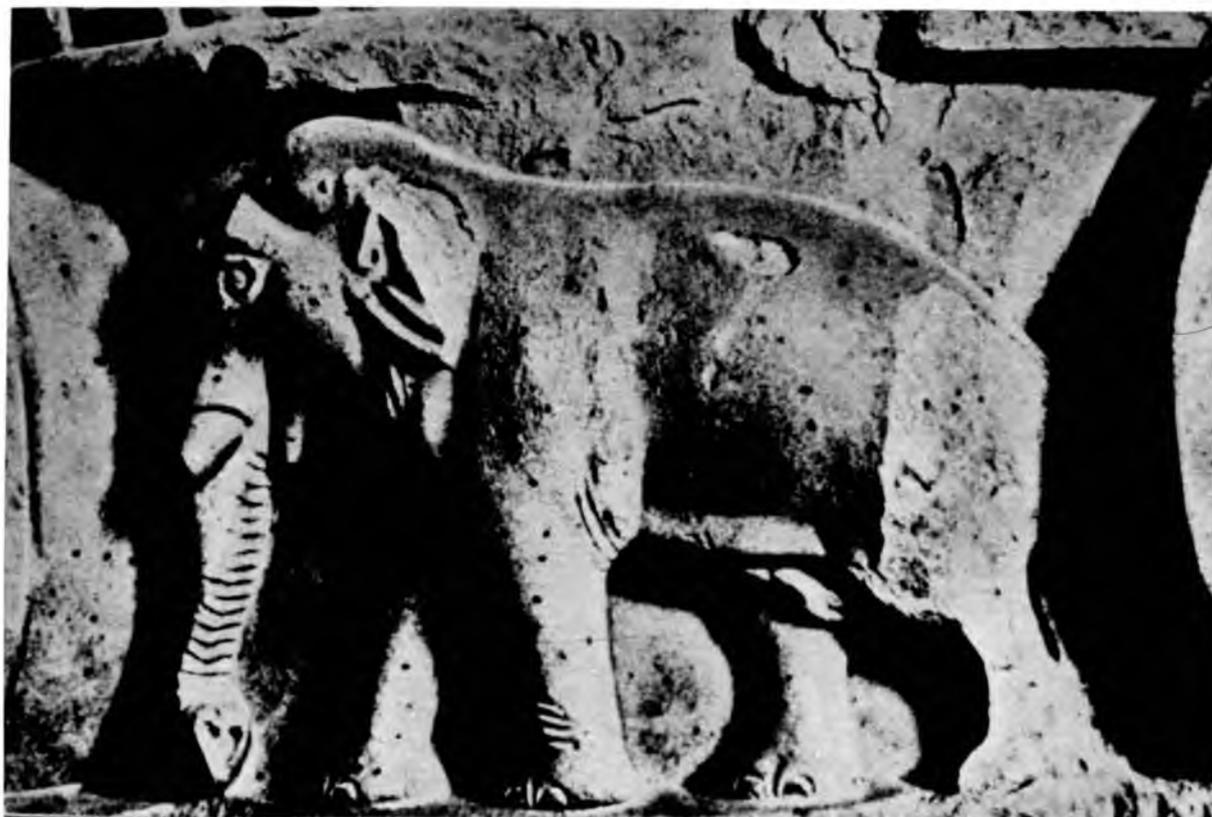
СТРАНА СЛОНОВ

Древняя Индия славилась многим, а больше всего своими слонами. В Китае, при дворе царей династии Шан, имелось только несколько слонов, напоказ; у царей позднейших династий слоны и напоказ не всегда бывали, в Индии же их держали тысячами. В большинстве случаев слонов использовали в военных целях: был такой царь, который наряду с 600 тысячами пеших воинов и 30 тысячами всадников мог выставить девять тысяч боевых слонов. Против них ничего не стоили стрелы с железными наконечниками и пики. А если слоны оказывались ранеными, тем яростнее вламывались они в боевые ряды неприятеля, сметая на своем пути пеших воинов, всадников, ломая боевые колесницы и даже персидские передвижные башни, запряженные волами. Приручать слонов было нелегко, но труд окупался: слоны живут долго и за свою жизнь они служили двум-трем поколениям людей, не так, как гораздо быстрее стареющие боевые лошади. Цари многих стран,

особенно соседней Передней Азии, завидовали владыкам Индии из-за их слонов. Например, один из преемников Александра Македонского, Селевк I, после окончания одной войны отдал в жены индийскому правителю Чандрагупте свою дочь и отказался от лежащей в долине Инда провинции, получив за это 500 слонов, с которыми позднее ему удалось выиграть много сражений. Примеру Индии последовали даже далеко на запад от нее. Опыт индийцев решил использовать и Ганнибал: чтобы победить римские легионы, он двинул против них боевых слонов. Будь их у него в два-три раза больше, пожалуй, его расчеты оправдались бы...

Индийские правители и другие знатные вельможи часто и в мирное время ездили верхом на слонах или запрягали слонов в свои парадные колесницы. У кого хватало средств только на упряжку из четырех коней, тот не считался высшей знатью, еще меньше считались благородными те, кто восседал верхом на верблюдах. Как известно из греческих источников, при триумфальном выезде владыки в голове шествия

Слон. Рельеф колонны Ашоки, создателя единой Индии. Сарнатх, 243 г. до н. э.

шли музыканты и курители благовоний, слоновью упряжку царя окружали женщины-телохранительницы на слонах, лошадях и на боевых колесницах.

О времени, когда в Индии начали приручать слонов, хроники не говорят, но это могло произойти уже в 2000 годы до нашей эры. Вскоре вслед за расцветом Шумера и Египта в долине Инда возвысился народ, обладающий пись-

Оттиски двух печатей из долины Инда. III тысячелетие до н. э. Письменные знаки над изображениями до сих пор не разгаданы.

менностью, строящий города, умевший плавить бронзу, знавший много разных других ремесел, а в качестве домашнего животного державший не только овец, коз и свиней, но и буйволов, зебу и — как указывают разные признаки — слонов.

К сожалению, мы мало знаем об этом народе, создателе цивилизации в долине Инда: только то, что рассказывают нам найденные при раскопках предметы и кости.

Письмо этого народа до сих пор еще не разгадано. Большинство текстов писцы запечатлели на каком-то недолговечном материале, а те немногие, что дошли до нас на печатях и амулетах, вырезанных главным образом из жиро-вика, не дают ученым достаточно опорных точек, чтобы найти ключ к разгадке неизвестных знаков, нигде больше не встречающихся.

На этих небольших резных камнях рисунок всегда сопровождается коротким текстом, и на рисунках мы тоже встречаемся со слонами.

На территории древнего Шумера также были найдены амулеты, раковины и жемчужины, происходящие из Индии. Следовательно, эти два древних народа торговали друг с другом, к тому же, по-видимому, без посредников. Среди руин городов в долине Инда нашли изготовленную на шумерский образец цилиндрическую печать, туалетный набор, более того, в Мохенджо-Даро обнаружили сосуд с шумерской надписью. Но кажется более правдоподобным, что торговля между обеими странами происходила через посредство кораблей, отправлявшихся от берегов Индии и к ним же возвращавшихся. Одно время продаж от отправляемых в Шумер товаров, например слоновой кости, возможно, занималась постоянная индийская купеческая колония. Одно из изображений на найденной в долине Инда вазе, по мнению археологов, рисует древнее богослужение жившего там народа.

Вкратце вот что известно нам об этой стране и ее народе:

1. Эта страна, находившаяся в северо-западной части Индии, в период своего расцвета по площади по крайней мере в четыре раза превосходила Шумер. На всей ее территории была одна и та же письменность, и много разных других вещей делали одинаково.

2. Этот народ умел плавить медь, выплавлять бронзу, ковать металл, выдувать стекло, знал и использовал гончарный круг, изготавливал обливные глиняные сосуды, фаянсовую посуду.

3. Городские стены, дома, бани, крытые ка-

навы этот народ строил в основном из обожженных в печах кирпичей, а в окружающих его джунглях дрова найти было легко. Улицы городов планировались прямыми и пересекались они под прямым углом. В кирпичных, в несколько этажей домах более зажиточных горожан наряду со множеством разных помещений строили отдельную комнату для омовений, но и саманные дома простых людей тоже состояли, по крайней мере, из двух комнат и двора.

4. В самом центре города стояла окруженная толстой стеной внутренняя крепость с относящимся к ней зернохранилищем. Но это зернохранилище все же не было похоже ни на зерновые склады шумерских городских или храмовых хозяйств, ни на центральные склады-амбары хозяйств египетских фараонов. Большие помещения типа хранилищ, складов были и при богатых домах. Все это указывает на то, что в городах долины Инда собранное зерно и другие запасы распределялись среди большого количества людей. То есть, над народом господствовал не один всемогущий царь: власть разделяло много богатых семей.

5. Исследователи пока еще не нашли следов искусственного орошения, но благодаря систематическим разливам Инда и его пяти больших притоков, несмотря на малое количество осадков, здесь росли пшеница, ячмень, кунжут, дыни, финики, хлопчатник. Насколько до сих пор известно, здесь жили первые в мире хлопкоробы, первые хлопкопрядильщики и ткачи. Овец своих они не стригли, шерстяных тканей не знали: в здешнем теплом климате им не было холодно в легких одеяниях из хлопчатой ткани.

6. Они считали по десятичной системе и умели обозначать большие числа. Меры веса и другие меры отличались и от шумерских, и от египетских.

Пожалуй, и этого хватит для доказательства того, что этот народ самостоятельно, своими силами поднялся на более высокую ступень цивилизации. В своем развитии он соперничал с жителями долины Нила и Междуречья, и по времени его цивилизация лишь немного отставала от их, если отставала вообще.

Однако здесь — во всяком случае, непосредственно в долине Инда — развитие прервалось. Здешние города исчезли в окружающих их джунглях, стали логовищами тигров и змей.

Что произошло? Какая катастрофа?

Мы находим здесь следы наводнений, подобных потопу. Но к вызванным ими разру-

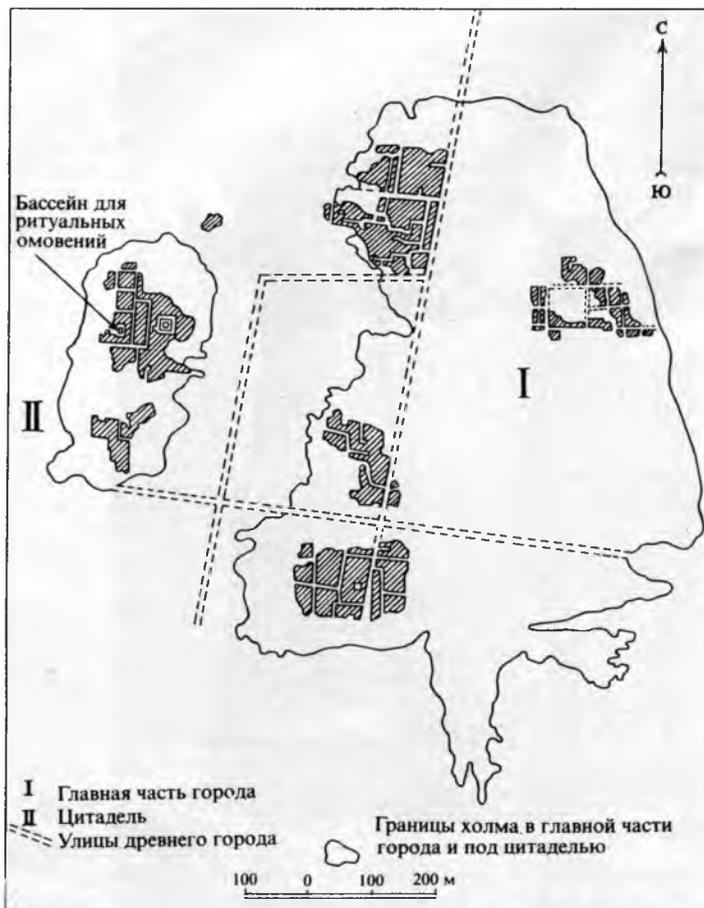

Обломок статуи, изображающей мужчину. III тысячелетие до н. э. Только греки, притом на две тысячи лет позднее, умели более совершенно лепить обнаженное человеческое тело.

шениям присоединились и опустошения, причиненные не знающими пощадить вражескими войсками.

Правда, конные племена, вторгшиеся в Индию около 1500 г. до н. э. со стороны Ирана, родственные персам арии или древние инды, не были очень дикими и кровожадными. Во всяком случае сведения, дошедшие до нас от эпохи переселения народов и сохранившиеся позднее в записях, об этом ничего не говорят. В преданиях нет и следа упоминаний об обычной для завоевателей борьбе не на жизнь, а на смерть. Тогда что могло заставить завоевателей, если все-таки они были причиной разрушений, так расправиться с жителями цветущей страны?

Или древнее население само, по своей воле отступило перед захватчиками, оставило землю своих предков, увидев, что спасения нет? Вместо рабства оно выбрало бегство, переселение в далекие края?

Схематический план Мохенджо-Даро, самого большого из раскопанных до сих пор городов цивилизации Инда.

Раскопки, проведенные в Индии в последние десять-двадцать лет, доказывают, во всяком случае, что многие из древних жителей долины Инда уходили в трех направлениях — по морю в Суарастру, по суше — в Восточный Пенджаб и долину Ганга. На своей древней родине они жили только примерно до 1500-х годов до н. э., но в других частях Индии можно найти следы существования их больших или малых поселений на протяжении еще тысячи лет.

Пока что мы не знаем, когда началось это переселение, но по морю оно началось наверняка еще перед случившейся в середине II тысячелетия до н. э. огромной катастрофой: падением метрополии. К тянувшемуся от дельты Инда до кончика Индостанского полуострова побережью Индийского океана не раз приста-

вали, преимущественно в устьях рек, большие или малые группы кораблей. Прибывшие на них люди закладывали поселения, цветущие города, среди них и Лотал, который со временем вырос в большой торговый центр. Археологи и здесь нашли такие же как Мохенджо-Даро и Хараппе правильные, четырехугольной формы кварталы, в домах — комнаты для омовений, на широких улицах — крытые каналы. Сейчас Лотал лежит уже далеко от моря, речные наносы превратили в сушу мелководную прибрежную полосу, но в свое время это был оживленный порт с огромными доками, построенными из обожженного кирпича, в которые заходили корабли, шедшие не только из устья Инда, но и со стороны сегодняшнего Персидского залива. Как видно из раскопок, здесь выгружали товары из Месопотамии и, возможно, даже одно время и из Египта, не говоря уже о богатой добыче множества морских рыболовных судов. В городе же гончары изготавливали нарядную посуду, медники выплавливали и выковывали превосходное медное оружие и орудия, но поскольку в этих местах медь была редкостью, находилась работа и умелым шлифовальщикам каменных орудий.

Жители Лотала и других позднейших поселе-

Переулок среди раскопанных развалин домов в Мохенджо-Даро.

ний, связанных с культурой долины Инда, передали окружающим их народам много знаний — и связанных с ремеслами, и прочих. Но в ходе столетий медленного упадка их письменность совершенно исчезла, и их самих постигла та же судьба, быть может потому, что захватчики-арии подчинили их себе.

Арии, постепенно завоевавшие Индию, будучи пастушескими племенами, сначала обходились без городов. И даже построенные ими спустя долгие столетия города-резиденции правителей, защищенные земляными насыпями и деревянными ограждениями, выглядели весьма скромно по сравнению с теми поселениями, которые в долине Инда к тому времени навечно обезлюдели.

Об этом более позднем периоде, об Индии первого тысячелетия до нашей эры, мы знаем гораздо больше уже и из письменных памятников. Во времена Дария персы додумались, что из шумеро-аккадских клинописных знаков им достаточно выбрать столько, чтобы они смогли передать письмом каждый звук своего родного языка. Но писцы древнеперсидской державы хорошо знали и арамейский способ письма, созданный по образцу финикийского. Поселившиеся в Индии жрецы родственного народа, по-видимому исходя из этого, создали — около 500 г. до н. э. — письменные знаки, предназначенные для увековечивания священных текстов.

Или это произошло еще до персов, около 800 г. до н. э.? Существует и такое предположение, только нет у нас никаких, ну никаких доказательств.

Здесь также кроется какая-то тайна. Новым письмом записаны и такие религиозные стихи-веды, которые уже и тогда считались неимоверно древними. Хотя нам известны применяемые в Азии и по сей день весьма развитые методы устной передачи памятников народного творчества, но и тогда трудно постичь умом, как могли сохраняться эти памятники в течение 600—800, а может, и тысячи лет.

И если бы речь шла только о священных текстах! Но старинные памятники сохранили нам целый язык, санскрит, который к тому времени, когда его впервые записали на бумагу, вернее на пергамент, описали его правила, чтобы точно соблюдали их те, кто знал этот язык: жрецы и другие образованные люди, — в своей первоначальной форме уже совершенно вымер, исчез из живой речи.

Этот язык стал общим литературным язы-

Расписной керамический сосуд. III тысячелетие до н. э. Долина Инда, Чанху-Даро.

ком потомков племен ариев-завоевателей, которые все более умножались в числе, а потом распались на много народов. Этот язык понимали образованные люди во всей огромной Индии. На этом языке написаны многие песни бесконечно длинного — в двести тысяч строк — героического стихотворного эпоса «Махабхарата» и другой, более короткий эпос «Рамаяна», история приключений царевича Рамы.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь — так могли бы мы начать рассказывать эти две замысловатые истории сыновей рода Бхарата, но слишком долго пришлось бы дожидаться конца. В этих эпосах, особенно в «Махабхарате», пожалуй, больше

Львы на колонне Ашоки в Сарнатхе. Изображение этой капители выбрала своим гербом ставшая независимой Индия.

Будда. Голова статуи. VI—IV вв. до н. э. (Музей Восточной Азии, Будапешт).

всего бросается в глаза то, что арии, господствующие над темнокожим туземным населением страны, над «безносыми», в основном заняты ссорами, соперничеством и сражениями друг с другом. Но они появляются перед нами уже не так, как в эпоху завоевания Индии; не только на конях и повозках, но и на слонах. Самая большая похвала, которой может удостоиться воин: «такой могучий герой, как десять тысяч слонов». Цари и другие вельможи отправлялись в поход на слонах, и в пылу битвы:

... падающие друг на друга,
покрытые кровью слоны-великаны
в неистовстве всаживают клыки
один в другого;
быстрые, могучие звери,
носящие колышающиеся знамена,
воют страшными голосами,
запоротые клыками насмерть,
а находившиеся под их защитой
широкоплечие пешие воины-герои,
неся копья, луки,
сверкающие боевые топоры,
острые мечи с крепкими рукоятками,
дубины и палицы,
идя со всех четырех сторон света,
бросаются друг на друга,
полные решимости
перебить воинов врага.

В ходе борьбы, которую вели между собой мелкие и крупные правители — арии, постепенно возникли те великие царства, которые наконец подчинили своей власти всю Индию — огромную, лежащую на юг от Гималаев часть Азии, равную по величине почти всей Европе.

Внук уже упоминавшегося выше царя Чандрагупты, Ашока (приблизительно 273—236 гг. до н. э.), был первым государем, который подчинил себе всю страну за исключением Южного мыса Индостанского полуострова. Но потом и он, подобно победоносным войскам из «Махабхараты», которые, как говорится в эпосе, отправились в Гималайские горы в последнее паломничество и там нашли свою смерть, пресытился кровью. Ашока, правда, остался царем, но перешел в буддизм и сделал целью своей жизни распространение этой миролюбивой религии.

Надписи, сделанные Ашокой, совершенно необычны, если вспомнить о торжественных хва-

Будда укрощает впавшего в ярость слона. Резьба по камню.

лебных надписях, оставленных потомкам другими древними владыками. Вот одна из них:

«Спустя восемь лет после того, как угодный богам царь был помазан на царствование, благосклонно взирающий захватил Калингу. Сто пятьдесят тысяч человек было угнано оттуда, сто тысяч убито и много тысяч погибло. И теперь, после захвата Калинги, любимец богов усердно занимается проповедью учений «За-

кона», любви к «Закону». Печален любимец богов с тех пор, как завоевал Калингу. Ибо неизбежно захват еще не покоренной страны сопровождается убийством, гибелью или угоном людей. И от этого терзают любимца богов печаль, горестные мысли и тяжелые мысли». Царь остерегает потомков, говоря: «Не одерживайте новых побед, а как победу над самими собой любите терпение и умеренную строгость».

Для усопших правителей и святых, вернее, для их мошей, в Индии возносили самые разные ступы, т. е. куполообразные насыпи, окруженные стеной и оградой, с гробницей или строением для мошей на вершине. Здесь изображена большая ступа в Санчи.

Ашока, очевидно, верил в сказанное им. Поэтому что в Индии на самом деле считалось похвальной добродетелью воздерживаться от бессмысленной жестокости.

Создатель буддизма, индийский принц Сиддхартха Таутама, получивший впоследствии имя Будда, осуждал всякое насилие. И по сей день есть у него много последователей, которые щадят даже цветы, не срывают ни одного цветка. А если видят сорванный цветок, поднимают его и ставят в воду, чтобы хоть на короткое время продлить его жизнь.

Дело в том, что Будда верил в переселение душ из одного живого существа в другое, поэтому душа жившего прежде человека может существовать дальше в каком-либо животном или растении. И сам Будда, по верованиям его приверженцев, прежде чем принял нынешний облик прожил много жизней — обезьяны, слона, кушча и только после этого стал сыном раджи — правителя одного небольшого города.

Оставив отцовский дворец, семь лет скитался он по стране занимающимся самобичеванием странствующим проповедником. И вот однажды, когда он сидел под фиговым деревом, ему открылась великая тайна того, как навсегда освободиться от скорбей земной судьбы: не надо ничего желать, не надо ни к чему стремиться, не надо даже цепляться за свою собственную жизнь, и тогда человек сможет окунуться в божественную *нирвану*, в состояние полнейшего успокоения, и эта высшая ступень счастья может выпасть на долю каждого человека еще при жизни и тем более после смерти.

Будда проповедовал около 500 года до н. э., а спустя два с половиной столетия уже и Ашока, великий царь, стал горячим приверженцем его учения. Более того, он посылал толпами миссионеров за рубежи могущественной Индии, чтобы знакомили они народы с новой верой.

Буддизм широко распространился и укоренился в Юго-Восточной и Центральной Азии.

в Китае, Японии... Только в самой Индии Будда со временем отошел на задний план, его учение было вытеснено верой в древних богов — Брахму, Вишну, Шиву, Индру и других, и даже в бога мусульман — Аллаха.

Но потерпели поражение также бедняки и отверженные, о которых в учении Будды говорится, что с ними надлежит обращаться так же, как со всеми другими.

Величайший из древних богов — Брахма — с самого начала постановил, что всегда должны быть различия между людьми. Из уст своих он сотворил касту жрецов, брахманов, из рук — воинов, из бедер — прочих свободных людей, из ног — касту слуг. И так было постановлено в своде законов Ману, праотца человечества. По мнению индусов, т.е. индийцев, исповедующих индуизм, законы эти насчитывали тридцать миллионов лет (хотя на самом деле они возникли в первые века нашей эры, во всяком случае, в той форме, в которой дошли до нас). Среди прочего в них говорилось: «Слуга, даже если господин его дает ему вольную, неосвобождает от рабства; он родился рабом, кто же может вывести его из этого состояния». Но и воин не имел права стремиться стать жрецом. Если же «корыстолюбие» подвигало его на это, ему приходилось расплачиваться потерей имущества и немедленным изгнанием.

Брахма создал и царя, чтобы тот правил и наказывал. По своду законов Ману, царь защищает слабых от сильных, чтобы последние не зажарили бы первых, «как рыб на вертеле». Но в то же время, если бы не было царя, «ворона сожрала бы принесенный в жертву богам калач, пес облизывал бы принесенные в жертву богам яства, ни у кого не осталось бы собственности и низкие одержали бы верх. Все касты погибли бы, разрушились бы все барьеры, последовало бы брожение во всем человечестве...».

Нет, касты погибнуть не могли. Барьеры не могли разрушиться. Позднее в Индии образовались помимо четырех основных каст еще много десятков других, и члены их не могли вырваться из тех рамок, в которых родились. Особенно тяжела судьба париев, отверженных, к которым членам высших каст было запрещено даже прикасаться.

Но это строгое деление общества имело и свою пользу: касты защищали своих членов, делили между ними общий доход и заботились о тех, кто нуждался в опеке.

Рельефы с изображениями духов мужчины и женщины — Якши и Врикакши — на пилонах ограды ступы в Бхаруте. I в. до н. э.

Но самым бедным это не очень помогало. Втоптаным в грязь, униженным, им не оставалось другого утешения кроме веры в переселение душ, которая и после оттеснения буддизма на задний план передавалась от поколения к поколению: если заслужат они своими поступками, то в будущей жизни не только останутся людьми, а не собаками, пауками или другими существами, но в награду смогут попасть в более высокую касту и там будут счастливы и богаты.

И с этой верой Индия дошла до нашего времени, до XX века.

ДВА МИРА

Когда в 331 году до н. э. юный царь Македонии Александр, заслуживший эпитет Великий, ниспровергнул державу персов, когда он победоносно прошел весь Ближний Восток и вместе с войсками своих европейских наемников вторгся даже в Индию, он оказался владыкой преобладающей части известного ему мира. Поначалу казалось, что несмотря на это он не утратил трезвого рассудка. Один из его греческих биографов, Плутарх, передает, будто поначалу сам царь остерегал своих вельмож: не будьте изнеженными, как персидская знать, не наряжайтесь, не мажьтесь вместо масла дорогой миррой. Он удивлялся, что вельможи, «сравнивая свою жизнь с жизнью персов, не осознают, какое рабское занятие — праздность и какое царское — тяжелый труд».

Но позднее и он начал понемногу перенимать азиатские обычаи: одевался в нарядные, ниспадавшие до земли мидийские одежды и начал превращаться в восточного деспота. Правда, он уже с самого начала считал естественным, что покоренные им азиатские владыки падали ниц перед ним, но от греческих воинов, от своих военачальников он еще долгое время не требовал такого смирения. В начале своего правления он считал бы это смешным, но позднее уверовал, что всем надлежит воздавать ему такой почет. Жрецы постоянно нашептывали ему: он-де не простой смертный, а потомок богов. Но только не каждый грек и македонец так легко и покорно сгибал поясницу. Не могли они, например, примириться с тем, что царь приказал высечь прутьями одного из своих пажей только потому, что во время царской охоты тот осмелился убить дикого кабана раньше царя. Еще менее нравились грекам и македонцам казни, совершавшиеся без суда и следствия. Наконец, дело дошло до того, что царь окружал себя телохранителями-персами, и персидские же воины по его приказу сбросили в Евфрат взбунтовавшихся македонцев. Он приказал убить жившего при его дворе греческого философа, который осмелился указать царю на его пороки, хотя этот философ, как и сам Александр, был учеником великого Аристотеля. Но что стоила здесь, под небом Азии, отечественная мудрость, трезво взвешивающая каждый аргумент? Что стоил мыслящий, светлый разум? Царский дворец, как это полагалось мучимому вечными подозрениями, суверенному

Александр Македонский. Римская мраморная копия статуи работы Лисиппа. Черты лица царя — завоевателя мира — переданы, вероятно, точно, ведь Лисипп был его придворным скульптором.

тирану, был набит приносящими жертвы и изгоняющими злых духов жрецами и предсказателями...

Александр победил Восток, а Восток победил Александра, переделав его на свой лад.

Мечами своих воинов царь Македонии проложил себе дорогу в такой мир, где он мог править лишь как внушающий страх полубог, где — хотел он того или нет — он мог терпеть вокруг себя лишь согнутые хребты.

Вероятно, вначале он этого не хотел. Но потом *должен был* хотеть, потому что сохранить авторитет в глазах своих азиатских подданных он мог, лишь сломив более свободный и смелый греческий дух своих соотечественников.

Восток и Запад были к тому времени уже двумя различными мирами. Именно Александр попытался было соединить их воедино. И даже спустя столько времени мы можем вменить ему в заслугу, что он не делал разницы между людьми и не считал азиатов людьми более

низкого порядка, чем своих соотечественников или уроженцев Эллады. Более того, он поощрял своих подданных заключать браки и смешиваться с азиатами, чтобы образовать единую нацию.

По следам его войск сотни тысяч, если не миллионы, греческих поселенцев двинулись в покоренные страны. От Египта до самых границ Индии основывали они новые города или оседали в старых, всюду строя храмы, театры, бани, стадионы, школы...

Но где их потомки? Их поглотил Восток.

И не только потому, что они были малочисленны. Завоевавшие Индию арии были тоже численно невелики по сравнению с уже жившими там дравидами, а сегодня все-таки сотни миллионов людей говорят на унаследованном от них языке.

Правда, арии следили за тем, чтобы не расеяться, и жили в строгой изоляции. Греки, если даже они не разделяли принципов Александра, выражали большую готовность к смешению.

Но все же не это было главной причиной того, что греки Ближнего Востока исчезли почти бесследно. Скорее всего то, что Азия оставалась Азией. Как и Европа оставалась позднее Евро-

пой несмотря на то, что обрушивались на нее с востока и гунны, и арабы, и турки.

Пути Европы и Азии разошлись более двух тысяч лет тому назад, хотя развитие *всех нас, всего* человечества, выход его из времени дикости и варварства началось на Ближнем Востоке.

Там оно началось, отсюда распространялось все дальше, *в одну сторону* — до европейских берегов Атлантического океана, *в другую сторону* — до азиатских берегов Тихого океана.

Когда начали люди этого огромного мира делиться на две части, на людей восточных и западных? Трудно точно сказать. Но когда-то еще в начале первого тысячелетия до нашей эры. Если не раньше.

Азия огромна. На большей части ее дождей выпадает мало, но в Азии много рек, воду которых общими силами можно использовать для орошения.

Сперва лишь небольшие, живущие вместе группы людей объединяли свои силы, чтобы строить каналы, плотины, водохранилища. Позднее жители целых городов, еще позднее — целых стран, целых империй.

Кто бы ни был владыкой в том или ином

Битва при Иссе, в которой Александр Македонский одержал большую победу над последним царем древнеперсидской державы Дарием III. (Помпейская мозаика, сделанная на основе греческой картины.)

Великие противники. Александр...

месте Азии, он был и правителем общих работ. Время от времени он собирал и посылал армии работников на строительство то оросительных сооружений, то дамб, защищающих от паводка, то городов и городских стен, то стен, защищающих всю страну, то дорог, то судоходных каналов, то водопроводов, то огромных храмов, то гробниц.

В этом отношении Египет не отличался от стран Азии. Более того, он был одним из первых больших примеров для подражания. Людей в армии работников поставляли главным образом жители сел. Они же поставляли необходимое продовольствие и прочие материальные средства.

В Азии на пригодных для возделывания территориях уже две-три тысячи лет назад было великое множество поселений. Если жители не помещались в селении, они уходили и занимали новые земли. Места хватало. Азия — огромна.

В непрерывных войнах многие селения пустели. Но почти всегда люди вновь заселяли их.

Сельские жители не стремились к завоеваниям, они хотели только спокойного существования. Но господствующие над ними правители всегда отбирали у них и то, что было нужно селянам для их собственного благополучия.

«Как пиявка, теленок и пчела питаются по крохам, так и царь должен по крохам собирать ежегодный налог для своего царства, — говорилось, например, в «Своде законов» Ману. — Скота и золота — одна пятидесятая часть, зерна — одна восьмая, одна шестая или одна двенадцатая полагается царю. Точно так же он может забрать одну шестую часть деревьев, мясной пищи, масла, а также благовоний и приправ, целебных трав, корней, плодов и листьев, огородных растений и травы, шкур и предметов из тростника, а также глиняных сосудов и всего, что изготовлено из камня».

... и Дарий III (деталь помпейской мозаики).

По крохам, только по крохам! «Царь не должен чрезмерной алчностью подрывать корней ни своих, ни других».

Этот добрый совет выполняли не все цари. Но если народ восставал, восстания всегда подавлялись.

Большинство сел не имело ограждений и было незащищено. Посылаемые городскими властями конные отряды, оснащенные сперва бронзовым, позже — железным оружием, быстро карали их за любое неповиновение.

По сравнению со множеством сел городов было довольно мало. Но, как видно, достаточно много для того, чтобы их правители господствовали над каждой живой душой.

Подати почти всегда накладывались на селение целиком, ведь земля принадлежала общине, а не отдельным людям!

Общине? Царю!

Сельские жители владели землей лишь по

милости царя. Только он считался настоящим собственником, хозяином всей пригодной для возделывания земли, всех лесов, рудников, всех вод.

Право собственности на земли, на села принадлежало царю так же, как все прочие права — на чеканку монет, сбор таможенных пошлин, торговлю железом и солью, на то чтобы обезглавливать, сажать на кол своих подданных.

Конечно, эти свои права царь осуществлял через посредство других лиц: без армии мелких и крупных чиновников, правителей, наместников и сборщиков налогов он и не мог бы править.

Все его помощники получали свою часть от царских доходов. Но всем им приходилось сгибаться перед царем до земли.

Возникали и рассыпались в прах державы, но кто бы ни стал царем или императором, сановники всегда исправно ему подчинялись.

Каменный саркофаг эпохи Александра Македонского. Посередине изображен сам Александр верхом на коне, справа и слева сражаются его пешие воины.

а народ так же исправно платил налоги, да и мог ли он поступать иначе?

Протекали столетия, а жизнь едва менялась. Крестьяне сами пряли и ткали свои одежды, снабжали себя продовольствием, строили себе дома. Если им нужны были железные орудия, их выковывал сельский кузнец, если нужна была посуда, ее делал и обжигал сельский гончар.

Извне в деревню попадали только железо и соль. Да в безлесных местностях еще древесина. Но тем, что забирали в деревнях люди царя — в виде налога натурой, — жили и многие городские ремесленники и купцы, но они снабжали всеми земными благами знать страны.

Таков был Восток. Попал в него и завяз в нем уже и великий Александр Македонский. Своими быстрыми победами он не в последнюю очередь был обязан тому, что не только простому народу, но и доброй части господствующей над ним знати было почти все равно, перед кем склонять голову, кому лобызать ноги — Александру или Дарию III.

Но люди Александра — македонцы и греки — пришли из другого мира, с Запада. С берегов Средиземного моря. Из стран, где развитие пошло по-другому. Где, не считая египетской дельты, мало имелось хороших, пригодных для возделывания земель. Но зато было широкое море.

Финикийцы, теснившиеся на узкой прибрежной полосе, были первыми, кто попытался расширить свое жизненное пространство в сторону моря. Они занимались рыболовством, торговали сперва с Египтом, уже во времена первых фараонов, а может быть даже еще до них, потом с жителями Кипра, Крита и других островов и побережий.

Со временем на островах и в приморских районах населения становилось все больше, и повсюду строились города, в которых жило все больше купцов и ремесленников. Там, где был пригодный для порта залив, заселялись даже бесплодные побережья, в особенности если поблизости можно было добывать ценные камни

РАЗВИТИЕ АЛФАВИТОВ

ОБРАЗЦЫ БУКВ
ЗАПАДНЫЕ АЛФАВИТЫ

Древнефигирийский		Древнегреческий		Латинский	
✱	произношение „a“	Α Δ A	произношение „a“	A	произношение „a“
Δ	„b“	Β Β B	„b“	B	„b“
Γ	„g“	Γ Γ	„g“	C	„k“ „g“
Δ	„d“	Δ Δ	„d“	D	„d“
Ξ	придыхание	Ξ E	короткое	E	„e“
Υ	„v“	Υ F Y	„v“ „u“	F	„f“
Ζ	„z“	Ζ Ζ Z	„(d)z“	Z	„z“
Η	„h“	Θ Η Η	длинное	H	придыхание

РАЗВИТИЕ АЛФАВИТОВ

Сухопутная торговля в основном обеспечивала предметами роскоши богачей. Морская — сделала более легким существование миллионов.

Но для развития ее были необходимы такие изрезанные берега, как у Средиземного моря, его разнообразное побережье. И еще три таких изобретения, которые родились в этом районе: выплавка железа, буквенное письмо и разменная монета.

Эти достижения раньше или позже проникли в самые отдаленные уголки Азии. Буквенное письмо, например, за несколько столетий дошло даже до Кореи и Филиппинских островов, хотя Китай и Японию не завоевало. Орудия из железа и мелкая монета из серебра или меди постепенно распространились повсюду.

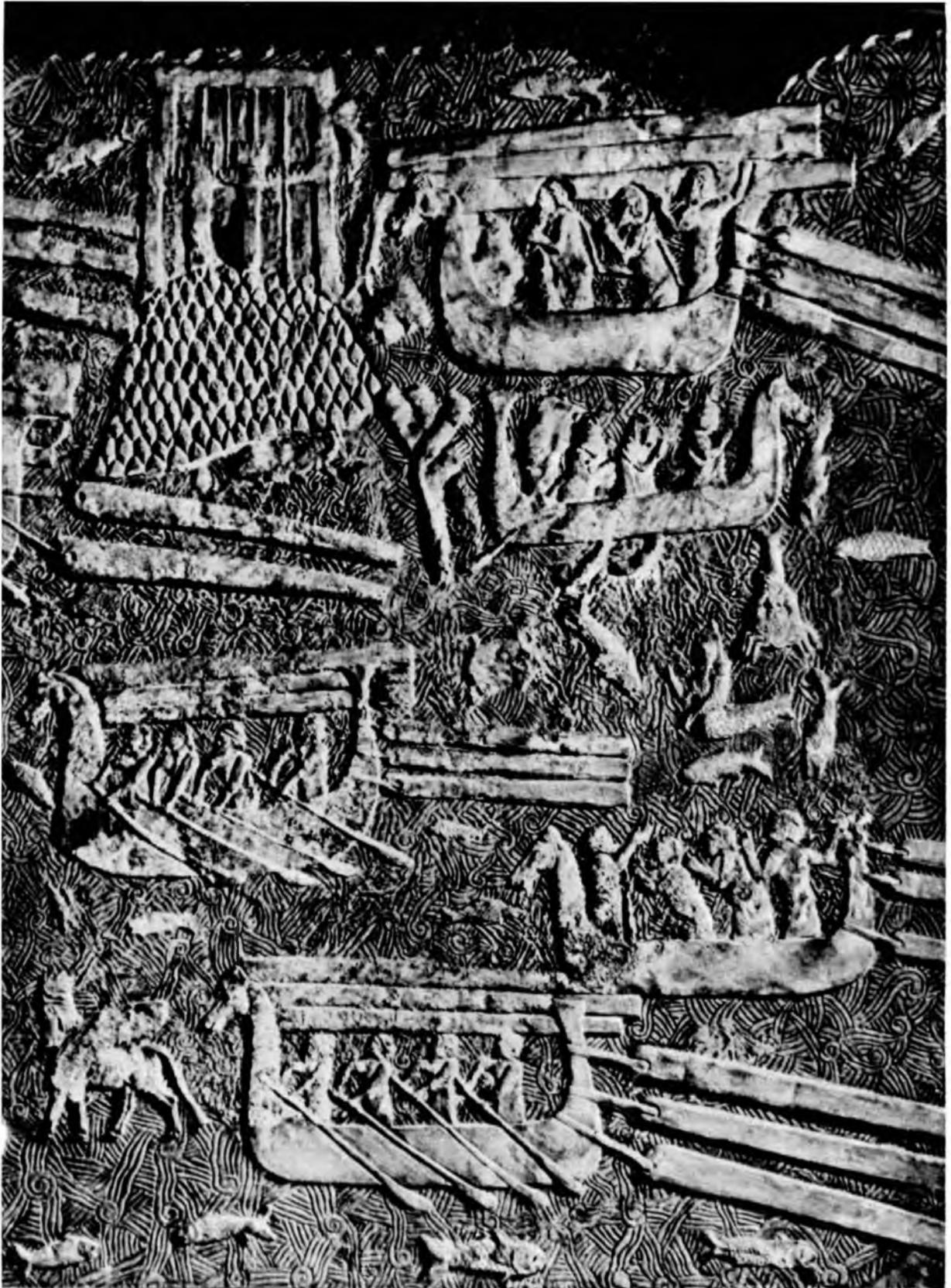
Но только здесь, в Средиземноморье, они стали настоящими товарами массового потребления уже за тысячелетие до нашей эры и дали огромный толчок развитию человечества.

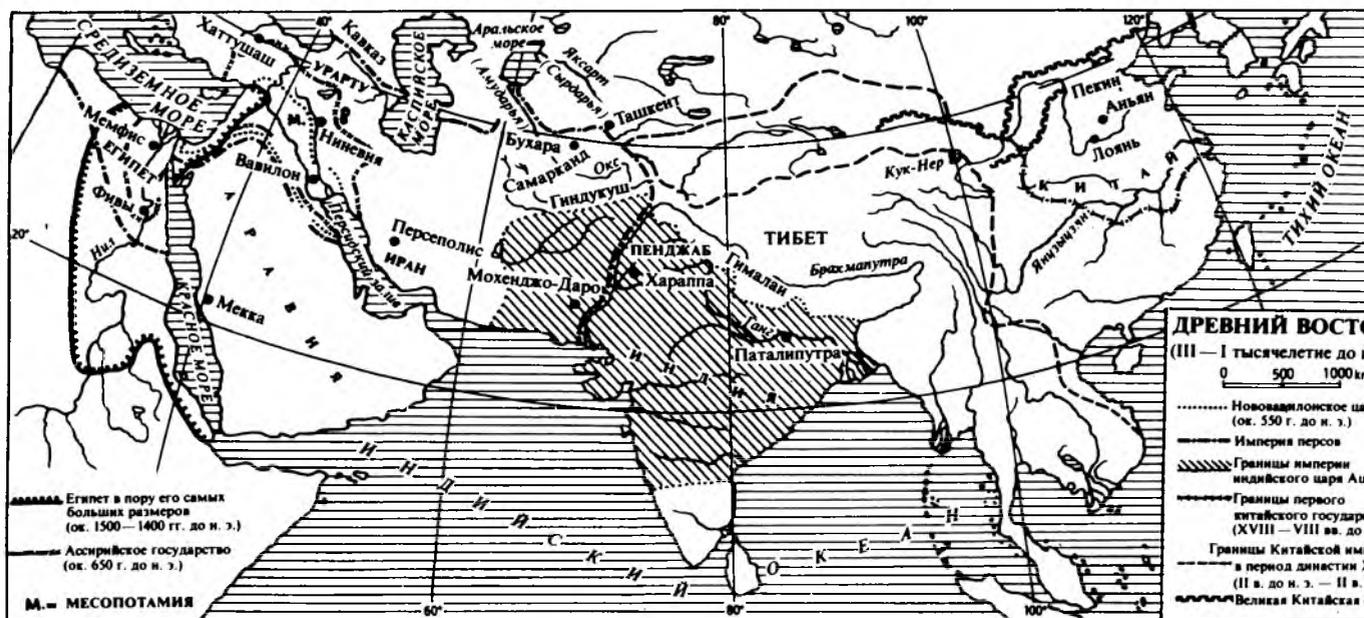
Железо сделало более эффективным и земледелие и промышленность, облегчило строительство прочных, не боящихся бурь судов. Оно дало оружие в руки и простых людей, а буквенное письмо позволило сделать образование достоянием многих. Наконец, серебряные и медные мелкие монеты, которые часто звенели уже и в горстях бедняков, ускорили оборот необходимых для каждого товаров — орудий труда, посуды, одежды, продовольствия — и тем способствовали разделению труда, развитию ремесел.

Разделилась собственность, но разделилась и власть. Сотни городов в течение многих поко-

ВОСТОЧНЫЕ АЛФАВИТЫ

Древнефигирийский	Гарфугинский	Древнеарамейский	Пальмирский	Сирийский	Арабский	произношение
✱	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	ا	„a“
Δ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	ب	„b“
Γ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	ج	„g“
Δ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	د	„d“
Ξ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	ه	придыхание
Υ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	و	„v“
Ζ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	ز	„z“
Η	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	ح	„h“

лений были сами себе хозяевами, почувствовали вкус власти народа, демократии, при которой правителей выбирали на собрании горожан.

А все это, хотя права и вольности в значительной их части оказались временными, высвободило такие человеческие способности, которые питают Европу и по сей день.

Как три близнеца, родились когда-то человеческие культуры более высокого порядка — письменные цивилизации. Один из близнецов, колыбелью которого была долина Инда, после начального взлета пережил тяжелые катастрофы и постепенно утратил силы, два же других: один — в Междуречье Тигра и Евфрата, дру-

гой — в долине Нила — со временем вышли из младенчества, объединили свои силы и, развиваясь все дальше и дальше, за прошедшие с тех пор пять тысяч лет, можно сказать, завоевали весь земной шар.

Но по-иному — Восток и по-иному — Запад. Для объединения Востока и Запада подошло время лишь в нашу эпоху.

Мы должны хорошо знать истоки начала, ибо лишь в этом случае сможем по-настоящему понять, какие задачи это накладывает на нас.

На нас? На живущих сегодня? Даже на внуков наших внуков!

Финикийские корабли на одном ассирийском рельефе. Финикийцы были первыми великими мореходами на Средиземном море, но сыграли важную роль и в создании алфавита, доступной миллионам людей простой системы письма.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Приведенные ниже хронологические данные, за несколькими указанными исключениями, относятся ко времени до нашей эры. Следовательно, для того чтобы узнать, как давно по отношению к нашей эпохе произошло то или иное событие, к датам таблицы надо прибавить почти две тысячи лет.

VIII тысячелетие — Древнейшие из известных нам городов.

IV столетие — Поливное земледелие в Месопотамии и долине Нила. **Перед 3000 г.** — Древнейшая письменность в Шумере и Верхнем Египте.

Около 3000 г. — Шумерские города-государства, объединенный Египет.

Около 2800 г. — III династия захватывает власть в Египте. Начало Древнего царства.

Около 2600 г. — Правление Гильгамеша в Уруке. Пирамида Хуфу (Хеопса) около Менфера (Мемфиса), в Западном городе.

Около 2500 г. — Эпоха царских гробниц в Уре. В Египте на трон вступает Б династия. В северо-западной Индии уже развернулась индусская культура.

Около 2350—2294 гг. — Аккадский царь Саргон I, объединивший Междуречье.

Около 2200 г. — Падение Древнего царства в Египте, начало первой переходной эпохи. Племена горцев-гутеев наводнили Аккад и Шумер.

Около 2140 г. — Шумер освобождается от ига гутеев. Объединение

Двуречья в правление III династии царей Ура.

Около 2060 г. — Конец первой переходной эпохи в Египте, фараоны XI династии постепенно вновь объединяют страну. Начало Среднего царства.

Около 2016 г. — Падение Шумера. Эламцы захватывают Ур и свергают с трона III династию.

Около 2000 г. — Расцвет цивилизации Инда. Ашшур начинает развешивать международную торговлю.

Около 1970—1934 гг. — Правление фараона Сенусерта I.

Около 1792—1750 гг. — Во время правления Хаммурапи Вавилон становится великой державой. Законы Хаммурапи.

Около 1741 г. — Первое большое нападение касситов на Вавилон.

Около 1700 г. — Удачный набег гиксосов на Египет. Семиты Синайского полуострова создают первое письмо буквенного типа, предка позднейшего письма финикийцев. **Около 1600 г.** — Начало расцвета Митанни. Хетты опустошают Вавилон.

Около 1550 г. — Изгнание гиксосов из Египта, начало эпохи Нового царства. Складывается Хеттское государство.

Около 1500 г. — Фараон Джехутимес III завоевывает Сирию и долину Нила до 4-го порога. Хетты захватывают большую часть Малой Азии. Власть касситов в Вавилонии. В Индию вторгаются арийские племена, города в долине Инда обезлюдывают. Китайская династия Шан основывает государство в районе Хуанхэ, строит защищенную стенами столицу.

Около 1400 г. — Победа хеттов над Митанни, закат власти хурритов, расцвет Ассирии. В степных районах сегодняшних Южной Сибири и Казахстана постепенно рас-

пространяется коневодство; кочевые пастушеские племена заселяют ранее почти необитаемые травянистые степи.

Около 1370 г. — Религиозные и общественные реформы фараона Эхнатона в Египте.

Около 1300 г. — Великое сражение между Египтом и Хеттским государством у Кадеша. Китайская династия Шан основывает новую столицу — Инь

Около 1200 г. — Нападение «народов моря» ниспровергает империю хеттов, но фараон Рамсес III изгоняет их из Египта. Сыновья Израиля захватывают «обетованную землю» Ханаан. Все больше народов узнает старательно оберегавшуюся тайну производства железа. **Перед 1100 г.** — Осада и падение Трои. Месопотамно наводняют арамейские племена.

Около 1050 г. — В Египте подходит к концу эпоха Нового царства и начинается Поздняя эпоха. Страна распадается на две части. В Китае племя чжоу завоевывает государство Инь.

Около 1000 г. — В Малой Азии

вырабатываются приемы ведения войны конным войском. В Египте правят фараоны ливийского происхождения.

Около 900 г. — Ассирия после долгого упадка с помощью своих конных отрядов вновь превращается в державу-завоевательницу. В Греции рождаются эпосы Гомера, создается — по финикийскому образцу — греческий алфавит. В Восточной и Южной Европе все больше распространяется повседневное употребление железа.

Около 800 г. — На Средиземном море бурно возрастает судоходство. Финикийские поселенцы основывают Карфаген.

729 г. — Вынужденное объединение Вавилона с Ассирией.

722 г. — Падение Израиля. Значительную часть его жителей ассирийцы угоняют в рабство.

Около 700 г. — Скифы захватывают травянистые степи, лежащие на север от Черного моря.

705—680 гг. — Правление ассирийского царя Синахериба, двукратного победителя восставшего Вавилона.

677 г. — Ассурхиддин, сын и преемник Синахериба, вновь отстраивает Вавилон.

671 г. — Ассирийцы врываются в Египет.

669—629 гг. — Правление Ашшурбанипала.

Около 656 г. — Египет отпадает от Ассирии. Ашшурбанипал предает жестокому разрушению Вавилон, также стремившийся отделиться от Ассирии.

639 г. — Падение Элама.

626 г. — Вавилония завоевывает независимость, создание Новоаввильонского царства.

612 г. — Гибель Ниневии. Поверженную Ассирию делят между собой вавилоняне и мидийцы.

597, 586 гг. — Навуходоносор дважды захватывает Иерусалим, разрушает его стены, угоняет часть жителей.

Около 551—470 гг. — Жизнь Конфуция.

Около 544—486 гг. — Жизнь Будды.

558—529 гг. — Правление созда-

теля Древнеперсидского государства Кира II Великого.

539 г. — Кир захватывает Вавилон. Падение Новоаввильонского царства.

525 г. — Власть персов распространяется и на Египет.

521—486 гг. — Правление Дария I. **490 г.** — Победа греков над Дарием под Марафоном.

480 г. — Победа греков под Саламином. Вынужденное отступление войск персидского царя Ксеркса.

Около 405 г. — Египет освобождается от персидского гнета.

336—323 гг. — Правление Александра Македонского.

333 г. — Битва при Иссе. Македонцы захватывают Сирию и Финикию.

332 г. — Александр Македонский в Египте.

331 г. — Падение древнеперсидской империи. Смерть Дария III.

327—325 гг. — Индийский поход Александра Македонского.

Около 267—230 гг. — Правление Ашоки, объединение Индии.

246—210 гг. — Ши Хуанди объединяет Китай и принимает титул императора.

206 г. до н. э.—221 г. н. э. — Правление династии Хан в Китае.

Около 200 г. до н. э. — Расцвет степной державы восточных гуннов.

Около 100 г. — Победы китайцев над гуннами, закат державы восточных гуннов. Ферганские походы Китая.

31 г. — Римляне завоевывают Египет.

Перед 100 г. н. э. — Возникновение в восточных провинциях Римской империи христианства.

После 100 г. н. э. — Первые большие успехи буддистских проповедников в Китае.

ПЕРЕВЕЛА С ВЕНГЕРСКОГО Л. ШАРГИНА
РЕДАКТОР ПЕРЕВОДА М. ПОГАНЬ-БЕРТАЛАН

НА ПЕРЕПЛЕТЕ: ФРАГМЕНТ ВЫКОПАННОЙ В УРЕ МОЗАИЧНОЙ
ПЛИТЫ «ШУМЕРСКОЕ ВОЙСКО В ПОХОДЕ»
ПЕРЕПЛЕТ ЯНОША ЛЕНДЕЛА

ЧЕРНО—БЕЛЫЕ РЕПРОДУКЦИИ АТТИЛЫ КАРОЯ
ЦВЕТНЫЕ РЕПРОДУКЦИИ АЛЬФРЕДА ШИЛЛЕРА И КАРОЯ СЕЛЕНИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

© VARGA DOMOKOS 1973, 1979
ISBN 963 13 1976 8
ОТПЕЧАТАНО В ВЕНГРИИ, 1985
ТИПОГРАФИЯ «АТЕНЕУМ», БУДАПЕШТ

3p. 10к.

